



ИЛЬЯ ЖЕРДЯЕВ

**ПРИСУТСТВИЕ № 6/15  
ИЛИ КОРПОРАЦИЯ С НОВИДЕНИЙ**



Илья Жердяев

**Присутствие № 6/15 или  
Корпорация сновидений**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

## **Жердяев И.**

Присутствие № 6/15 или Корпорация сновидений / И. Жердяев —  
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Адвокат Владимир Кулик остро переживает порожденную коррумпированной правоохранительной системой несправедливость в постсоветском обществе. Убедившись в невозможности влиять на принятие законных и справедливых судебных решений исключительно правовым способом, даже при наличии оправдательных фактов, а также объективных доказательств, адвокат Кулик решает профессиональные обязанности защитника своим особенным путем с помощью сверхъестественной способности проникать во снах в чужое подсознание. И это ему удастся: следователи прекращают фальсифицировать материалы досудебных расследований, прокуроры не направляют в суды лживые обвинения, а судьи более не смеют оглашать неправосудные решения или приговоры! Благодаря участию адвоката Кулика имущество остается у их законных владельцев, стремительно расследуются запутанные криминальные истории, незаконно осужденные вновь обретают свободу, закон неотвратимо настигает изворотливых преступников и, даже, отпетый убийца помогает герою книги бороться с несправедливостью, правда, уже после приведения в исполнение высшей меры наказания, то есть из потустороннего мира...

© Жердяев И.

© Мультимедийное издательство  
Стрельбицкого

## Содержание

Пролог	5
Книга первая	10
Часть первая	10
Глава Первая или Не имеющая окончания...	10
Глава II	43
Глава III	55
Глава IV	66
Глава V	78
Глава VI	85
Глава VII	97
Глава VIII	104
Глава IX	114
Глава X	124
Конец ознакомительного фрагмента.	129

# Илья Жердяев

## ПРИСУТСТВИЕ № 6/15 ИЛИ КОРПОРАЦИЯ СНОВИДЕНИЙ

*Жене Антонине и ее неиссякаемому терпению посвящается эта первая моя книга, в которой, в точности с известным высказыванием Жоржа Симеона, никто не подразумевается ни под кем и если случайно кто-нибудь и похож на кого-нибудь из реальной жизни, то этот кто-то совсем не тот, а совершенно другой...*

### Пролог

Полумрак.

Сюда никогда не попадал прямой солнечный луч.

Острый запах человеческого пота из близкорасположенных конвойных помещений и бумажной пыли из приоткрытой двери архива.

В комнату, именуемую «залом судебных заседаний № 3», на первом этаже бывшего здания жилищно-эксплуатационной конторы невозможно заглянуть с улицы через давно не мытые стекла окон за ржавыми решетками. И рассмотреть в нем облупившийся, давно крашенный деревянный пол и темные, неопределенно цвета в рост человека панели на стенах. Еще – неровно расставленные деревянные скамейки с разномастно одетыми людьми. И все это под мигающими, в густых следах побелки стержнями ламп дневного света на нависающем над головами присутствующих низким потолком.

Небольшой зал судебных заседаний вмещал не более трех десятков посторонних. Именно так – «посторонние», а не иначе еще вчера унизительно называл всех тех, кто непосредственно не принимал участия в рассмотрении дела Председательствующий. Сейчас его небрежный взгляд из-под толстых линз очков в тоненькой, желтого металла, оправе только поверхностно пронесся по нескольким рядам с этими, по его непререкаемому мнению, зеваками: наверняка, близкими и дальними родственниками подсудимого, его знакомыми или соседями. Вторую половину, на его взгляд, этого сброда бездельников в зале составляли сторонники потерпевшего. Их было значительно меньше. И, в большей степени, именно от этого они разместились в худшей для обозрения всего происходящего половине зала. Несмотря на то, что одеты были несравненно лучше представителей группы первой.

Даже с возвышения Председательствующему их всех не было видно. Потому, что несколько человек из их числа были скрыты за выступом колонны и за узкоплечими, низкорослыми фигурами солдат-конвойников.

Все присутствующие замерли в ожидании. Даже представитель прокуратуры, не говоря уже об адвокате, прилежно, как школьник-первоклашка, сложил руки на своем столе. Все взоры присутствующих были устремлены только на этого, сидящего над залом на возвышении, человека в черной мантии. И даже тот, в честь кого они, все без исключения, собрались в этом месте, тоже в эти мгновения смотрел на Председательствующего.

Полная тишина наступила еще несколько минут тому назад. Было слышно, как зал медленно облетает отяжелевшая, уже приготовившаяся к зимней спячке, муха.

И об этом их всех он даже не просил! Странное дело, но все угомонились сами собою. Одно это уже должно было стать знаком и сигналом. Предупреждением и воззванием. Стать для него командой к началу процесса. Но что-то удерживает убеленного сединой судью от первых, необходимых в этом месте уголовного процесса слов. Что-то мучительно заставляет

его сохранять внешнюю сосредоточенность, под которой, на самом деле, он из последних сил пытается скрыть от присутствующих свою растерянность. Нет, как вести судебное заседание ему досконально известно, вот уже, на протяжении девятнадцати лет его работы в этой высокой должности. Сейчас не по этой причине заминка... И само дело, материалы которого лежат перед ним на столе, такое простое и однозначное... Работы, максимум, на пару часов, конечно, если не считать время на фикцию совещательной комнаты. Так бы он подумал еще вчера... Но, уже не сегодня! Сегодня все должно быть по другому. Он сам для себя так решил утром, еще по пути на работу. Почему? Вот это и не дает ему сейчас покоя, а вместе с ним и полной решимости...

«А, что если это только чья-то коварная уловка, и все останется в судебной системе по прежнему? Для такого предположения ему достаточно оглянуться на прожитые девятнадцать лет назад. Такое количество проработанных им лет в должности судьи могли показаться надежной гарантией устойчивости в мыслях... Вот именно: только «могли!» Он в силах самостоятельно сделать анализ происшедшему. Он прекрасно владеет ситуацией и в этом, предстоящем, отдельно взятом деле, тоже. Но не может расстаться с этой одной-единственной мыслью о том, что так более продолжаться не должно!», – эта мысль в голове Председательствующего свежа, как порыв ветра в первый осенний морозный день. Она точно так холодит его лоб и затылок. Вдобавок, у него почему-то начинает неметь левая рука... Это не страшно. Нет! Он, ведь, в основном при составлении документов работает правой. Так что, и это недоразумение для него не причина сомневаться. Тогда, что же!?! Отчего он так затянул паузу, которая с каждым мгновением зажигает все больше недоумения в окружающих его со всех сторон глазах?

Ясное понимание приходит медленно и как бы со стороны. И даже не из его сознания! Судья отчетливо это ощущает! Это не его голос! Это приказ оттуда, откуда пришел тот неизвестный, из последнего его сна...

Голос Председательствующего дрожит от волнения. В зале наступает еще более плотная тишина. Кажется, и насекомые поняли важность момента, исчезнув из этого помещения навсегда. Кроме нескольких молодых бойцов конвойной роты все присутствующие вздрогнули, когда, наконец, зазвучал его надломленный напряжением голос:

Сегодня одиннадцатое ноября... День, когда должно было состояться это заседание. День, который назначил я сам. Для суда над этим, – Председательствующий, не обращая своего взгляда к решетке, за которой сжался в ужасе от грозящей неизвестности подсудимый, продолжал смотреть сквозь зал и медленно, с трудом переводя дыхание после каждого сказанного слова, продолжал, – над этим несчастным. Да, да, господин обвинитель! Я повторю, чтобы у вас не было никаких сомнений! Несчастным! Именно так, по-моему, до тысяча девятьсот семнадцатого года прошлого века в Российской империи называли таких, как он... Этим, кто на эту минуту безвинно отсидел почти год... И в каких условиях!..

Сидящий по левую руку от Председательствующего представитель районной прокуратуры нервно заерзал на стуле, уже не в силах скрывать свое раздражение.

Что вы ерзаете, юноша!?! – голос Председательствующего был обращен именно к прокурорскому работнику, но взгляд оставался быть устремленным сквозь зал и в противоположную от его кресла серую стену. – Я уверен, что вы там никогда не были и не имеете малейшего понятия об условиях содержания арестованных! Эти условия уже сами по себе наказание и, заметьте себе, не по приговору суда! И, слава Богу, что такой порядок стал меняться хотя бы на бумаге...

Эти слова Председательствующего принесли в зал кроме полнейшей тишины еще и полное непонимание участниками процесса складывающейся ситуации. Заполнившие зал люди стали молча переглядываться друг с другом. На некоторое время даже исчезла невидимая граница между представителями двух совершенно чужих друг другу сторон, обвинения и защиты. Эти недоуменные взгляды и пожимания плечами присутствующих в полном безмолвии свиде-

тельствовали о царившей в умах зрителей если и не паники, то, уж, точно растерянности. Все почувствовали грядущую неопределенность, которая казалась даже еще хуже легко прогнозируемого по этому делу финала в виде обвинительного приговора. Все ждали следующих слов Председательствующего.

...Сегодня я начну судебное заседание! Я вынужден буду это сделать. Я горжусь, что этот выбор выпал именно на меня! Я стану первым, кто откажется от вредных нашему измученному обществу привычек и шаблонов и не станет устраивать судилище над невиновным!..

Представитель прокуратуры начал резко и шумно перелистывать томик Уголовно-процессуального кодекса. Он искал начало раздела «Производство дел в суде первой инстанции» и хотел быть уверенным в том, что именно собирался, не смотря на свой возраст и малый опыт работы в органах, немедленно сделать.

– ...Я целиком и полностью отдаю отчет своему поступку и понимаю смысл всего только что сказанного! И, более того, ничуть не жалею о своем шаге! Жаль, что сегодня в этом зале собралось так мало людей... Но, даже, если всего лишь один из всех вас вынесет мои слова из этого помещения и передаст хоть часть сказанного мною другим – я буду этому очень рад потому, что поступаю исключительно правильно!..

И чуть наклонив голову влево, поближе к своему секретарю, не для всего зала добавил:

– Что ты замерла, девонька? Анечка, я же тебя просил вести протокол так, как подобает. Пусть даже это и последнее мое с тобой дело... Итак, я приступаю к основному! – взгляд Председательствующего вновь охватывал целиком зал и скамью подсудимых, но теперь он обращался только к помощнику прокурора, – Не ищите, юноша, того, что в вашей книге нет и не может быть! Этот же закон писался вашим ведомством и для собственного же использования! Поймите меня правильно, это должно было произойти намного ранее и не обязательно в нашем районе или городе. Но так уж вышло, извините, я вынужден продолжать... Властью данной мне Конституцией и как носитель судебной власти заявляю: на основании материалов изученного мною дела, считать подсудимого Абашина Павла Сергеевича не виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей сто сороковой частью третьей Уголовного Кодекса...

– Но вы же предали обвиняемого суду, согласившись с выводами обвинительного заключения! – фальцетом вскрикнул своим неокрепшим голосом паренек с белыми лейтенантскими погонами на узких, еще нераздавшихся плечах.

– Да, и это правильно! Иначе бы у нас не было повода собраться в этом зале и в этом составе! – не смотря на то, что его перебили, отвечал Председательствующий.

– Но вы же нарушаете...

Председательствующий резко прервал неокрепший голос:

– Достаточно лишних слов! Точка зрения представляемого вами ведомства сфокусирована только в одной подписи прокурора, утвердившего обвинительное заключение по этому делу! Но разве, утверждая это обвинение, он не видел того, что материалы дела не содержат не единого, оформленного надлежаще процессуально, доказательства вины обвиняемого Абашина!? Разве он не видел, сколько именно исправлений в протоколах его задержания и досмотра!? Неужели он не заметил, что в милицию Абашина доставили люди из охраны самого, так называемого, потерпевшего!? А почему господин прокурор не обратил внимания на многочисленные телесные повреждения на всем теле, включая лицо, подозреваемого, видимые невооруженным взглядом, в том числе и в день дачи им санкции на арест!? А я знаю почему! – все громче и громче под низкими сводами неприспособленного для такого дела зала гремел голос Председательствующего. – Я знаю!!! Потому, что потерпевший и жена самого прокурора есть соучредители одной и той же торговой фирмы, да!? Не смотрите на меня так, уважаемый помощник прокурора! Лучше гляньте в материалы дела и потрудитесь хотя бы прочитать эти, хорошо известные вам, фамилии на листе дела сорок восемь... Спасибо всем тем, кто не умеет работать с документами, и кто оставил во спасение Абашина в материалах, так

ником и не замеченную, выписку из того самого протокола, но которую приобщил потерпевший! Все подумали, что он не может вложить в дело компромат против самого себя а, значит, и против всей прогнившей насквозь системы? Зря! А вы думали, по какой такой причине из дела был изъят Устав, возглавляемого уважаемым потерпевшим предприятия? Ровно на такое количество листов мы сейчас и видим исправлений в описи документов и в самих верхних правых углах листов дела после того места, где еще недавно был пришит этот документик! Да-да, именно, чтобы никто не проследил связь жены районного прокурора с потерпевшим. Не по этой ли причине излишне инициативного следователя, почти вашего одногодку, уволили по собственному желанию еще до того, как дело попало на стол прокурору района? И не поэтому ли ни у подозреваемого, схваченного по приказу потерпевшего еще за день до обращения в милицию, посмотрите, пожалуйста, на штамп регистрации заявления о мнимом преступлении, ни в его доме и нигде более не было найдено не единого, подчеркиваю не е-ди-но-го предмета из многостраничного списка, якобы им похищенного!? Ну, и что вы мне прикажете теперь делать? Согласно Процессуальному Кодексу «запускать», извиняюсь за профессиональный сленг, дело по большому кругу еще на несколько лет бесконечных исследований и судебной волокиты, устроив именно сейчас подобающее вашим устремлениям исследование материалов с последующим изучением мнений участников процесса!? Так мне следует поступить, я вас спрашиваю!? Чтобы наш Абашин подписал, в конце концов, все необходимое Системе после многих лет отсидки, затерянных между несколькими судебными процессами и дополнительными расследованиями в многоместной камере следственного изолятора!? Я поступал подобным образом девятнадцать лет! Хватит!!!

Неожиданно голос Председательствующего стал резко сипнуть. Лицо его стало синеть, глаза остекленели, а еще через несколько секунд он стал медленно оседать на кресле, стекая своим телом под стол, стоящий на возвышении, над которым еще выше висел на стене малый герб государства...

Молоденький помощник прокурора района на полусогнутых ногах выскользнул никем незамеченным из зала судебных заседаний. На его исчезновение не единый человек не обратил внимания. У старшего конвойного отделения от неожиданности медленно стал открываться рот. С последними словами Председательствующего он еще поглубже в карман протолкнул ключ от замка, которым была заперта клетка с обвиняемым.

Все остальные в зале еще долгие десятков минут оставались каждый на своем месте. Даже не шелохнувшись.

Крупная муха делала еще один круг перед тем, как выбрать себе окончательно щель для зимнего анабиоза...

...На крыше кареты «Скорой медицинской помощи» надрывно и истощно визжала сирена. Но даже ее звук, подкрепленный синим пульсированием маяка, не мог так быстро, как хотелось позволить продвигаться спецмашине сквозь сгрудившиеся в этом месте большого города разнокалиберные автомобили. Кроме водителя за рулем от этого обстоятельства нервничали и еще двое в голубых костюмах, склонившихся в это время над носилками с госпитализируемым. Двое медиков не обращали внимания на не прекращаемое дерганье их автомобиля, пытающегося пробиться к своей, уже почти видимой через стекло, цели. Они продолжали бороться за жизнь больного.

– Что писать будем? – равнодушно спрашивал один другого.

– Как и раньше! Инициальный период с интерпретативным бредом или, что еще проще – деперсонализация...

– Ты еще скажи, что это уже синдром Кандинского – Клерамбо! Поддай кислорода, ему вроде бы становится хуже! – просил второй первого, поправляя прозрачного пластика маску на синюшном лице Председательствующего.

– Это все лишнее, Николаевич! Наш кислород ему, что мертвому... Забыл, что ли, куда мы его везем?

– Да, нет... Но жалко будет, если у него с мозгом что-то случится, уважаемый, ведь, человек в городе...

– Да... И в этой эпидемии первый председатель суда!

– Какая разница, кто он... Мы же врачи... Вон, говорят, такое же и в областях некоторых началось...

– Тише!!! Прекращай болтать! Забыл, какую бумагу мы подписали!? Делом занимайся лучше и еще раз давление ему измерь!..

Где-то далеко впереди по ходу движения спецавтомобиля загорелся зеленый свет светофора и в образовавшуюся щель за тронувшимся вперед транспортом стал протискиваться их карета, к сирене которой стал приближаться звук еще одной, пробивавший путь для еще одного подобного автомобиля сюда же, в эту часть небольшого города...

## Книга первая Родинка на память

### Часть первая Серебряное прощение

*Умный человек может быть влюблен, как безумный, но не как дурак.*

**Ф. Ларошфуко.**

*Нет человека более одинокого, чем тот, кто пережил любимую.*

**Э. Хемингуэй.**

*Одиноким представляет собою только тень человека, а кто не любим, тот везде и среди всех одинок.*

**Ж. Санд.**

## Глава Первая или Не имеющая окончания...

*День отъезда к морю приближался на ватных ногах.*

*Хотя подобное ожидание повторялось на протяжении последних пяти лет, привыкнуть к замедлению бега времени перед этим, без преувеличений, главным событием среди выцветших однообразия, прошедших с момента нашего последнего отпуска, трехсот шестидесяти пяти будней никак не удавалось.*

*Но мы все-таки его дождались! По такому случаю в последнюю ночь перед отправлением в курортную даль спать совершенно не хотелось. Уже в шесть утра автомобиль сиял свежесвымытым кузовом, а его салон вычищался от пыли неоднократно еще раньше и не единожды. Чуть позже все бесчисленные и такие необходимые, по мнению моей жены, в поездке вещи заняли в автомобиле свои привычные места. Свободного места в салоне оставалось только еще чуть-чуть. И то только для нашего самого ценного груза – сына Антона...*

*В этом году отпускные сборы в нашей семье начались, как никогда и до неприличия рано. За целых два месяца до даты возможного отъезда... Да, да! Именно почти за шестьдесят дней были перебраны и вновь уложены на свою полку в коридорном шкафу все морские принадлежности, «возглавляемые» надувным матрацем и парой ласт. Еще были приобретены на рынке «Рыболов» супер новейшей конструкции две «резинки» с колокольчиками на целых двадцать крючков каждая! И все это за такие долгие два месяца до начала отпуска! Так нам всем не терпелось поскорее начать делать то, что окончательно предвещает скорое свидание с этой соленой и бесконечно райско-лазурной явью!*

*Традиционные посиделки «на дорожку». То, чем занимались перед своим очередным путешествием мои покойные родители, я хорошо помнил и, как мог, старался соблюдать в своей взрослой жизни. Вот мы и сидим по зову предков рядом с остатками приготовленных в дорогу вещей почти минуту. Можно было бы и больше, если бы не крайнее нетерпение четырехлетнего сынишки, очень торопящегося «на море». Еще пара минут вниз на лифте – и ключ, сжатый в трепещущей от нетерпения руке, уже в замке зажигания. С замиранием сердца поворачиваю его. Который год подряд именно это мгновение начинает отсчет волнующего действия, банально называемого поездкой к морю. С началом работы запущенного автомобильного дви-*

гателя мои внутренние часы начинают уже отсчитывать не «сколько осталось до начала главного события в году», а уже «сколько до его конца».

Первые километры дальнего пути спешить не хочется. С очень большим удовольствием соблюдаются все-все требования дорожных знаков. И даже ограничение скорости! Но после третьей сотни километров за спиной правая нога самостоятельно, без особого «согласования» с моей волей начинает все сильнее и сильнее придавливать крайнюю правую педаль.

Жена и сын уже спят, а я остаюсь совершенно один в этой ночной бесконечности. Не считая дороги, конечно. Передо мною зеленый свет приборной доски, за лобовым стеклом – с километр, вырванного из ночи дальним светом фар асфальта, и еще моя память, острая и пульсирующая. Совершенно непроизвольно полностью погружаюсь в невеселые раздумья. И уже очень скоро самому кажется, что автомобилем управляет не я, а кто-то другой...

«Мне без года сорок... Сколько позади всего бестолкового, от чего бы можно было отказаться и забыть, вроде, и не было вовсе... Хорошо, что послушал Татьяну и не смотря ни на что согласился на эту поездку! Для обычного для этой поры года визита на море было слишком много аргументов «против». Уж слишком стянутый и объемистый клубок проблем оставался дома. Но права была Татьяна, убеждая в том, что именно в такой ситуации необходимо оглядеться, все еще раз обдумать и только тогда решать, быть может, самую основную проблему в своей жизни. Лучшего, по ее мнению, места, чем море и в кругу семьи для глубокого анализа проблемы перед тем, как сделать свой выбор – нет. Она, как всегда, права. Чем дальше расстояние до того места, где остаются мои проблемы – тем лучше! Так, по крайней мере, мне кажется в эти минуты бешеной ночной езды – жена спит и уже некому сдерживать мой порыв побыстрее удалиться от Бог весть откуда появившихся трудностей и недоразумений.

Итак, что мы имеем... Остается совсем немного до того рубежа, у которого есть смысл отrapоптовать, в первую очередь, самому себе о том, что же я успел за первую половину (это точно, и не сомневайся даже!) своей жизни. Хотя... Хотя, перспективы все изменить в этом плане у меня появились... С первого взгляда, совсем неплохие, даже очень... Но при более глубоком осмыслении, и с этим нельзя не согласиться, все они могут превратиться только в мираж! Это так же очевидно, как и то, что я сейчас за рулем автомобиля... Если еще быть точнее, то эта ситуация – полное распустье. И в какую сторону не глянь, какой выбор не сделай – уверенности в удачном исходе, равным счетом, ни-ка-кой! А так все неплохо начиналось! Сколько раз? Один... Два... Всего пять раз! Да, пять раз в моей почти сорокалетней жизни все начиналось более-менее удачно. И столько же раз по собственной инициативе или из-за череды непонятных совпадений все возвращалось почти к полному нулю... Значит, придется все начинать и в шестой... Как же это будет звучать для постороннего слуха? Начать жить в шестой раз! Вот так, все просто – еще раз начать жить в свои неполные сорок лет.

Жизнь человека на Земле... Что это вообще такое и, собственно, ради чего? Она с Началом и Концом? Или, может, наш жизненный путь это только временное присутствие?... А есть ли Бог? Каждый живущий, и это, вне всякого сомнения, много раз задавал сам себе эти вопросы. Нашел ли кто-нибудь за все времена, что живет человечество на Земле ответ на этот вопрос, мне неизвестно. И ни одно пояснение этого вопроса многих до сих пор меня не устраивало. Даже то, что было написано в Книге книг – Библии. Одно меня успокаивает. Пожалуй, каждый родился, чтобы оставить свой особый след на этой планете. А может и не только на ней... Кто об этом точно знает? А, кто знает – кто мы вообще, откуда пришли и надолго ли?... Это очень трудные вопросы, на которые ответ должен быть у каждого, кто над этим задумывается. Рождение, детство, юность, зрелость, старость и смерть... Даже сейчас, когда человечество за собою оставило сознательных, переписанных на камне, пергаменте, бумаге и электронных носителях следов о пяти или более тысячелетиях своего

существования, точного и единого ответа – что же происходит на самом деле, когда человек умирает, все нет, как нет и ответа на вопрос, есть ли продолжение жизни и после самой смерти? А, может, это уготованная Богом Судьба руководит процессом и тянет в одном ей удобном направлении каждого по реке жизни? И вновь: кто знает единственно правильный ответ? Иногда, очень реально и почти осязательно всем собою и, особенно тем, что находится, может в сердце а, может, в мозге, тем, что всегда подсказывает и порождает сами чувства, воспринимаю реальность, которая вокруг меня, такой, что, иногда, даже кажется, что это все прежде было как раз в этом месте и, как раз, со мной. Но это случается и тогда, когда с течением обстоятельств я попадаю в то или иное место впервые в жизни! Чем это объяснить, хотя бы самому себе?... А, иногда, что-то приснится... Когда, много позже, во время, какого-нибудь приключения, принесшего, казалось, свежие впечатления, вдруг, начинаешь задумываться о только что случившемся, неожиданно, вызывая учащенное сердцебиение и сильное внутреннее волнение, на память четко и, совершенно отчетливо, приходит как раз тот сон, о котором никогда не вспомнил бы, если бы не это новое, неожиданное событие. Оказывается, то, что спрятано в глубине самого себя, то, что совершенно не поддается изучению и пониманию, давно уже видело эти грезы, и рассказало тебе о том, что случится на самом деле именно с тобой спустя месяцы или целые десятилетия... Нет конца этим вопросам, как и нет на них ответа. А если бы он был известен? Кем бы мы тогда все были? Если не задумываться ради чего живешь – никогда не станешь творцом и хозяином своей судьбы. Но, действительно, ради чего? Все равно о том, что будет конец, уже известно... Вот такой замкнутый и никем, до сих пор, не разорванный круг вопросов. Даже, без самой жизни, без зримого начала и, пока, без зримого конца. Чтобы не случилось в жизни каждого, сознательно или бессознательно, много в этом относится на игру судьбы или на обычный случай, который мог бы и не случиться совсем, если бы... Это такое коротенькое, но неисчерпаемое – «если бы». Да и, на самом деле, после любого случая, кажется, что, если бы, сделал что-то по-другому (не так посмотрел, не заговорил, стал не в то место – перечислять можно без конца все возможные «если бы») – все было бы по-другому. Но время истекло и его вместе со всем, что случилось, уже никогда не возвратишь и не изменишь. Когда так размышляешь, где-то, снова же таки, из самой середины души, вырывается вопрос – а, может, за этим всем есть некто? Некто, кто этим всем руководит и направляет в одном ему нужном движении. Вместе и с течением времени, и с судьбой каждого, кто живет и очень хочет самостоятельно руководить своей жизнью. И о каждой-каждой жизни – от ее начала и до конца, уже кому-то давно и заранее известно. Вот именно, как раз, об этом узнать опасно, но чертовски интересно! Хотя, такой шанс у меня был... И, довольно, неплохой! Но у кого теперь попросишь переигровки? Не у кого... До сих пор ни один из тех, кто прожил свою жизнь сполна, не сказал об этом совершенно уверенно и безошибочно. Уже давно, кажется, всю мою сознательную жизнь, эти вопросы не дают мне покоя. Ни днем, ни ночью, ни летом, ни зимой. И, скорее всего, никто этого не узнает, до тех пор, пока не явится перед концом своей жизни, а может и перед самым тем, кто есть Единым Началом всего, что существует. Явиться, чтобы просто жить дальше??? Но снова и снова: все это ради чего!?»...

Впереди меня, в лучах уже ближнего света фар, легковушка с серией на номере «ЕВ». Мне известно, что в той области, откуда спешат, наверняка, тоже к морю неизвестные мне люди, предыдущим буквосочетанием было только «ЕА». Вторая буква алфавита по понятным причинам в государственных номерных знаках была пропущена... Сколько у меня связано с этой областью, откуда регистрацией торопящийся впереди меня «Мерседес»! Сейчас я уже совершенно спокойно отношусь вот к таким случайным встречам. Совсем не так, как еще пять лет тому назад, когда каждый автомобиль «оттуда» вызывал восторг, раздражая даже жену, не устававшую, впрочем, повторять, что я уже «навсегда местный». А я только возмущался из-за ее таких слов и не хотел верить в то, что действительно такой момент

наступит. Когда полностью свыкнусь со своим новым местом постоянного обитания. День, когда начну забывать, казавшиеся, навсегда втѣвшиися в кожу и в сам мозг голоса людей, запахи, звуки и цвета...

Мое сознание отмечает вспыхнувший в ночи жезл автоинспектора. Конечно, подчиняясь этому приказу, торможу из-за своей скорости метров на сто поодаль от ночного патруля. Не выходя из автомобиля, смотрю в приоткрытое окно на мелькающие блики проблескового маячка. Его цветные лучи превосходно смотрятся на фоне черного бархата ночи.

«Они его включили только чтобы покрасоваться? Или в неуверенности, что остановлюсь? Но, где я? Скорее всего, это уже Ново-Одесская, односторонняя «разведенка»... Так и есть, нормально я еду! Но почему здесь, в таком месте и в такое время? Это они только для пущей своей значимости и собственной уверенности «цветомузыку» на крыше своей легковушки и включили. Что бы и не сомневался...», – вяло рассуждаю я.

Ко мне никто и не думает подходить. Сдаю назад, останавливаю автомобиль, но снова жду и первым не покидаю салон. Жду долго. Наблюдаю, как из «девятки» нехотя выходит, поправляя картуз, с поблескивающей в сине-красном свете проблескового маяка кокардой, второй патрульный и направляется в мою сторону. Первый, тот, что с жезлом, остается контролировать дорожное движение и подстраховывает второго. Достаяю с полочки под рулевым колесом документы.

– Здравия желаю! Младший инспектор сержант... (фамилию называет совершенно неразборчиво). Что же вы знак ограничения скорости не замечаете и вместо сорока все сто давите? Нехорошо! Ваши документы...

Протягиваю через открытое окно пока только свое служебное удостоверение. Сержант, подсвечивая жезлом, внимательно вчитывается. Очень тщательно. Когда я вижу, что очередь уже подошла к содержанию оттисков печатей, начинаю ненавязчиво помогать в принятии им решения, предварительно пристально посмотрев в глаза этому ночному инспектору:

– Остальные документы тоже в полном порядке, сержант! Автомобиль технически исправен, водитель трезв! На море я спешу с семьей, сержант! Извините, если что-то нарушил...

В ответ все-таки слышу недовольный вздох и пожелание счастливого пути. Удостоверение занимает свое место в портмоне, а затем и на полочке под рулевым колесом.

Бортовые часы «отбили» два тридцать ночи. Надо спешить, впереди еще большие половинки пути! Танечка и Антон на этой остановке даже не проснулись. Несколько секунд прислушиваюсь к их тихому посапыванию и, как могу, бесшумно трогаюсь с места незапланированной встречи на обочине. Шум гравия под колесами стихает и меняется на тихий, успокаивающий шелест асфальта. В зеркале заднего вида исчезает в ночи сержант милиции...

После этой остановки уже не могу собраться с прежними мыслями. Полностью приземляюсь и начинаю бороться со сном. Мне легко это удается. Во-первых, многолетняя тренировка ночной езды на дальние расстояния, во-вторых, рядом со мной термос с превосходным, крепким кофе...

Незаметно проскакиваем Новую Каховку с ее «Чумаком», тачанкой да дамбой плотины, поражающей разницей в уровне воды Днепра и той, что уже открыла турбины гидроэлектростанции, так и остающейся до сих пор имени какого-то по счету партийного съезда. За плотиной, несмотря на это ночное время бесчисленное количество молодых людей со включенными на головах мокрыми волосами, желающих даже в этот ночной час продать только что выловленных раков.

Близость Николаева и Херсона отмечается обилием встречного транспорта, в лавине которого преобладают легковушки с запредельно перегруженными дарами садов и огородов прицепами. Сколько же мужиков в этот ночной час не спит вдали от своих жен и подруг во

*вред своему и их здоровью, не обращая внимания на преклонный возраст используемой техники и спешат, спешат, сломя колеса, поскорее добраться к началу столичного базарного дня! От сплошного потока навстречу яркого света плохо отрегулированных фар начинают болеть и слезиться глаза. Успокаиваю сам себя, убеждая, что это только тренировка, а настоящая работа ждет меня еще впереди...*

*Вот и небо начинает сереть! Самое неприятное в ночной поездке, кстати, время. Уже и не ночь, но еще и не утро. Хочется выключить фары, но, сделав это шутки ради, погружаешься в полный мрак – светлеющее небо еще не в силах разогнать темноту на моем пути. Остается ждать, пока в небе не покажется розовый свет просыпающегося светила. Только с его первыми лучами исчезает сковывающее тело и мозг ощущение сонливости.*

*Останавливаюсь, где-то недалеко от Аскании-Новой. Совершенно ровная, сколько хватает взгляда, причерноморская степь. Ее поразительную, без единого холмика, плоскость нарушают только редкие лесополосы да поднявшиеся стройными стеблями поля подсолнечника. Все, и даже земля, сейчас в нежном розоватом цвете раннего солнца. На нитях паутины, натянутых в редкой, выжженной траве – такие же розовые, как предрассветное небо, капли росы. Потягиваясь в сторону рождения нового дня, долго стою с поднятыми вверх руками. Продолжаю радоваться тому, что я так далеко от своих проблем...*

*Со мной пробуждаются и жена с сыном. Первый вопрос Антона: «Что мы уже на море?» смешит меня. Мой мальчуган на заднем сидении долго и безуспешно сонным взглядом вращает головой по сторонам в поисках такого им желанного места. Вместо моря замечает только выжженное пятно на обочине, которое при более пристальном рассмотрении оказывается всего лишь прижатыми дождями к земле черными женскими колготками, сквозь ткань которых уже успели прорости редкие травинки. По этому поводу я молчу, ничего не комментируя, и только многозначительно подмигиваю жене. Впрочем, настроение сына от отсутствия морского раздолья ничуть не портится и он вместе с нами радуется наступающему дню. Мы все умываемся, сливая по очереди, друг другу в руки воду из канистры, неспешно завтракаем, громко радуясь утру, предвещающему скорое наше свидание с морем.*

*Еще один поворот вправо – и вот он Чонгар!*

*И кому только в голову пришла мысль о том, что рыбные запасы в Азовском море истощены до предела! Такому распространенному мнению есть веский контраргумент! Вот он, прямо перед нами: бесконечные гроздья бычков, калкана, судака, пеленгаса а, главное, многослойные пласты осетровых, украшенных двухцветной икрой, продолжение которых скрыто от глаз во многих десятках багажников легковушек на четырех подряд вдоль трассы рынках, убеждают в обратном: море, как не старается человек, пока сопротивляется давлению цивилизации и выживает!*

*– Давай махнем на Азов! – обращаюсь я к членам своей команды. – Там и море теплее, и рыбы больше... Да и фруктов должно быть поболее и подешевле... На несколько дней всего. А потом на Юбэка...если очень не понравится...*

*То ли от бессонной ночи, то ли от желания наполнить свои желудки всем этим, обещанным только что мною, южным великолепием, получаю полное и громкое согласие дорогих мне людей.*

*Помня наизусть карту этой местности, решаю «срезать» и рвануть через Геническ по Арабатской стрелке, прямо на Крымское побережье Азовского моря. Наш разворот на сто восемьдесят градусов, поэтому стремителен...*

*– ...А у вас есть путевки? – пытается заглянуть в салон через мое приоткрытое окно давно не бритый лицом мужчина неопределенного возраста в камуфляже на всех частях своего тела. Его натуптарованные до самых кистей руки тоже кажутся защитного на любой случай цвета.*

– Какие путевки? – сразу не соображаю я. – А вы кто, собственно? – постепенно перехожу сам в наступление.

– Экологический патруль! Если у вас нет путевок – платите сбор за въезд в курортную зону! Сколько вас? – самозванец начинает нас считать.

– Я ничего платить не буду! – смело и неожиданно для себя заявляю я. – И даже не буду требовать у вас предъявления соответствующих документов!

Смотрю этому «попрошайке» с большой дороги прямо в глаза. Смотрю вызывающе дерзко и довольно долго. Усталость тела сказывается. Немедленно, после моей неслышной просьбы пропустить, тот нехотя медленно отходит от автомобиля и сам для себя машет рукой, мол, ну и черт с тобой, проезжай просто так!

...Кроме острого запаха близкого моря в этом Богом забытом месте почти за тысячу километров от родного порога все остальное навевает унылость и разочарование. Нескончаемые заросли камышей, полуразрушенные и полусгнившие домики с разобранными крышами на давно заброшенных базах отдыха, ржавые насквозь емкости для воды, чудом остающиеся на своих высоких и ржавых эстакадах.

Колеса автомобиля стучат на зазорах между бетонными плитами. Всего семь километров недавно выстеленной дороги. За неожиданно закончившейся последней плитой перед моим взором только крайне неровное и жалкое подобие песчаной дороги, испещренной далеко не ямками, а настоящими, глубокими колдобинами. «Так вот почему «экологические инспекторы» с такой ухмылкой заглядывались на дорожный просвет моего автомобиля, провожая меня в бесплатный путь!». Почти без сомнений разворачиваюсь и бросаю свой сухопутный корабль на дальний маршрут через Джанкой и по направлению к славной Феодосии.

Никогда бы не подумал, что в начале третьего тысячелетия в какой-то стране Европы, пусть даже и в Украине, можно найти такое место, где кончаются автодороги! А, нет! Нашел! Съехав влево по направлению к Азовскому берегу с узенького шоссе, ведущего в Феодосию, отмечаю, что это то самое место. Под колесами загнанного тысячьо километров пути «Пассата», сразу за оросительным каналом с грязно-зеленой и совершенно мутной водой только неровная поверхность отсыпанной какой-то страшно пылящей смесью, грунтовой дороги. Пройденный нами путь виден далеко позади непроницаемой пеленой поднятой и долго не опускающейся желтой пыли. На спидометре только сорок. На особо неудачных участках и все тридцать километров в час... Большие никак нельзя. Очень жалко пассажиров. И автомобильную подвеску тоже. Сын, возможно, зачатый, но, точно, рожденный и выросший в автомобиле, – и тот не выдерживает этого испытания, преподнесенного расстоянием, качкой и жарой. Его начинает тошнить. Это обстоятельство да все усиливающаяся жара заставляют принимать окончательное решение об отсрочке свидания с Южным берегом Крыма. Надо где-то немедленно остановиться и передохнуть...

Неожиданно вырываемся к самому берегу моря! Не доезжаем к его берегу всего пару сотен метров. Бросаем, ставший ненавистный за чистых двенадцать часов передвижения на колесах, не считая нескольких, в общей сложности всего-то на пару часов остановок, автомобиль с незакрытыми дверцами. С пустыми руками, пошатываясь на затекших ногах, направляемся на близкий песчаный берег.

После сжатого автомобильного пространства внезапно открывшийся бескрайний простор вводит всех нас в крайнее восхищение. Антон немедленно, в чем был одетым и, не спрашивая на это нашего с Татьяной разрешение, направляется, все, ускоряя свой шаг, к воде. Мы его не останавливаем. Только переглядываемся и улыбаемся. Еще бы! Сын ради этой встречи выдержал такое испытание дорогой! Мы его не останавливаем и даже не делаем замечаний, видя, как Антон уже по пояс скрывается в часто набегаящих на берег волнах. После очередного «погружения» он сам виновато оглядывается. Мы немедленно меняем свои выражения на лицах с умиленно-блаженных на негодующие и строгие. Антон моментально читает наш

бессловесный приказ и медленно выходит из притягивающей его пучины. Он улыбается нам, прекрасно понимая, что никто его сейчас за это первое купание ругать даже и не собирается: взгляд-то наш своего истинного выражения безмерного обожания к нему так ведь и не поменял!

– Ну, как тебе море? – спрашиваю у Антона, рассчитывая одновременно вычислить и его самочувствие.

Глаза сына искрятся и отражают господствующий в этом месте на Земле зелено-голубой цвет моря и неба. Подходящие слова не сразу приходят ему на ум:

– Хорошее... Теплое... И... И совсем не соленое! Ты же говорил, что море соленое!

С недоверием к услышанному сам подхожу к кромке суши и моря и осторожно, чтобы не намочить обувь, обмакиваю один палец. Затем медленно, одним кончиком языка облизываю остатки влаги на коже. Уставший разум констатирует: «Действительно, не соленая! Неужели такая разница с Черным?». Начинаю вспоминать и легко высчитываю, что в последний я раз был на Азове еще в восемьдесят первом, то есть, ровно двадцать лет тому назад...

– Сынок, это же не Черное, а Азовское!

– Это Азовское, что не море совсем?

– Море, море! Настоящее! Смотри, какие волны! И песка сколько!

Только... Только оно немного не такое, понимаешь?...

Антон уже меня не слушает, начав с увлечением распаковывать свои карманы до упора набитые игрушками и усаживаясь в мокрой одежде прямо на песок. Мы вдвоем с Татьяной обнялись и, не скрывая от присутствующих рядом отдыхающих на своих лицах блаженные улыбки осуществившейся мечты, стоим лицом к ставшему уже совершенно реальным морю и теплоте, дующему сейчас только для нас одних, ветру. Закрыв глаза, и крепко прижавшись друг к другу. Вот оно то мгновение, из-за которого мы не могли в ожидании спать сполна ночи, долго ворочаясь в бессоннице и пробуждаясь с первыми солнечными лучами еще за целых два месяца до наступления этой кричащей своими красками реальности!

Резкое изменение обстановки моментально расслабляет. Чувствую, что начинаю засыпать прямо стоя. С трудом выхожу из оцепенения, и сам напрашиваюсь сходить в разведку, ведь мы даже не знаем, где мы сейчас находимся. В обе стороны по крутому берегу за нашими спинами рассыпаны маленькие домишки неизвестного населенного пункта, выше которых только красная от ржавчины звезда на стальном шпиле братской могилы...

Село Каменское коротко вытянулось вдоль своей единственной улицы. Несмотря на свои размеры этот населенный пункт почти курорт. Так, по крайней мере, начинает нам казаться после выслушанных мнений на этот счет местных жителей. По уровню цен на продукты питания и по стоимости предлагаемых услуг эта точка на карте бьет все нам известные цены в покинутой только вчера столице. А что же нас ждет в этом году в нашей Гаспре!?

Привычная по юношеским воспоминаниям серость азовской воды.купающиеся рядом с многочисленными отдыхающими и не обращающими на них, на правах местных, никакого внимания сельские собаки и многочисленный крупный рогатый скот. Далекая до уровня курортно-классической чистоты морская вода приятно греет тело, несмотря на то, что под солнцем на берегу в тени под зонтом почти сорок по Цельсию. Ни свежей рыбы, ни даже сушеных бычков никто не предлагает. Никаких фруктов нет напрочь! Все объясняют такую редкую для этого места ситуацию продолжительным штормом и весенними заморозками. А какой же это шторм? Разве что только для этого далекого и забытого Богом места... Единственная «достопримечательность» Каменского – видимое с любой точки в поселке братское захоронение более трех тысяч солдат Красной Армии, окруженных и сброшенных в море в этом месте гитлеровцами в ноябре сорок первого. Именно так написано на разбитых и вновь сложенных мраморных плитах. Когда стоишь у этого захоронения лицом к морю, на высоком, почти отвесном, обрыве над узкой полоской пляжа очень легко представить, как шестьдесят

лет тому назад происходило это избиение, наверняка, полностью безоружных... Каждый раз, проходя мимо этой братской могилы настроение портится не от полного запустения в этом месте, а от того, что, к сожалению, на надгробных плитах у обелиска видны имена всего лишь нескольких десятков воинов, из более чем, как здесь указано, трех тысяч...

Спустя три дня отсюда хочется без оглядки убежать вдалеку. Скучно, однообразно и крайне уныло. Только Андрей «нашел» то, о чем так мечтал, отправляясь на море. С помощью детского спасательного жилета он часами способен не выходить на берег из воды. Контроль за его поведением превращается в привычную «заставлялку». Вынудить его побыть на берегу всего на протяжении пятнадцати минут можно только с помощью сказки, прочитанной вслух, и то только очень страшной. Мы давно перечитали с ним все о зверушках и добрых молодцах. Даже Кащей Бессмертный или Чудо-Юдо многоголовое уже давно не имеют никаких шансов. Антон просит прочитать и умиляется, слушая только «страшенькие». Надежда только на сказки о мертвецах или ведьмах. Спасибо большое тебе, Александр Афанасьевич Афанасьев, за такое разнообразие в своем сборнике русских народных сказок! «Ровно в полночь окно раскрылось и появилась ведьма, одетая во все белое...». Или: «...И слышит купец, как могилка под ним растворяется и выходит мертвец с гробовой крышкой в руках...». Иногда и самому при чтении «по заявке» сына очередной истории становится... тревожно. Неожиданно сам для себя делаю этот вывод. Что-то заставляет меня задуматься над только что прочитанным. Понимаю, что это всего лишь сказки, которые предназначены, судя по самому названию этих литературных произведений, радовать слух малышей. Слово за словом вновь ощущаю глубину ужаса, читаемого сквозь эти строки и вспоминаю, как в детстве просиживал в охватившем безмерном страхе в кинотеатре под креслами почти всего «Вия»...

Но когда уже и сына начинает тошнить даже от сказок про нечистую силу, теплой воды и бесконечного купания, мы вдвоем направляемся по каменистому, обрывистому берегу к еле различимым от расстояния фигуркам рыбаков. Татьяна остается на пляже, пообещав «загорать и купаться за всех нас».

Я, все время, стараясь страховать сына и, не отставая от него ни на шаг, иду по самой кромке высокого берега. В некоторых местах видны следы недавних оползней. Море делает свое дело и точит камень, глубоко подмывая береговую линию. Шторм не прекращается. Волны накатываются и накатываются, с шумом разбиваясь где-то внизу под нами. Впереди наша цель – одинокий рыбак, то и дело переабрасывающий свой спиннинг.

– Здравствуйте! Извините за беспокойство! Мы бы хотели только узнать о том, что здесь можно поймать..., – как могу вежливо начинаю отвлекать рыбака от его занятия.

Незнакомец со спиннингом в руках весь «на указательном пальце», старательно контролирует изменения в натяжении лески, а с этим и весь процесс рыбной ловли. При нас он делает переброс. На его лице недовольная ухмылка. Он явно недоволен нашим появлением и никак не реагирует на мои слова. Мы явно его отвлекаем от приятного занятия. Я его прекрасно понимаю и все же пытаюсь еще раз узнать необходимое:

– Вы не будете против, если мы постоим рядом минут несколько?

Рыбак даже не оборачивается в нашу сторону. Вместо ответа начинает судорожно наматывать лесу на катушку. От желания поскорее вытянуть на берег то, что зацепилось за крючок, он несколько раз теряет равновесие и смешно пытается не упасть в воду. По дрожащему кончику удилица я без труда догадываюсь: мы стали свидетелями удачной подсечки. На всякий случай вместе с сыном отступаем подальше от него вверх на склон, освобождая для возможной борьбы, и без нас на узком каменном козырьке, побольше свободного места, а вместе с ним и шансов на успех незнакомому нам рыбаку. В волне уже видно серебристое тельце рыбы. Нет, целой рыбины! Еще несколько секунд – и мордастый и крупночешуйчатый пеленгас с розоватым брюхом килограмма на два весом сильно бьется о каменистый берег,

так и, норовя сорваться обратно в бушующую пучину. Рыбак вначале просто наступает на неожиданно легко доставшийся улов ногой. Но это мешает ему сменить наживку. Поглядывая на Антона, он отворачивается от нас, и несколько раз бьет, бурно протестующую сменой стихии рыбину по голове рукояткой складного ножа. Только после этого первый раз смотрит мне в глаза и... улыбается! Есть контакт! Я вновь его прекрасно понимаю и стараюсь закрепить успех:

– Смотри, Антон, какую рыбку выудил дядя! Это мы с тобой такие удачливые, только подошли и такую добычу преподнесли! Килограмма два с половиной, не меньше! – специально преувеличиваю я, обращаясь к незнакомцу.

– Да, нет, может и двух не будет..., – оглядываясь назад перед очередным забросом, уточняет рыбак.

Леса вслед за увесистым грузилом «украшенным» большим куском белого пенопласта, со свистом уносится метров на семьдесят в бушующее море.

– Я вообще-то кефальку пришел подергать... Вот, две небольшие штучки вытянул... А пеленгаса никак не ожидал подсечь, тем более такого, крупного... Он так вяло клюнул, что я подумал «мелочь»... Вы стойте... Смотрите, пожалуйста...

– Зачем над грузилом прикреплен пенопласт? – начинаю выяснять важные стратегические особенности местной рыбалки.

– Дно каменистое, понимаешь, если пенопласта не будет, то возможен зацеп за грунт... А так, чуть поддернул – грузило сразу сверху идет..., – с большим интересом и охотой делиться своими хитростями рыбак.

– А на что ловите?

– На червя... Сивашского...

Я еще ранее обратил внимание на то, что именно появилось на чужом крючке, но до конца так и не разобрал, что именно это было, больше смахивающее на сороконожку. До этого момента душевного сближения спрашивать было неудобно.

– ...А что, он не такой, как обыкновенный?

– Нет, конечно! На дождевого только бычок будет клевать, и то очень неохотно. Вся остальная рыба ловится здесь только на него... Смотрите какой он... С лапками... Он очень нежный и прихотливый, но если в деревянном ящичке под мокрой хэбэшкой хранить и в холодильнике, то дней пять он выдерживает...

Я вместе с сыном с интересом заглядываю в предложенный нашему вниманию деревянную коробку, содержимое которой, еще и в мокрой тряпке вежливо предоставлено нам для созерцания. Подобревший от предзнаменованного нашим появлением великолепного улова хозяин, медленно ворошит пальцами его содержимое. Там – розоватые, плоские и от бесчисленного количества лапок, кажущиеся мохнатыми, копошащиеся черви. Не больше и не меньше – целое состояние...

– И почему только на него?

– Кто его знает..., – пожмает искренне плечами рыбак. – Рассказать, где его можно достать у нас?

От этого проявления вершины участия и рыбацкой солидарности я просто млею и выкрикиваю:

– Конечно!!!

– Если вы на машине, то это совсем недалеко. Если пешком, то трудновато будет добраться... В общем, добираетесь до поста автоинспекции... Это километра три от Каменского будет. Там сразу направо есть накатанная дорожка. На нее свернете и до маленькой лужи около холмика, его вы сразу увидите. В этой луже в иле они и живут. Сначала с грязью наловите, потом промоете. Вот и все!

– А на «резинку» здесь ловить можно?

– Конечно! Только пока штормит очень...

– Спасибо большое! Удачи вам, нам уже пора, – благодарил я за такую важную информацию нового знакомого, у которого и имени спросить не успел.

Возвращаясь обратно к своей стоянке, я уже не ругал себя за то, что не смог сохранить в этой жаре привезенных с собою накопанных на огороде у тещи киевских дождевых червей. Настроение улучшалось с каждым шагом по направлению к домику, где меня заждались рыбацкие снасти. Но вначале мне нужно было сгонять на Сиваши. Ради такой экзотической прогулки меня согласились сопровождать и мои родные, оставив для такого случая берег моря.

Я здесь, в этом месте, впервые в своей жизни. Место своим названием мне известно из фильмов и книг. Особенно в Гражданскую здесь кровушки налили. Сразу за показавшимся полностью безлюдным постом автоинспекции, прикрывающем полуостров от материка по Арабатской стрелке, начинался залив, названный именем качества содержащейся в нем воды. За его стоячими, отражающими голубое небо водами в легкой дымке виднелись фиолетового цвета громады, остающимися для нас по прежнему далекими, крымских гор. Справа шумело прибоем и криками чаек Азовское море. Между двумя этими берегами не более километра.

Вот и обещанный поворот сразу за развалинами какой-то, сложенной из серого и неприглядного камня, старинной крепости, рядом с которой, у самой дороги, остатки, уже, более современного бетонного дзота. Сворачиваю и натываюсь на потрескавшуюся корку давно высохшей лужи. В расстроенных чувствах возвращаюсь назад на дорогу. Но на противоположной стороне замечаю несколько не пересохших водоемчиков. Чувствую, что надежда еще остается. Спускаюсь и с трепетом первый раз втыкаю штык лопаты. При переворачивании грунта слышно сочное чавканье и сопение. Из-под почвы вырываются клубы то ли пара, то ли газа. В каждом новом раскаленном солнцем комке сырой глины вижу бесчисленные ходы червей, но сами брюхоногие как будто сквозь землю, точнее ил, провалились. Через непродолжительное время понимаю, что копать надо максимально близко к краю невысохшей лужи. Именно там у самой воды мною был отловлен первый, довольно жалкий экземпляр, которому я был безмерно рад. Не обращая внимания на засасывание ног в болотную жижу, черную как смола и со специфическим запахом жирную и совершенно не счищаемую грязь, налипающую на лопату, руки и одежду, а главное, испепеляющую жару и специфический запах, продолжаю добывать наживку для будущей (какие могут быть сомнения!) очень удачливой рыбалки!

Глядя на мое счастливое выражение лица, жена не делает не единого замечания по поводу так тщательно выпачканной одежды. Она тоже очень любит рыбу. Кушать. В любом виде. Хотя на следующее утро идти со мной на рыбалку категорически отказывается:

– Иди с Антоном... Я так устала... Я лучше позагораю сегодня..., – и переворачивается на другой бок.

– Хорошо, я согласен. Хотя, с нашим сыночком мне может быть совсем и не до рыбалки..., – соглашаюсь я.

– Но ты же ему обещал! Первая рыбалка у него ведь..., – замечает мое раздражение в голосе Татьяна.

– И у меня на море, между прочим, тоже... Хорошо! Мы идем вдвоем..., – выхожу я из домика не желая продолжения этого разговора.

Утро первой в этом году, причем, настоящей и, главное, морской рыбалки было таким же неприветливым, как и в предыдущие дни. Волны с силой били в берег под углом. Дул сильный, порывистый ветер. На небе ни облачка. В такой ранний час уже стоит жара. Солнце начинало свой трудовой день на полную силу.

О том, чтобы попытаться забросить «резинку» прямо с берега, не могло быть и речи. Поэтому мы ушли далеко от поселка по узенькой, извивающейся над самым обрывом тропинке, в поисках подходящего для заброса этой снасти места. Наконец, нашли что-то подхо-

дящее: в обрывистом, каменистом берегу виднеется расщелина, вымытая дождевыми, стекающими со степи, водами. Высоко холмящаяся в этом месте над морем, выжженная и оттого бесцветная степная растительность в этом, глубиной почти в рост человека, овраге резко меняла свой цвет на изумрудно-зеленый. Здесь был единственный на многие сотни метров вокруг островок тени и прохлады. Наверняка, сотнями лет стекающая во время степного паводка дождевая вода размывала в этом месте берег уступами, почти напоминающими правильной формы ступени, все расширяющиеся и расширяющиеся к берегу моря. Чем не Потемкинская лестница! Последний такой уступ уже упирался в пену волн и песчаное, совершенно ровное, полностью свободное от камней, дно. Воздух благоухает степными травами, среди которых без труда различаю чабрец. Где-то в голубой бескрайней синеве переливались голоса невидимых жаворонков...

Оставляю сына и начинаю с трепетом разматывать у самой воды снасть. План мой прост: не забрасывать как обычно грузило рукой а, используя малую глубину, пешком и, если получится, вплавь затянуть «резинку» максимально подальше в море. Конечно, с помощью сына, так как каменистый берег полностью лишил меня возможности закрепить второй конец снасти на берегу. К тому же сильный ветер и многочисленные мелкие камни, разбросанные на берегу, могли просто спутать леску.

– Антон, сможешь папе? Как мужчина – мужчине!

– Да!!! А как? – свет в глазках сына выдает, с каким интересом он пытается вникнуть в суть возникшей «самой настоящей мужской проблемы», ради разрешения которой его подняли чуть свет и заставили топтать сонными ножками пару километров.

– Я потяну вот эту ниточку в море, а ты стой на берегу и держи второй ее конец ручками, понял? И еще следи, чтобы «борода» не выросла.

– Да, папочка! И спустя минуту, когда я уже по колени зашел в море: – А что такое «борода»?

Выслушав мои объяснения с демонстрацией нежелательного во время рыбалки явления, Антошка понятливо кивает головой. То, что мой сын, как следует понял свою задачу и готов ее выполнить, у меня не вызывает никаких сомнений. С радостью от надежно обеспеченного тыла беру в руку грузило и делаю первый шаг в море. Начинаю идти, затягивая за собой нехитрую рыбацкую снасть. Невысокие волны мне сильно мешают. Приходится каждую новую волну встречать прыжком и боком, сильно отталкиваясь от дна. Часто оглядываюсь назад, наблюдая за Антоном. Сын пока все делает правильно – стоит на берегу у кромки воды, смотрит мне вслед и старательно держит в ручонках деревяшку с намотанными на ней остатками лесы.

Продолжаю наступать на море. Пройдено первое углубление, под ногами вторая отмель, вновь только по пояс, если не считать высоты набегающих волн. Еще раз оглядываюсь на берег и кричу: «Держи!». Антон понятливо машет в ответ головкой. Впрочем, я замечаю, что он уже не смотрит мне вслед, а косится куда-то в сторону. Вода уже доходит мне по самое горло. До берега примерно метров сто. Начинаю плыть. Это трудно. Почти пресная вода и высокие волны требуют больших сил, чтобы оставаться на плаву. Чувствую, что начинаю выдыхаться. Еще раз оглядываюсь назад: сквозь гребни волн деревяшка мелькает все еще в руках сынишки. Хотя он сам уже не только смотрит, но и начал движение в какое-то, одному ему известное место. Догадываясь, что у меня остается уже очень мало времени, правой рукой, как могу сильно, бросаю грузило вперед перед собой. И сразу начинаю плыть назад, любясь морем, изрезанным волнами берегом и сыном. Стоп! Что я вижу: Антон, занимаясь одному ему понятными делами, стремительно начал взбираться по крутому откосу. И в его руках я не вижу второго конца «резинки»!!! Начинаю кричать, но сын меня из-за ветра и расстояния не слышит. Как могу быстро пытаюсь плыть к берегу. Когда уже почти не остается сил, делаю первую попытку достать ногой дно. Тверди, просто, подо мною нет!

Моя до этого попытка плыть более-менее понятным со стороны стилем, моментально превращается в простую попытку не утонуть. Судорожно размахиваю руками и даже пару раз глотаю невкусную воду. Мысль о несчастном случае не успевает прийти в голову – я, наконец, касаюсь кончиками пальцев ног дна. Кричу изо всех сил:

– Анто-о-он! Где леска!?

Сыншика, не прекращая своего движения на крутом склоне, небрежно оборачивается в мою сторону. Я четко вижу, что руки его совершенно свободны от посторонних предметов. «Не может этого быть!!!».

Выбегаю из пучины и бросаюсь наперерез к убегающему от меня смеющемуся Антону. Догоняю его на бегу. Как могу ласково для такого случая прижимаю к себе и спрашиваю:

– Сынок, а где тот кончик лески на дощечке, который я попросил тебя поддержать?

– Там! – его указательный пальчик искренне указывает в сторону бушующего и безбрежного моря.

– Почему? – без тени злости, а только с бесконечным разочарованием в голосе пытаюсь узнать подробности такой внезапной диверсии.

– Что-то дернуло, я и отпустил ручку... Одна досточка осталась...

– Где она!? – с последней надеждой почти кричу я.

– Там..., – тот же самый любимый мною пальчик указывает мне на расщелину в берегу.

Оставляю сына и стремительно сбегаю вниз. Да, вот и деревяшка... Но на ней нет лески!!!

Я медленно, как бы нехотя, начинаю понимать, что сегодня остался не только без улова, но и без своей самой перспективной снасти. «Какой несчастливый день. Сам и виноват! Только я сам и никто более!». Хотелось громко кричать, выть и топтать ногами! До этого такое привлекательное море и берег в один миг превратилось в убожество. До той самой минуты, когда надо мною неожиданно не раздался голос жены:

– Привет рыбакам! Как улов? Уже много наловили?

Татьяна во всей своей красе, умноженной купальником и платком-парео, подчеркивающими все до единой попрежнему самые соблазнительные линии её тела, спускалась к нам с очаровательной улыбкой на губах, держа в руках подозрительно тяжелую сумку. Подойдя поближе, по выражению моего лица о чем-то догадалась:

– С Антончиком все в порядке?

– Да...

– А почему ты тогда такой расстроенный?

После моего подробного и очень живого от только что пережитого рассказа, жена долго и заразительно хохочет. Меня почему-то это совершенно не злит.

– Почему ты смеешься?

– Ой, не могу! Ну, и рыбаки вы у меня! Ничего, не переживай. Пока вы тут рыбу ловили, я тоже зря времени не теряла...

– Что, рыбу кто-то принес? – в свою очередь догадываюсь я.

– Да, осетрика маленького, килограмма на три, причем, совершенно не дорого... Так что, вечером будем рыбку свежую кушать...

– А что в сумке?

– Сухое вино вкусное купила, сейчас его и выпьем... Тут у вас, мои мальчики, такое место живописное, и тень есть, и зайти в море без труда можно... Лучшие, чем на нашем пляже!

Первое, охватившее меня из-за постигнутой неудачи, чувство злости на все и всех вокруг стремительно менялось на обволакивающее чувство балдеющего курортника, которому через мгновение предстоит испить вкусного вина и закусить его персиком с арбузом. Еще через минуту вся моя семья с блаженством плескалась в теплейших морских водах. А еще через

несколько десятков минут после того, как первый стакан красного сухого растворился внутри тела уже ни о какой рыбалке и вовсе не хотелось даже и думать.

Я не видел когда и при каких обстоятельствах высокая и легкая банка, из пластиковой бутылки без горлышка с свежесвыкопанными экзотическими мохноногими червями внутри, скорее всего сильным порывом ветра, была перевернута. К концу дня, когда мы все уже собирались уходить, я поднял ее и увидел, что на ее дне еще оставалось несколько неплохих экземпляров, которых я без тени сожаления выполоскал в море. Все остальные уже бесследно исчезли самостоятельно. Еще у меня оставалось так и не закрепленных сегодня на несчастливой снасти десять поводков с крючками. С длинным цевьем. Вместе с так и неиспользованным колокольчиком. На память об этой, даст Бог, не последней рыбалке...

А наш отпуск продолжался! Впереди нас ждало такое желанное Черное море!

\*\*\*\*

Первая отпускная трехдневка пролетела совершенно незаметно. Но душа и тело уже начинали требовать изменения обстановки и климата. Непрерывающийся все эти дни ветер, не стихающие ни днем, ни ночью волны на море и испепеляющее солнце поставили организм перед выбором: стоит ли продолжать истязание? Ответ наш был однозначным. В один из очередных жарких дней, когда находиться на пляже в послеобеденное время становилось не только неприятным, но и опасным для здоровья, мы рванули в неизведанную даль. Дело в том, что с этой стороны Крымский полуостров мы никогда еще не посещали.

Какая у нас всех была радость, когда мы узнали, что в Каменское можно заехать с другой стороны через Семисотку и Батальное и, главное, по вполне нормальному асфальтированному шоссе! Это была первая из многих радостей, вызванная нашим экспромтом, показавшимся некоторым блажью: в такую погоду и уходить с пляжа!?

Вскоре, проезжая насквозь Феодосию неожиданно вспомнил, что в этом месте я был ровно тридцать шесть лет тому назад! Немедленно поделился этим с Татьяной.

– Ты что-то путаешь, Володя..., – засомневалась Татьяна такой математической точности случайного нашего в этом месте появления.

– Да, нет же! Ты что не помнишь те фотографии в моем альбоме, где я совсем голенький в море? Они подписаны фотографом – «Город Феодосия, 1965 год». Только подумать, ровно тридцать шесть лет прошло!..

– А в каком году ты был в Рыбачьем?

– В девяносто пятом... Тоже ровно шесть лет тому назад! Вот, скажи мне, разве все это случайно?

– Кто его знает... Скорее всего, это простое совпадение...

Я не спорю с женой, зная, до какой степени она не любит обсуждать «мою тему». Уже несколько лет я ей пытаюсь доказать, что в моей жизни главенствует цифра «6», чему есть множество доказательств. Главное из которых, конечно же, дата моего рождения, при сложении чисел которой и получается искомая шестерка. Затем следуют легко проверяемые по документам шестигодичные циклы моей жизни. Даже самому себе, не говоря уже об окружающих, я не хочу говорить, что каждый высчитанный по моей формуле счастливый день всегда приносит большую удачу. Мне самому до конца не верится в это! Но то, что в Мои дни всегда все заканчивается хорошо – это настоящее правило, с которым я мало кого знаю. И уже, по известным причинам – и свою жену. Мне не нравится, что она не верит моим предположениям, а с недавних пор и моему глубокому убеждению. Даже это сегодняшнее, такое случайное открытие вывело ее из равновесия... Но и это ведь есть лишнее доказательство моей правоте! Но я все равно радуюсь. Ведь даже тридцать шесть разделить на шесть получается тоже шесть!

...Феодосия тянется несколько километров вдоль трассы «Севастополь – Новороссийск». Этот город сейчас запоминается мне только громадой зловонной нефтебазы на самом берегу моря. Сразу почему-то становится жаль здешних многочисленных отдыхающих. А мое возникшее было желание «остановиться, чтобы искупаться» испаряется, как будто его и не было вовсе.

Название населенного пункта Предгорное говорит само за себя. О начале подъема в гору сразу же говорит и двигатель автомобиля, требующего пониженной передачи. Вот оно, начало Крымских гор! Как приятно все же быть первооткрывателем! Хотя бы и для себя одного!

Первая наша остановка – в Коктебеле. Чтобы здесь остановиться и попытаться найти подходящий приют, достаточно было произнести вслух название этого городка. Коктебель! Смакование этих звуков лично у меня вызывает ассоциации только со вкусом благоухающего и благородного многолетней выдержкой вина! А еще надо было увидеть возвышающуюся над морем громаду, так и оставшейся для нас безымянной, горы. Чтобы остановиться в этом месте для разведки в первую очередь, ничего иного и не надо было! Исследование Коктебеля ни к чему осязательному не привело. Вздутые цены плюс довольно нечистое море на местном пляже «сделали» наш выбор для этого места, которое с расстояния трассы показалось настоящим раем. Мы едем дальше.

Судак полное повторение всему тому, что было замечено в предыдущем населенном пункте. Заоблачные цены при минимуме предлагаемых услуг и очень навязчивом сервисе. Еще – случайное визуальное знакомство с Генуэзской крепостью, совмещаемое с положенным к этому времени обедом, вполне достаточное для первого раза.

Веселое, Морское и Канака тоже остались позади. После унылого степного ландшафта «предложенного» нам на берегу Азова, горное и лесное величие пронесшихся мимо гор забрало все наше внимание. Даже я, полагаясь только на свое умение вождения автомобиля в горах, часто, как могу, бросаю свой продолжительный взгляд по сторонам. Ради созерцания всего этого величия стоит жить и крутить без сна баранку целые сутки! Здесь, в тысяче километров от дома, среди этих гор, неба и моря чувствуешь себя поистине состоявшимся человеком! А еще мужем и отцом. Ведь все эти усилия ради одного-единственного – чтобы предоставить удовольствие своим родным и любимым! И честное слово, только во вторую очередь самому себе...

За очередным поворотом на берегу моря виден маленький, но утопающий в зелени, поселочек. Почти без споров со стороны своих итурмана и юнги, нарушая все мыслимые правила движения, разворачиваюсь у самого глухого поворота и возвращаюсь назад. Уже начав тормозить у самого красивого дома в этом микроскопическом населенном пункте, понимаю, что что-то в его внешнем виде мне очень знакомо. Только сейчас замечаю, что рядом с этим почти игрушечным одноэтажным «домиком»-казармой стоит...пограничная, наблюдательная вышка...

– Да, это же пограничная застава! Вот смеху было бы, если бы мы вышли и стали спрашивать «можно ли у вас отдохнуть?», – весело соображаю я.

– И ничего страшного! Подумаешь, твои любимы зеленые фуражки побеспокоили бы!.. – слова жены подкреплены многозначительным взглядом, демонстрирующим ее полную готовность поспорить об обыкновенности военнослужащих этого воинского формирования, в котором мне когда-то самому пришлось немного послужить и, конечно, бесконечно много рассказывающего всем своим знакомым о всех достоинствах и почти элитности солдат с зелеными погонами на плечах.

– Конечно, тебе бы они обрадовались..., – не обращаю я внимания на вызывающий тон и взгляд Татьяны, одновременно разворачиваясь на очень узкой улочке под пристальным взглядом через бинокль часового на вышке.

*Мы снова едем дальше...*

*Следующий отрезок пути самый трудный. На нем начинаются не в пример предыдущим крутые горные спуски и подъемы попеременно с невыписуемыми рулем поворотами. Вот и Рыбачье, в котором довелось побывать ровно шесть лет тому назад. Вначале самый первый вид на этот поселок открывается с высокой горы на высоте птичьего, точнее орлиного, полета. Ровные ряды пятиэтажек в окружении домиков поменьше. Но главное, как и прежде – большое пятно беломраморного пансионата, в котором я был замечен шесть лет тому назад. Душа моя поет, а сердце замирает оттого, что я смог сюда вернуться. И в каком качестве! С какой семьей и на каком автомобиле!*

*Мое восхищение растворяется по мере приближения к уровню моря. Рядом с трассой видны горы мусора, растаскиваемого морским ветром и чайками. Многочисленные пни срубленных туристами деревьев раздражают своей безысходностью. Но главный удар по памяти о девяносто пятом ждал меня впереди. Вся-вся, до последнего метра, трасса, проходящая вдоль поселка, превратилась в сплошное скопище разно размерных ларьков и магазинчиков, шашлычных и чебуречных! Вплотную к проезжей части сгрудились бесчисленное множество точек общественного питания. Идущие во всех направлениях люди-отдыхающие окончательно задушили способность дороги в этом месте пропускать автотранспорт.*

*Часы показывают половину шестого вечера. Решаем далее не ехать, а попытаться найти будущее свое пристанище в этом месте на карте. Без труда посещаем одно такое место, которое нам представляется если и не на «все сто», то, по крайней мере, на «пятьдесят один» процентов возможно-подходящим. Особенно запоминается хозяин, в бывшем художник-оформитель, превративший лобзиком, стамеской и еще бог знает чем, каждый сантиметр своего частного пансиона в произведение прикладного искусства. Ажурные полочки и вешалки кроме того, что человек их изготовивший безусловно мастер, говорят мне еще и о том, что в зимние, или точнее сказать, несезонные, месяцы у этого человека появляется уж очень много свободного времени. Уже направляясь к автомобилю, замечаю вслух, что «одно посадочное место в сортире» имеющееся на двадцать четыре человека возможных отдыхающих, даже при очень не пристальном изучении предложенных удобств, выглядит явно недостаточным. Заканчиваем свою поездку в это место шикарным ужином и прекрасным красным сухим вином. Все втроем громко обсуждаем все то, что успели увидеть.*

*– Пока ничего подходящего. Даже здесь, в Рыбачьем... Когда будем уезжать из Каменского, придется еще разок все обследовать..., – тихо говорит жена.*

*Татьяна расстроена сегодняшней неудачей, горечь которой быстро передается и мне:*

*– Давай проедем в следующий раз до нашего места! Здесь все такое убогое и некрасивое... Какая разница нам, сотней километров ближе или дальше? – стараюсь успокоить всех сразу, в том числе и себя самого. – Там, в Гаспре, так красиво!*

*– Конечно! Я так хочу побывать в наших местах! – вся светится счастьем скорой встречи с любимыми местами Татьяна.*

*Антон не принимает участия в нашем разговоре. Он занят изучением новой игрушки и поэтому его не слышно. Весь сегодняшний день ему так и не стала понятной цель поездки. Он не понимал, как можно найти что-то «еще лучше» нашего отдельного домика на Азовском море.*

*Назад возвращаемся медленно. Через приоткрытые окна вдыхаем свежий воздух и слушаем оглушающую какофонию невидимых цикад. Молчим. Я целиком поглощен ночным возждением в горах. Даже обе мои руки на рулевом колесе. За одним из поворотов луч света фар натывается на лису. Настоящую: рыжую и с пушистым хвостом. Скорость автомобиля на подъеме совершенно ничтожна. Мы медленно приближаемся к этому, многократно воспетому в русских народных сказках, хищнику. Тот, развернувшись мордочкой в нашу сторону, стоит неподвижно. Впервые замечаю, что лисьи глаза, точно как у кошек и собак, отра-*

жсают свет темно-красным цветом. Эти немигающие две крупные точки тогда показались мне чем-то угрожающим. Их кровавый цвет от чего-то меня предостерегал! Эти глаза показались мне стоп-сигналами, требующими остановить автомобиль и немедленно повернуть назад. Отгоняю непонятные мысли, даже встряхиваю для этого головой. И медленно продолжаю приближаться к зверю. Чтобы продолжать до конца представившейся мне возможности наблюдать за ним и, вдобавок, освещать его фарами, проезжая очередной поворот, мне пришлось выехать на встречную полосу движения. Лис (или лиса) был впереди меня. Совсем рядом. Каких-нибудь... шесть метров. Зверь не шевелился, а только слегка пригнул голову к земле, приготовившись в любой момент развернуться и скрыться в темноте леса. Мне показалось, что его глаза разгораются все ярче и моментально становятся совершенно нереально большими. Понимаю, что не могу оторвать от них свой взгляд. Все внимание только на эти два огненно-красные шара! Но что это!? До моего сознания медленно доходит все усиливающийся вой автомобильного клаксона! Словно из сна возвращаюсь в реальность и поворачиваю голову на звук: прямо передо мною визжащий тормозами и мигающий фарами микроавтобус! Срабатывает автопилот и мои руки резко вырывают рулевое колесо вправо. Визг резины и резкая остановка после того, как вижу, что встречный автомобиль не останавливаясь, скрылся своими габаритными огнями за поворотом в ночи.

– Что-то случилось? – голос жены выдает то, что она до этого всего крепко спала.

– Нет... Ничего... Ты ничего не видела?

– Нет... А почему ты остановился?

– В туалет... Ты не хочешь? – произвольно скрываю причину внезапной остановки.

– Нет... Там много, наверное комаров...

– Я пойду...

Сзади к сопению Татьяны прибавляется громкое дыхание Антона. Тихонько выхожу, сжимая в руках фонарь. Его яркий свет в этой крошечной темноте кажется светящимся столбом, упирающимся в самое небо. Навожу пожирнее точку на асфальте, и медленно возвращаюсь к тому месту, где минуту тому назад видел хищника. Зачем? Тогда я об этом не думал. И совершенно не понимал, что же меня заставило вернуться.

Когда спустился по дороге к тому месту, откуда впервые в лучах фар заметил длиннохвостого зверька, я остановился и повернул назад. «Вот там он стоял. Да, именно вон там!». Вокруг меня южная ночь. Кроме пения (если так можно назвать из оглушающий треск) цикад не слышно более не единого звука. Медленно подхожу к той точке, где только что видел два красных пятна глаз зверя. Но что это!? Вместо сплошной зелени деревьев, которую я заметил сразу за рыжим зверьком, сейчас луч фонаря обрывается где-то далеко впереди и... в воздухе! На месте, где стоял рыжий зверь сейчас находится только сломанный когда-то до основания бетонный, ограничительный столбик! За ним еще с полметра поросшей травой обочины и все... Мне становится страшно, когда я пытаюсь с помощью фонаря посмотреть вниз. Бесконечно вниз... Вздрагиваю, но от голосов:

– Володя, ты где? – спрашивает Татьяна в темноте.

– Папочка, а-у-у! – ищет меня и зовет проснувшийся сын.

Медленно возвращаюсь к месту, освещенному габаритными огнями нашего автомобиля. В голове пока нет никаких четких мыслей. То, что я только что увидел, не может никак принести правильного решения вопроса. Да и самого вопроса, как такового, пока нет.

– Таня, ты не помнишь, лиса олицетворяет добро или зло? – задаю свой первый вопрос жене, после того, как Антон вновь усыпает под размеренное бормотание автомобильного двигателя.

– Не знаю... Вроде, добро а, может, только одну хитрость. А почему ты спрашиваешь?

– Так, просто... Пока вы спали, лисенок дорогу перебежал... Вот, мне и подумалось, не стоит ли плевать через левое плечо, как в случае с встречей с черной кошкой...

*Я обнял жену и притянул ее голову к своей. От сильного запаха ее волос стремительно стало пробуждаться желание. Это, промелькнувшее искрой чувство заставило левую руку, державшую руль, дрогнуть. Немедленно наши объятия были прекращены женой:*

*– Аккуратнее, пожалуйста!*

*– Там был дикий пляж, помнишь? Там и днем никого не было... Может, остановимся, а? – шепчу я на самое ухо моей любимой женицине, не обращая внимания на ее справедливое замечание.*

*Она гладит мои ноги и, прикасаясь головой к моей щеке, щекочет ухо и шею волосами. Я немедленно останавливаю автомобиль. Мы долго целуемся. Пока я не замечаю сзади нас мелькание в ночи фар далекого пока еще автомобиля. С трудом отрываюсь от поцелуя и резко беру с места.*

*Вот, наконец, видна белеющая в ночи полоска прибоя. Остается только найти подходящее на этой пустынной дороге место для стоянки. Впереди вижу столбики, сразу за ними небольшой «карман», в который и завожу автомобиль. Демонстративно не спеша, выключаю двигатель. Мы вновь долго целуемся. Наконец, я начинаю подталкивать Татьяну в сторону ее двери. Она меня прекрасно понимает и щелкает ручкой дверного замка.*

*Посмотрев на спящего на заднем сидении Антона, тоже выбираюсь из салона, открываю багажник и беру с собой кроме фонарика еще и подстилку...*

*Кроме нас на этом берегу нет никого. К пению ночных насекомых в зарослях над дорогой прибавился плеск моря. Легкие, небольшие и сонные волны легонько перебирают своими, откатывающимися обратно, струями мелкую гальку. Над нами настоящий фейерверк звезд. Предельно, как только можно, ярких и контрастных. Не считаны эти звезды и необъятно это небо! Там, где должен быть горизонт, граница вод и неба неразличимы. О ней, этой предполагаемой сейчас в ночи черте свидетельствует разноцветье огней какого-то суденулика. И все! Вокруг никого. Только мы вдвоем! Вновь притягиваю к себе это желанное тело и вдыхаю на полную грудь его аромат. Еще через несколько минут мы ложимся и мое сознание врывается еще один запах – запах раскаленной за день и еще не остывшей прибрежной гальки. Приторно теплый и слегка напоминающий запах паленых птичьих перьев. Но прикосновение рук и губ Татьяны заставляют меня забыть обо всем на свете...*

*Потом мы долго купаемся. Конечно же, нагие! В морской воде ощущение друг друга совершенно иное. Тело моей жены сейчас мне кажется еще более упругим и возбуждающим. Мы не разжимаем своих рук в объятиях. Море освежает и заставляет нас продолжать ласкать друг друга с новой неистовостью. И на берегу тоже...*

*Антон спит. Это то единственное, на всей планете, что может нас сейчас отвлечь друг от друга и заставить заняться чем-то иным. Он спит... Спит и весь мир вокруг нас.*

*Мы уже сполна насытились взаимными ласками и лежим, укрывшись половинкой покрывала. Я глажу Танину спину. У меня закрыты глаза. Танины волосы сейчас пахнут только морем... Хочется шутить о разнице в подобных случаях между песчаным и вот таким, как сейчас, берегом из мелкой гальки. Представив все, о чем подумалось, улыбаюсь сам себе и молчу. Еще я думаю о том, как такие, как только что пережитый, моменты оголяют до полной осязаемости нити, узы, струны, да, назови как угодно, то, что связывает, любящих друг друга мужчину и женицину. Никто без истинного чувства любви не может испытать такой нежности и кричащего желания принести максимум наслаждения другому человеку! Прижимая к себе такое обожаемое тело, хочется целиком в нем раствориться! Одновременно растворив его в себе самом! Слиться в единое целое и чувствовать, чувствовать, чувствовать эту любовь! Как еще можно наполнить каждое свое прикосновение такой негой! Чем иным можно объяснить непреодолимое свое желание целовать это тело без остатка! Жаль того, кто этого не испытал хоть единожды. Во всех остальных случаях, но без нали-*

чия и проявлений истинного чувства, будем наблюдать только грубую подмену понятий, и только. Или «эрзац», если по-немецки...

Мимо нас по трассе проносится за этот час или два первый автомобиль. Татьяна подталкивает меня. Пора продолжать свой путь, до Каменского еще добрая сотня километров.

Поднимаясь по придорожному откосу, тяну за собой Татьяну. Подъем крутой и поэтому легко оступить и скатиться вниз. Выбравшись к дороге, в последний раз включаю фонарь и смотрю на море. У самых моих ног ограничительные дорожные столбики. Точно такие, остатки которого я видел там, за поворотом. Мой мозг пронизывает именно тот вопрос, который блуждал в моей голове на том месте, но так и не был сформулирован: «Куда же, совершенно не спеша, направился тот лисенок!?». Татьяна смотрит на меня из автомобиля в ожидании. А я не могу прийти в себя. «Как же так? Там ведь отвесная пропасть и дикий зверь не мог просто так, уйти в том направлении! А был ли вообще тот лис? И его красные глаза... Стоп! Это уже слишком! Хватит! Возьми себя в руки!».

Двигатель давно включен. Но что-то мешает мне продолжать путь.

– Что случилось, милый? – рука Татьяны у меня на плече.

– Не знаю... У меня еще никогда не было галлюцинаций, а тут...

– Ты о той лисе, что перебежала дорогу?

– Да... Только я видел, как у нее светились глаза. Ярким красным светом.

Тогда я остановился потому, что чуть не врезался в едуций с горы нам на встречу автомобиль... Из-за нее...

– Ты испуган?

– Не знаю... Я возвращался на то место... Она не могла туда уйти потому, что там пропасть... И еще там не было не единого дерева. Хотя мне в начале показалось, что там стена леса.

– Это от усталости. Не волнуйся. Дальше поедem потихонечку и осторожно, хорошо?

Включаю первую передачу и трогаю автомобиль с места. Всего через несколько километров, сильно флюорисцируя белым отраженным светом фар, мимо нашего автомобиля проносится указатель населенного пункта с названием говорящим само за себя: «Морское».

– Мы проезжали его, помнишь? На автобусной остановке еще много было желающих сдать жилье. А ты не захотела выйти и спросить...

– Я очень тогда уже устала... Давай в следующий раз, а? – все тише и тише шепчет, проваливаясь в сон, жена.

Смотрю на рядом засыпающую Татьяну, в зеркало назад – на спящего сына и вновь улыбаюсь своему огромному счастью, накрывшему меня в эти минуты с головой. А сколько у меня впереди еще точно таких дней!? Теплый ветер врывается в открытое окно. Хочется кричать или петь во все свое горло. Заворочался сзади Антон. Быстро закрываю окно и беру за руль второй рукой. Даю своей правой руке отдохнуть только тогда, когда мое обоняние четко улавливает разницу в запахе – Азовское море, в отличие от только что закончившегося Черного, пахнет совершенно по иному...

Из Каменского мы уезжаем без малейшего сожаления. Все, что было можно получить полезного для здоровья на этом берегу, получено нами за пять дней и ночей. Достаточно! Вперед к настоящему морю! Соленому, глубокому и лазурному! Вперед к можжевельным и кипарисовым зарослям и скалистым берегам!

...Первая наша остановка за указателем «Веселое». Стоящий у обочины дедушка показался мне очень симпатичным и опрятным. Не выходя из автомобиля, спрашиваю прямо в лоб:

– Почем сдаете?

– По четыре..., – улыбаясь во весь рот со свежееизготовленным белоснежным мостом, отвечает мне дедушка.

– Чего «по четыре»? – на всякий случай спрашиваю я.

- Чего же еще! Доллара, конечно! – с готовностью уточняет тот.
- А что вы предлагаете нам на эту сумму?
- Ну, холодильничек поставлю... Ну, души с горячей водой без ограничений...
- А до моря далеко?
- Четыре... Километра четыре будет, пожалуй...
- Четыре километра!? Это что же, придется на машине ездить? И за четыре доллара?

Получается не мы вам, а вы нам должны будете доплачивать... Спасибо, дедушка и всего вам хорошего... – Во, загнул, старый! И глазом не моргает! – обращаюсь уже к Татьяне, срываясь с места.

В зеркало заднего вида еще долго виден тот пожилой мужчина, который так и остался стоять с широко разведенными в стороны руками, мол, чего же вы хотели, милые...

Следующая, по моей инициативе, остановка в Морском. На центральной, судя по количеству сдающих удобства людей, площади у трассы. Ко мне, выходящему из автомобиля сразу же подходят трое. Первый предлагает «за двадцать под ключ и со всеми возможными удобствами». Одной фразой объясняю, что это дорого и прошу предложить свои услуги следующему. У следующего «по пять», что тоже нам не вполне подходит.

Третий низенького роста, мне по плечо. Но очень коренастый, с развитой мускулатурой. С голым торсом и в одних шортах. В его разговоре сильный незнакомый акцент:

– А у меня, вот, по два... Но чуть дальше от моря... Пять минут пешком... Я когда иду – успеваю только выкурить сигарету..., – сбивчиво объясняет этот третий и все время пытается отвести свой взгляд в сторону.

Объявленная им цена за приют для нас вполне подходит. Мы просим его сесть в наш автомобиль и показать свои владения. Долго едем по пыльным улочкам поселка. Ветви кипарисов и остальных деревьев рыжие от толстого слоя пыли. Наш новый знакомый указывает путь, все время подсказывая куда поворачивать на перекрестках. Проезжаем мимо Дома культуры и рынка. Еще несколько поворотов и первое что я замечаю впереди по ходу нашего движения, это мусульманская мечеть. Снежно белая на этом выжженном солнцем рыжем фоне гор, с минаретом, межконтинентальной ракетой взмывающей в небо. Перст нашего проводника указывает мне в тот самый дом, который расположен прямо под религиозным центром мусульман:

- Вот мой дом! Заезжайте прямо во двор!
- Я смотрю на Татьяну и без слов понимаю ее:
- Мы пока во двор заезжать не будем... Сначала все рассмотрим...

Кроме нас в просторном дворе не обращающий на наш разговор никакого внимания, стоит мальчишка, поливающий овощи из иланга в небольшом огороде, окруженном ухоженными виноградными кронами. Мальчик – точная, но уменьшенная копия нашего нового знакомого. Наверняка, его сын.

– Конечно! Заходите, смотрите! Вот это место для машины. Я свою в гараж никогда не ставлю. Можете, прямо, в гараж заезжать! Вот здесь мы живем, вот наш дворик, вот туалеты, вот два душа. Что бы вы знали, у нас нет ограничений с водой, мойтесь, сколько вам угодно и когда угодно! Жить можете здесь на первом этаже...

- Здесь уже кто-то есть? – стала уточнять Татьяна.
- Да, здесь живет одна женщина, а во второй комнате семья из Германии.

В голосе хозяина отчетливо прозвучали нотки гордости за своих постояльцев. Он продолжал демонстрировать свои владения:

– Поднимайтесь на второй этаж... Там, если вы согласитесь, будете пока одни... Пока...

*Мы поднялись на второй этаж, представлявший собой просторную веранду с уходящими в разные стороны тремя дверями. В сторону улицы и еще в сторону гор – огромные в виде арок окна. Точнее, пустые проемы для них.*

*– ...Здесь трехместная, здесь четырехместная, здесь пятиместная – выбирайте!*

*Мы по очереди заглядываем в предложенные нашему вниманию комнаты.*

*– А самая прохладная какая из них? – интересуется Таня.*

*– Вот эта, трехместная! Располагайтесь, пожалуйста!*

*Интонация речи хозяина приторно-подобострастная. Впрочем, понимаю, что так и должно быть, ведь этот человек очень заинтересован в том, чтобы мы остановились именно у него.*

*– А это над вашим домом на горе минарет чей? – задаю давно волнующий меня вопрос. – Он, что, действующий?*

*– Нет, пока он закрыт... Говорят, что в сентябре откроют... А построили его для нас, для татар... За средства спонсора какого-то...*

*– И вы тоже татарин?*

*– Да... Кстати, меня зовут Яша! – просто и без рисовки заявляет наш потенциальный арендодатель кусочка приморского жилья.*

*Здесь же, на втором этаже знакомимся и сходу расспрашиваем о его семье.*

*– Моя жена Гуля сейчас на работе. Она в совхозе на виноградниках работает... Скоро уже вернется. Еще дочь есть... Сына вы уже видели...*

*– Яша, – обратился я к нашему провожатому, слабо веря в то, что названное им имя в полной мере отвечает действительности. – Что-то, мне кажется, море от вас далеко будет. Надо проверить эти ваши «пять минут». Машина пусть пока стоит на улице, пока мы сходим..., – я все еще сомневаюсь в своем выборе.*

*– Какие вопросы! – радостно восклицает наш, с каждой минутой проведенной здесь, все более реальный хозяин и достает из кармана пачку «Примы».*

*Помню, что до этого он курил что-то с фильтром... Я засекаю время и будучи уверенным в том, что про пять минут до моря нас нагло обманывают, уже начинаю обдумывать не очень обидные для такого случая слова.*

*Переговариваясь, мы с обыкновенной скоростью, не торопясь особо, но и не сломя голову, идем в сторону моря вдоль сейчас пересохшего русла речки. Его начало, скорее всего, где-то в горах и оживает она наверняка только после сильного дождя...*

*Как я и ожидал, к не самой кромке моря мы пришли только за десять минут. Делюсь с нашим провожатым своим хронометражом. Тот без тени смущения заявляет:*

*– Какая разница, пять или десять! Главное, я же говорил, что только одну сигарету успеваю выкуривать! Вот, смотри! – он протягивает на уровень моего лица окурок.*

*– Вы бы еще «Зарю» или «Памир» нашли для такого случая. Тогда бы было можно и за полчаса водить, как за пять минут!*

*– Мы подумаем! – перебивает наш разговор Татьяна. – Сейчас сходим на море, искупаемся и тогда решим окончательно.*

*– Ну, смотрите... Я тогда пошел... Если надумаете – оставайтесь. Мамед вам откроет ворота... И уже отойдя на несколько шагов добавил: – Здесь дешевле вы нигде не найдете! И безопаснее тоже...*

*Мы долго провожаем его взглядом. На последние слова аборигена не обращаем никакого внимания. От усталости и перспективы скорого окончания финиша в своих поисках молча переглядываемся и начинаем громко смеяться. Когда успокоились, Татьяна перешла к делу:*

*– Ну, что, остаемся?*

*Я промолчал, зная, какая жена у меня требовательная к условиям проживания, лишь слегка пожав плечами и полностью отдавая право выбора супруге.*

– Дешевле мы, действительно, уже нигде не найдем. Я думаю, стоит остановиться. А если что ни будь более достойное подвернется – сразу меняем, правильно? Пока я заплачу за пять суток, а там видно будет...

– Правильно! – поддержал я мнение жены, по правде говоря, уже достаточно устав в этот день и с сожалением рассматривая возможную перспективу продолжать свои поиски в такую жару, находясь уже рядом с морем и под сравнительно надежной крышей.

Нашему решению помог и Антон, категорически заявивший о том, что он «из этого дома с котятами и собачкой никуда не собирается». Я с благодарностью тогда посмотрел на своего единомышленника.

Немедленно мы вернулись к минарету, загнали автомобиль во двор, взяли необходимый для нашего первого визита к Черному морю набор вещей и отправились к нему – самому для нас сейчас дорогому!

Количество людей на пляже в начале нашего появления просто шокирует. Не хочется верить увиденному. Это же ведь не Ялта и, тем более, не Сочи! По моему требованию бредем через оголенные, часто до неприличия, тела. Останавливаемся далеко в стороне от центрального входа, заняв узкую кромку берега под самой дорогой. Море у берега неприятно волнуется. В нескольких метрах его поверхность укрыта плотным «ковром» поднятых со дна водорослей. Да и само море должно быть почище, здесь у берега оно теряет свой лазурный цвет и становится мутно-салатным. Остаюсь в одних плавках и с некоторой брезгливостью вхожу по крупным и скользким булыжникам в воду, бодрящая все мои внутренности свежесть которой моментально перехватывает дыхание. Да, это действительно не Азовское, ты прав, мой мальчик! Через полминуты уже выскрываю на берег и усаживаюсь рядом с Татьяной, которая успела, пока я «купался», прикупить десяток крупных вареных раков. Ждем пиво. Не справившись с Антоном в словесных прениях на тему «купаться – не купаться», отпускаем по его настойчивым требованиям в море. Спасательный жилет на нем в новом месте работает совершенно по иному и, в отличие от Азовского моря, выталкивает легкое мальчишечье тельце чуть ли не по пояс! Это новое обстоятельство дает нам возможность контролировать поведение сына в воде спустя рукава. Мы остаемся вдвоем на берегу и по очереди только лениво и не напрягая голосовые связки просим Антона не заплывать далеко. Медленно расправляемся с членистоногим, запивая белоснежное нежное мясо, освобожденное из красного колючего хитина, холодным хмельным напитком. В этом действе есть что-то прекрасно расслабляющее! Ощущение полной свободы под чистым небом, рядом со слегка волнуемым морем, в котором от души резвится обожаемый отпрыск, в тени под зонтом. Ладонь руки холодит мокрая от конденсата поверхность пивной бутылки, а во рту немеющий от ракового аромата и шипов язык. Вот это сочетание, да?! Вслед за раками в наши желудки отправляется по паре небольших вяленых чехоней. Еще немного чипсов и все... Наступает полное пресыщение всем!

Мы так увлечены своим отдыхом, что не замечаем, как рядом с нами, буквально растолкав наших прежних соседей, прямо на раскаленную гальку плюхается толстопузый, лет пятидесяти пяти, мужчина с подозрительно смуглой кожей. Мне даже не хочется обращать внимания на его пристальные взгляды в нашу сторону. Ну, и что! Пусть смотрит, если ему это так нравится. Тем более, он вылупился, явно не на меня, и даже не на мою Татьяну, а на нашего сына...

Время далеко за полдень. Становится нестерпимо жарко. Даже нам, успевших за первые пять дней отпуска порядком подзагореть и закалиться. Наступает время возвращения в свое новое место отдыха. От охватившей тело усталости нет желания сопротивляться жизненным обстоятельствами. Близкая перспектива упасть в кровать затмевает слабое поползновение мысли не соглашаться с тем, что именно мы имеем на этом отрезке своего

путешествия. А имеем мы разморенные на солнце тела, которые, на дрожащих от усталости ногах, еле еле движутся по раскаленной поверхности пыльной почвы.

Медленно доходим по улице, уходящей куда-то в горы, к минарету. Из последних сил, буквально, вползаем на знакомый второй этаж. Дверь нашей комнатухи открыта. Убогость ее обстановки и крошечность нашего временного жилья меня не угнетает. Наоборот! Физическая близость друг к другу и проявления трогательного рукоделия хозяев, стремившихся с минимальными для себя затратами принести своим клиентам максимально возможный для своего достатка уют, трогают до глубины души. Так и не распаковав вещи, засыпаем, на показавшихся сразу самодельными кроватях. Я занимаю самое красивое, из трех здесь находящихся, ложе. Его спинки сделаны из какого-то неизвестного мне дерева, красновато-светлый тон и тонкий рисунок которого напоминает карельскую березу. Но зато, моя кровать стоит в самом неудобном и опасном из-за сквозняка месте. Самая удобная кроватка достается, конечно же, Антону...

Просыпаюсь от противного хлопанья форточка над головой. Неприятное ощущение полностью вспотевшего тела. Раскаленный солнцем потолок согревает меня не хуже гриля! С откровенным чавканьем отрываю мокрую щеку от подушки набитой, судя по запаху, овечьей шерстью. Мои еще спят, не обращая внимания на этот шум. За окном слышны порывы все усиливающегося ветра. Еще слышно, как наш Яша водит новеньких по своим владениям, рассказывая о том, что «больше такого они нигде не найдут». Полностью соглашаюсь с его словами и начинаю ругать себя за такую пассивность в выборе пристанища. «Завтра же надо съездить, аж до Алупки и найти новое место! Завтра же!».

За дверью кто-то сопит и скребет подошвами ног о цементный пол. Тихонько встаю и, не ожидая неприятностей, открываю дверь. Моментально сильнейшая струя сквозняка за моей спиной подхватывает форточку и со страшной силой ставит ее на место в оконную раму. Я целиком на пороге комнаты, но моя голова повернута назад. К счастью, стекло остается целым, и я, наконец, обращаю свой взор к нарушителю нашего покоя. Точнее, передо мной стоит нарушительница. В молодой, довольно симпатичной женщине в простой одежде, скорее угадываю, чем узнаю, жену хозяина. Она улыбается и приятным голосом интересуется «все ли у нас в порядке». На наши голоса к нам присоединяется моментально проснувшаяся Татьяна. Она предлагает выпить за знакомство кофе с печеньем и обсудить детали нашего здесь пребывания.

Беседовать с хозяйкой приятно. Как старые знакомые мы рассказываем друг другу о своих детях и о погоде. Наш непринужденный разговор заканчивается желанием встретиться вечером семьями за шашлыком.

Из комнаты не выхожу. Желания познакомиться с соседями нет. Лениво прислушиваюсь к их голосам снизу. Слух улавливает слова действительно на чистом немецком. «Что они тут делают? Это же мучение для избалованных цивилизацией!». Отвлекаюсь от пустоты в мыслях только со звуком во дворе стареньких «Жигулей» Яши. Спускаюсь для более близкого знакомства. Перед тем как дойти до покидающего свой автомобиль хозяина пансиона встречаюсь взглядом с немцами – довольно приятными на первый взгляд людьми. Мы вежливо приветствуем друг друга по-русски. Усаживаемся с Яковом на его месте под навесом за инкрустированным столом для игры в нарды. Лениво разговариваем ни о чем. С удовольствием пьем кофе, две чашечки которого были принесены дочерью. Зера уже подросток. Первыми бросаются в глаза ее брови, сросшиеся на переносице, совершенно прямые и черные над огромными карими глазами, обрамленными необычной длины густыми ресницами. В глубине сознания появляется мысль о красоте восточных женщин.

– Ты представляешь, – неожиданно жалуется мне Яша, – белорусы, которые приехали вслед за вами, завтра уезжают!

– Им что-то не понравилось?

– Не знаю даже... Не говорят... Сказали только, что море не понравилось... Врут они все! Видно, на пляже кто-то им наговорил про татар плохое! Вот сволочи!

В уголках его губ вижу пятна выступившей слюны. Его взгляд становится жестким и яростным.

– Не обращайтесь внимания. Вы заблуждаетесь...

– Я точно знаю! Точно про нас что-то нехорошее сказали!

– Не может быть такого! А если и есть, то они не правы. Какая разница для нормального человека, у татаров, русских или армян снимать жилье. Лишь бы все хорошо было и были люди хорошие! Не сердитесь попусту, это все лишнее, – успокаиваю я его, намеренно продолжая обращаться на «вы» и ничуть не обижаясь на его фамильярность, одновременно чувствуя, что Яков мне что-то не договаривает.

– Если все будут по одному дню жить, разве я смогу рассчитаться за рамы!

Триста пятьдесят долларов я ему должен! Спасибо еще, хоть в долг мастер сделал, ты видел их? Там, смотри!

Под стеной дома, куда указывает Яша, вижу стопку похожих на гигантские грибы деревянных оконных рам. Одобряю его решение застеклить веранду второго этажа:

– Будет здорово! А то сейчас у нас такой сквозняк! Я видел, Яша, вы и мебель сами делали?

– Да... А, что еще остается, когда денег совсем нет. Вот, и приходится выкручиваться... Ты не подумай... Я не один такой здесь. Так многие поступают, и дома строим сами, и мебель делаем, и многое, что еще...

– Ты, какого года? – интересуется Яков, меняя тему разговора.

– Шестьдесят второго...

– А я думал ты младше! Хорошо сохранился! Я в шестьдесят третьем родился, а выгляжу, куда там равняться с тобой...

– Не скажи, не скажи! У тебя и на голове нет не единой седой волосинки.

Это я, наоборот, седой, как столетний! – вновь успокаиваю я собеседника, только теперь начиная подмечать глубокие морщины на его лице и руки, представляющие собой сплошной мозоль.

Перезожу разговор на наши армейские годы. Яша тоже служил срочную в какой-то спортроде. Он борец, вольник, кандидат в мастера спорта. Вот почему у него свернутые в трубочку уши и такая классическая для этого вида спорта широкоплечая фигура. Предлагаю вслед за кофе испить нашего пива. Двухлитровой бутылки «Славутича» нам хватает только на первый час разговора. Плавно меняем место нашей встречи и удаляемся для подготовки мангала в дальний от нашего спального корпуса дворик. Яков рубит дрова и разжигает костер в металлическом ящике на ножках. Пока в костре догорает крымский дуб, мы пьем не торопясь пиво, а Гуля начинает накрывать стол. По мере того, как куски курицы покрываются соблазнительной золотистой корочкой, темнеет и небо. К тому моменту, когда наш праздничный, в честь приезда в это двор стол полностью накрыт, на небе появляются первые яркие звезды.

Чувствую себя неловко. Первая встреча с совершенно незнакомыми людьми не располагает даже к некоторой откровенности. Ограничиваемся тем, что мы с Татьяной чаще задаем вопросы и больше слушаем.

– А что вы еще кроме шашлыка умеете готовить? – осторожно поинтересовалась Татьяна.

– Ещё?... – переспросила Гуля. – Ещё манты, шурпу, чебуреки... Ещё салатики разные...

– А хотите, я вам быстренько расскажу рецепт приготовления украинского борща? – вырвалось у меня.

*Мне не хотелось умничать и поучать кого-либо. Мне искренне захотелось поделиться известным мне в совершенстве кулинарным рецептом. В точности так же, как я бы рассказывал сейчас этим людям или любым иностранцам о реке Северский Донец у Славяногорска, о донецких металлургах и шахтерах, киевском «Динамо» или о Софиевском парке в Умани с Печерской Лаврой и с Крецатином... О всем том, чем по праву может еще гордиться сейчас наш, униженный известными обстоятельствами, народ... Это, моё желание, я тогда подумал, было понятным всем присутствующим.*

*– О, это сложно, наверное! – прищелкнул языком Яков. – У нас женщины такое не готовят...*

*– Да, что может быть проще и... в правду, сложнее, одновременно!?! – несмотря на легкое нажатие Таниной ноги под столом, взывающей к моей скромности, стал я смело реализовывать уже произнесенное вслух предложение. – Простота рецепта заключается в наборе продуктов. Затруднительно составить список всего необходимого, состоящего из еще более элементарного. Всем известно, что нужны только свёкла, лук, морковь, картофель, томаты и капуста. Еще проще всего перечисленного свежая косточка, лучшие свиные ребрышки, или обыкновенная, но не старая, курица. Самое несложное в рецепте, это вода и немного соли. Еще этот, до невозможности упрощенный перечень можно только слегка разбавить сладким перцем, пучком петрушки с укропом, лавровым листом и несколькими горошинками черного душистого перца. Сложности начинаются только после того, как это все аккуратно, с проявлением глубочайшего внутреннего желания сделать приятное своим близким или гостям, вычищено, вымыто и мелко, обязательно тоненькой соломкой (конечно, кроме картофеля!) нашинковано острым ножом и, обязательно, чтобы не лишить овощей сока, вручную с помощью острого ножа. Когда это, радующее взор, яркое разноцветье, заняло свои места на кухонном столе, обязательно следует приостановиться и еще раз, как в первый, подумать, остудить разгоряченный азарт и включить свои внутренние часы, вкус, обоняние и еще то, что не имеет своего названия. Только при наличии всего этого возможен полный успех! Иначе в итоге выйдет нечто усредненное, разбавленное, нейтральное и не вызывающее никаких положительных эмоций. Точно такое, какое предполагает повторение требований книги кулинарных рецептов. Хоть самой знаменитой – все едино! Повторяю, что без внутреннего приподнятого настроения и огромного желания вложить в это блюдо частичку своего существования во имя огромной любви ко всем тем, кто будет это вкушать, лучше и не начинать вовсе! Итак, приступили. Приступаем. Во-первых, готовим бульон. Главное в этом важнейшем элементе приготовления блюда не спешить. Особенно с жаром под днищем кастрюли. Крайне необходимо уловить тот самый момент, когда ранее подсоленная жидкость в кастрюле начинает закипать. Уже до этого момента, не менее десятков раз сняв, еще белёсую и лёгкую накипь, шумовкой. Ни в коем случае нельзя допускать появления на поверхности варева темно-серой и рыхлой накипи! А еще – бурного кипения жидкости. Оно должно быть на грани прекращения, легким и не перемешивающим своими потоками в емкости мельчайшие взвешенные частички. Если это случилось – считай, что блюдо испорчено! Какой же это украинский борщ, в котором сквозь мутную жидкость в тарелке безошибочно не разглядеть всего того, из чего он сварен!? Иногда, чаще это случается, когда мне не нравится запах косточки, бросаю и варю не до конца расчётверенные вдоль своей оси крупные луковицу и морковь, которые варятся вместе с мясом до полной готовности бульона. Время варки, конечно, зависит только от веса мясного куска. Во-вторых, пока готовится необходимого качества жидкость-основа, можно приступать к приготовлению не менее важного, чем первый, компонента – зажарке. Для этого нужна только сковорода и подсолнечное масло, которое в зимнюю стужу неплохо заменить или, на крайний случай, разбавить свежим свиным салом. Как только жир раскалился, высыпать соломку из моркови, свеклы и мелко нарубленного лука. Если решились на применение сладкого перца – то и его сюда же! После появления отчетливого звука процесса*

жарения, не ленимся и очень часто перемешиваем содержимое сковороды. Впрочем, частота помешивания мною за жарки зависит только от температуры плиты. Лично я люблю это делать на очень горячей, когда на грани фолы или, точнее сказать, превращения овощей в уголья. Только тогда азарт приготовления достигает своего апогея! Всего минут десять-пятнадцать, и овощи уже можно считать приспущенными. Наступает момент вливания натертых, желательнее без семян, свежих томатов или, на худой конец, разведенной кипяченой водой, обязательно свежей, а не прокисшей, томатной пасты. Как прекрасно это мгновение появления на раскаленной сковороде холодной жидкости! Это всё становится настоящей магмой или вулканической лавой! Такой же бурлящей и клокочущей, пузырящейся и раскаленной, огненно-красной и густой. Вот-вот, готовить за жарку надо до максимально возможной густоты. Чтобы убедиться в готовности этой составляющей, достаточно попробовать одну ложечку, как самостоятельное блюдо. Если это хочется кушать, намазав на ломтик хлеба, значит, необходимый результат достигнут. В непродолжительных перерывах между помешиванием за жарки и снятием накипи с бульона, умудряюсь и успеваю нарезать мелкими кубиками картофель и нашинковать капусту. Если повезет, то измельчить и зелень тоже. Одним словом, к моменту вылавливания косточки с луковичей и морковью из готового бульона, на моем столе в полной готовности перед отправлением в кастрюлю уже замерло всё-всё остальное. Вот, и самый ответственный и простой, одновременно, третий этап. Высыпаем измельченный картофель, который отдельно варим в пустом бульоне от силы минут пять. Следом со сковороды в кастрюлю плавно, чтобы не сделать высоких брызг, съезжает за жарка, а еще спустя минуту туда же сыплется и легкий снег белокочанной капусты. Кажется, что в варево уже ничего не сможет поместиться! Но, вспененный острым ножиком качан капусты медленно, весь без остатка, уходит в кастрюльную бездну, совершенно не изменяя уровня ватерлинии, начертанной на стенках посуды бордовой нитью пленки жира чуть кипящей поверхностью. Этот отрезок приготовления проходит с открытой крышкой – важно не пропустить момент последнего по счету закипания и запустить на приятно оранжево-красно-бордовую с желтыми скалками жира поверхность изумрудной зелени, черный бисер перца-горошка и чуть-чуть лаврового листика. Еще последние пять минут кипения при минимальной температуре плиты – и можно отставлять кастрюлю в сторону. Перед употреблением рекомендую дать борщу настояться. Совсем немного, минут двадцать. В это время, несмотря на выключенный источник разогрева, процесс приготовления продолжается! Да, да! Именно в эти минуты доходит капуста и картофель, приятная мягкость и, одновременно, необходимая упругость которых, делают блюдо совершенно неповторимым. Да, чуть не забыл! Этот обязательный рецепт можно дополнить мелко нарезанным мяском, тем, что с бульонной косточки. Или в последнее закипание вливанием стакана сметаны (так готовят на Западной Украине). Солим, конечно, по вкусу. Если у нас была курица, то съедаем её отдельно. И всё это за каких-то полтора часа... Ну, как? Нравится? А с чесночком? А после рюмки водочки? То-то! Я еще могу бесконечно долго рассказать о приготовлении голубцов или фаршированного перца; овощного рагу с грибами и мясом или кабачковой икры, нет, по вкусу совершенно не такой, какая продается в магазинах, законсервированной в стеклянные или жестяные банки; любого супа, хоть классического «харчо»; сациви или банальных полтавских котлет, тушеной капусты, шашлыков, да, всего, что угодно, спасибо отцу за науку, пусть земля ему будет пухом! Без его наставлений а, главное, собственного примера, мне бы никогда не достичь самого основного в этом деле! Приобретения истинного чутья и интуиции. Ведь, как не старайся, рассказать или описать способ угадать точное количество компонентов любого блюда, тем более, такого непростого, как борщ, время его приготовления, я считаю, совершенно невозможным занятием. Для этого надо простоять у плиты и готовить не один год и, самое главное, очень любить это делать..., – окончил я, для

самого себя, неожиданно захватывающий, на одном дыхании и взхлеб, рассказ от которого даже в собственном рту появилась слюна.

Мои слушатели, включая и детей, еще некоторое время хранили полную тишину. Затем Гуля не выдержала и зааплодировала. Ещё через мгновение на её губах застыл немой укор, наверняка, в адрес своего спутника жизни. Догадавшись об этих движениях в душе малознакомой мне женщины, я уже начал жалеть о такой своей, вызывающе-нескромной в проявлении личных качеств, инициативе.

Татьяна, наоборот, с гордостью смотрела на наших новых знакомых, будучи в совершенной уверенности, что им нечем будет ответить на моё откровение. Приготовленный только что Яковом куриный шашлык, а хозяйкой салат из маринованного репчатого лука на нашем столе, были лишь тихим шепотом с их стороны в нашу...

– Мы восемь лет, как переехали сюда..., – рассказывает, изменяя тему.

Нашего незамысловатого разговора Гуля. – Мы раньше жили в Нижне-Баканской... Недалеко от Новороссийска, может слышали?

– А как же! – восклицаю я. – Там же адъютант его превосходительства поезд с танками под откос в Гражданскую пустил!

– ...Когда родители Яшины стали болеть мы и решили перебираться...

Так тяжело в начале было, ни кола ни двора... Одно время, даже денег на молоко для грудной Зерки не было!

Девочка в порыве нежности прижалась к своей маме.

– ...Она у нас счастливая! – в ответ обнимает мать свою дочь. – Сразу после рождения она беспрерывно плакала до шести месяцев... Кому мы ее только не показывали! Сколько врачей и профессоров было – столько и мнений... Пока однажды о нашей беде одна знахарка не услышала. Мы ей все рассказали и она сказала нам, чтобы мы привезли к ней Зеру. Представляете, а у нее были врожденные вывихи обеих ножек! Так бабушка за пять минут все вставила! Зера впервые за долгие месяцы сразу успокоилась и уснула!

– Шесть месяцев... Вам повезло, если бы еще немного – осталась бы инвалидом, – поделилась своими мыслями Татьяна.

– Да, мы знаем еще одну семью, где вовремя не установили правильно диагноз... Мучаются, бедные с ребеночком... Яша как узнал, что дочка родилась, то так обиделся...

– Да, очень! Даже в роддом ехать не хотел! А потом свыкся и сказал, что будет рожать до первого мальчика! – откровенничал Яков.

...Жареную на углях курицу запивали прошлогодним сухим вином. Оно было совершенно не крепким, поэтому частили. Наши дети были рядом и как могли помогали нам расправиться с горой приготовленного мяса и измельченных овощей. Даже наш Антон, глядя на аппетит хозяйских ребят, уминал какой-то там по счету кусок! Но, как говорится, всему приходит конец. Кончилось и вино за этим столом. Было уже поздно и мы решили расходиться. Вставая из-за стола, я сообщил захмелевшему Якову о том, что мы завтра уезжаем на целый день на прогулку в Ялту и еще дальше. Это сообщение привело Якова в небольшое замешательство, по выражению его глаз я понял, что он не верит моим словам и считает, что нам у него не понравилось и мы решили найти себе место получше.

– Я же говорил уже, – заплетаящимся языком ответил отец двоих детей, – что лучшие места вы нигде не найдете...

Когда мы втроем, распрощавшись и пожелав спокойной ночи в первом часу ночи поднимались по лестнице к себе на второй этаж, мой слух уловил брошенное Яковом, наверное, самому себе под нос: «...И безопаснее... Я же говорил уже об этом...».

Я четко расслышал эти слова, но к кому именно они были обращены, я так и не захотел тогда разобраться...

\*\*\*\*

*Наш подъем после первой ночи на новом месте был стремительным! Правильно будет сказать, что мы с Татьяной так сильно ждали этого утра не только потому, что мы очень стремились на приятную во всех отношениях автопрогулку. Обостренная радость рассвета была умножена еще и тем, с чем нам предстояло, наконец, расстаться. Это была духота в комнате, которую даже не смогли до самого утра уменьшить ни на один градус открытые и постоянно хлопающие на ветру окна. Эта одуряющая жара при полном отсутствии свежего воздуха была, впрочем, только на втором месте. А на первом... Ну, ладно! Поведаю... Мы так и не смогли найти тот способ, каким можно было испытать радость супружеской близости. Наша комната к этому совершенно не располагала! Я извиняюсь перед своей женой за свою откровенность, но в единственном в нашем жилище и таком узком проходе между кроватями я не помещался даже в позе «я, стоя – сзади». Вот так... О том, чтобы для этого взобраться нам двоим для этого сверху на кровать – не могло быть и речи! В таком положении мы, освещенные фонарем во дворе, сразу становились видны всему, открывающемуся из нашего окна поселку Морскому. Двигать кровати в столь поздний час тоже было проблематичным, ведь под нами отдыхали немцы. Во избежание международного скандала мы сразу отбросили эту идею, как нереальную. Ну, а для того, чтобы улечься вдвоем на одной из самодельных Яшиных очень узких кроватей, у нас с Татьяной еще не было свидетельств об окончании циркового училища. К тому же, высокая температура окружающего воздуха влекла за собой повышенное потоотделение. Особенно, при соприкосновении наших тел... Как я тогда вспоминал бодрствующего еще Якова за его беспримерную экономность и простоту! В те минуты под еле сдерживаемый Татьяной смех, я поклялся спросить у этого хозяина, как у нормального мужчины, что он думает по этому поводу.*

*Но и эта, не самая запоминающаяся в моей жизни, ночь подошла к своему завершению. Предчувствие того, что совсем скоро мы прикоснемся к тому, что в прошлом году было с таким сожалением по необходимости оставлено, будоражило разум и бросало в легкую дрожь нетерпения поскорее отправиться в путь. Ровно в шесть утра Татьяна уже пригласила меня с Антоном за стол: «Овсянка, сэр!». Как и предыдущие дни нашего отпуска на завтрак меня с сыном ждали полные тарелки мюслей с тропическими плодами. Самой тяжелой была самая первая тарелка почти неделю тому назад. Ее я и помнил как самую противную и непонятную. Чуть попозже, с каждой новой порцией чувство неприятия отступило, а вместо него появилось вначале безразличие, а еще позже уже некоторое желание питаться этой, без сомнения, здоровой пищей.*

*Вначале под очередную сказку «О мертвецах» (и это в шесть утра!) свою порцию съел Антон. Изучив содержимое своей тарелки, я предложил ее вначале Татьяне. Жена вежливо отказалась, сославшись на то, что она худеет и даже такое низкокалорийное блюдо ей будет во вред. Я вздохнул и отправил первую ложку в рот, в левую его половину. То, что еще вчера утром мне казалось верхом наслаждения, превратилось в следующее мгновение в ужас! При первом же стискивании челюсти, предварительно расплющенные и распаренные кипятком овсяные хлопья взорвались дикой болью! От неожиданности и боли оголенных нервов я с силой захлопнул глаза. На звук моего сдавленного стога из комнаты выглянула Татьяна. Мне удалось скрыть от неё этот приступ боли. Не в силах разжать парализованную болевым выстрелом челюсть, я медленно проглотил содержимое первой ложки. И прислушался: резко появившаяся боль медленно отступала. Еще через мгновение на ее месте осталось лишь слабое ноющее напоминание. «У меня же двадцать лет не болели зубы! А в этом месте вообще никогда! Вот это новость!».*

– Танечка, мы уже готовы! – отрапортовал я жене, отодвигая только начатую тарелку и вытирая крупные капли выступившего от боли пота со лба.

– Сейчас я только шорты доглажу! – весело отозвалась из комнаты жена.

Когда она увидела оставшуюся наполненной тарелку, ее удивлению не было конца.

– Что-то не хочется сегодня... Вкусно! Честное слово, вкусно! Особенно изюм, бананы и папайя! – перечислял я вслух все известные на эту минуту ингредиенты этого дорого и с таким редким по красоте названием блюда.

– Ну, погоди у меня! Через час есть будешь просить, а я ничего не куплю! – пригрозила немного обиженная моя любимая повариха.

Я, с приложенным к только что болевшему месту языком, промолчал.

Татьяна все убрала со стола, накрыла вымытые тарелки чистеньким кухонным полотенцем и мы по ее команде, наконец, тронулись. Спускаясь последним, я почему-то оглянулся назад, запомнив как расположены наши кухонные вещи на столе. Их, кастрюлек, чашек, коробочек и еще чего-то, было совсем немного. Пользуясь тем, что мы были одни на этаже, Татьяна все наше поставила в центре стола, точно посередине, аккуратным островком на его бескрайней поверхности.

Яков открывал ворота, выпуская наш автомобиль, с выражением обиды на лице. Понимая, что мы ничего предосудительного не делаем, его кислую мину я списал на вероятную вечериную передозировку сухим вином. Татьяна согласилась с моим предположением, заметив, что «весу в нем килограммов пятьдесят, все таки, будет».

Выезжаем из Морского медленно. На удивление, я хорошо запомнил дорогу и ни разу не поддался на советы моего штурмана «повернуть именно тут», что ранее не единожды отбрасывало нас в путешествиях по времени назад и в поисках правильного направления.

Когда проезжаем мимо дикого пляжа, на котором мы так долго задержались ночью несколько дней тому назад, протягиваю руку и нежно щипаю жену выше колена. Она отвечает затуманенным лаской взглядом. Мы молчим, наслаждаясь тем, что мы сейчас имеем. Говорить ни о чем совершенно не хочется. Даже Антон сидит, не издавая ни звука, и все время рассматривает что-то за окном. В этом месте нашего неблизкого пути вслух замечаю об полном отсутствии в ландшафте, окружающем, ставший на короткое время нашим, поселок, деревьев и, даже, кустарников на склонах гор. В подтверждении моих выводов, Татьяна показывает, что и в атласе автомобильных дорог в этом месте отсутствуют условные значки наличия зеленых насаждений. Это обстоятельство некоторой ущербности места нашего отдыха огорчает и делает наше стремление побыстрее добраться до настоящих райских кущей, еще более неодолимым.

Легко, в дневном свете узнаю место, где так, с напылением некоторой таинственности, от которой за несколько прошедших дней не осталось и следа, увидел ночью лису. Что-то хочу сказать по этому поводу и случайно цепляю зубом то место на челюсти, которое испортило болью сегодняшнее утро. От сильной боли вначале ярко искрит всеми цветами радуги, а затем темнеет в глазах. Чтобы удержать автомобиль на узкой и извилистой ленте шоссе резко жму на тормоза. Слышу, как Антон с визгом срывается со своего места и втыкается всем своим телом в спинку моего сидения. Ничего не понимающая в причинах такой резкой остановки Татьяна начинает меня ругать. Жестами и, не разжимая рта, даю ей понять, что у меня разболелся зуб. Одновременно от боли бьюсь лбом о рулевое колесо. Шум моих ужимок значительный, отчего Татьяна начинает меня жалеть и удерживать, поглаживая по спине и голове. Она ведь не знает, что «баранка» только с виду такая твердая. Постепенно боль утихает. Но не до конца, как утром. В голове остается острая, раздирающая боль. Тяжело вздыхаю и продолжаю движение.

Без сожаления проскакиваем на максимально возможной скорости, расталкивая в буквальном смысле наглых пешеходов автомобилем, Рыбачье. Вот за несколькими поворотами вверх от поселка и красно-белый столб маяка.

– Мы сюда в девяносто пятом ходили на прогулки, – вспоминаю я приятные моей памяти события шестилетней давности.

– А куда вы еще ходили гулять? – интересуется Татьяна.

– Еще? Еще мы ходили на местное кладбище... И знаешь, что удивительно?

Казалось, здесь в курортной зоне, куда приезжает бесчисленное количество людей поправить свое здоровье, местное население должно быть совершенно здоровым и, по крайней мере, жить значительное количество лет. Каково же наше было удивление, когда, вчитываясь в надписи на надгробных памятниках, без труда было установлено, что люди здесь живут очень и очень недолго. В среднем, если я верно запомнил наши подсчеты, сорок девять – пятьдесят три года. Представляешь! Как ты думаешь, почему?

– Жизнь у них всех здесь, несмотря на кажущееся благополучие, суровая... И труд, наверняка, каторжный. Сколько Гуля говорила нам, она в смену под палящим солнцем должна кустов винограда подвязать? Четыреста? А ты сможешь? Еще и при таком питании! А солнечная радиация!? Вот, они и мрут, как мухи преждевременно... А мы считаем, что здесь курорт! Смотря для кого...

– Может, ты Таня и права... Мы тогда тоже так определились с причинами непродолжительной жизни, так сказать, аборигенов...

Дорога за маяком еще привлекала наше внимание только до Алушты. Вырвавшись на Ялтинскую трассу, где каждый поворот и перекресток знаком до отношений на «ты», врубаем на всю громкость магнитола. Голос сына Хулио Иглесиаса до спазм в груди и до самых слез напоминает нам прошлогодние здесь поездки! Так было нам здорово тогда! Ничуть не менее, чем сейчас! Только в этом году нам не предстоит так тщательно избородить ялтинские окрестности. Что-то мне подсказывает это...

Медведь-гора, Никита с ботаническим садом, Массандра, в которой столько перепито, сама Ялта, поворот на Ай-Петри, Ливадия, по нижней дороге к Ореанде, Гаспра с нашим прошлогодним «Кичкине»...

Снижаю скорость и все свое внимание устремляю в это место. Мое стремление уловить хоть что ни будь из нашего прошлогоднего счастья безуспешно. Пансионат встречает нас полным безлюдьем. Даже на скамье, где постоянно сидел охранник, сегодня никого нет. Развалины ремонтируемого здания и через год остались развалинами. Также сквозь свечи кипарисов видна крыша княжьего дворца-столовой. Прошедший год не принес в эту точку на карте никаких изменений. То же самое и с позапрошлогодним нашим пристанищем в этом месте – пансионатом «Парус». Его покоробленная временем и ржавчиной вывеска на крыше начинает, честное слово, уже раздражать! От всего увиденного возникает мысль о том, как же мы этих неприятных моментов не замечали ранее. А что в этом странного? Мы тогда были, просто, опьянены своим счастьем! И все вокруг нам казалось самым прекрасным на свете...

Ласточкино гнездо в этот раз для нас только через окна пронсящегося мимо автомобиля и, наконец, вот она Алупка! Какими словами возможно выразить те чувства, которые меня охватывают, видя всю эту красоту спустя ровно год! Правильно! Нет таких слов! И не появиться таковым никогда! Невозможно словами описать ту щемящую любовь и нежность, гордость и себялюбие, уверенность в своих силах, клокощущее стремление притронуться ко всему этому руками, телом и душой, просто запомнить и взять навсегда с собой при виде этих гор, сосен, неба и, скрывающегося за бесчисленными поворотами, притягивающего более, чем огромный магнит влечет к себе самый маленький гвоздик, Моря.

...По пути, не очень желая отрывать взгляд от созерцания красоты, проплывающей перед нами, делаем остановки, узнавая о местах возможного нашего дальнейшего проживания

*ния. Ничего интересного! Красота окружающих мест ничуть не влияет на уровень предлагаемых услуг: в частном секторе по нашим средствам все убого и отталкивающее. Останавливаться же в любом из многочисленных здесь санаториев или пансионатов нам не хочется. Нет, не из-за денег. Просто эти затраты даже ни на один сладкий сон не оправдывают реальное положение здесь вещей. Но, главное, нам порядком надоело во время отдыха быть привязанными, в прямом смысле слова, к установленному в таких местах расписанию, из-за которого все напоминает казарменное положение.*

*Бросаем на стоянке напротив винного завода автомобиль и буквально врываемся в этот, ставший за последние годы только нашим, парк у Воронцовского дворца! В первые минуты кажется, что невозможно надыхаться этим воздухом и впитать каждой клеточкой своего тела эту красоту! Но все это длится только первые минуты нашего здесь очередного пребывания. Срабатывает память и уже совсем скоро все воспринимается как родное и как такое, что уже не покидалось никогда. Это может показаться странным, но я вспоминаю (и не ошибаюсь), что за очередным поворотом дорожки будет скамья, у которой вырвана одна рейка. Так и есть! За прошедший год в этом месте тоже ничего не изменилось! Только увеличилось количество лебедей в пруду, в котором, в свою очередь, оранжевыми искорками стали сверкать золотые караси.*

*Посещение кафе и попытки прожевать пельмени с грибами «ознаменовались» для меня новым приступом острой зубной боли. Стараюсь загасить ее холодным пивом. Не помогает... Стараюсь не обращать внимания на больное место, но все мои усилия безуспешны. В итоге, радость от встречи с самым любимым местом на Земле омрачена и сглажена для меня до уровня обыденной прогулки... С большим трудом поддерживаю радость жены и сына. Это трудно, но крайне необходимо. Не хватало, чтобы еще и у них испортилось настроение!*

*Сразу за первым поворотом от дворца совершенно неожиданно в автомобиле разваливается выхлопная труба. Причем в самом ее начале, у двигателя, из-за чего автомобиль начинает издавать рокот тяжелого танка. Кое-как, стараясь не привлекать внимания окружающих своей минимально возможной скоростью, дотягиваю до Ливадиш, где запомнил вывеску автомастерской. На короткое время забываю о больном зубе. Но только на время ремонта. С наступившей под днищем автомобиля тишиной после произведенных сварочных и слесарских работ усиливается боль в голове.*

*Но мы продолжаем, несмотря ни на что, свое путешествие и еще через несколько минут останавливаемся на переполненной стоянке перед Ялтинским зоопарком! Причина резкого, по сравнению с прошлым годом, подорожания билетов, вскоре становится понятной: зоопарк-то разросся! И еще как! Вместе с выросшей численностью его жителей почти вдвое выросла и территория. Красота! Особенно от вида нового загона с нашим любимым Гошей, двугорбым верблюдом, который и спустя год узнает наши голоса и, бросив своих сиюминутных почитателей, бежит сломя голову на длинной шее к нам на встречу! И совсем не зря: совсем скоро все наши съестные припасы, оказываются вначале в его бархатных губах, а затем и глубже. Гоша сопит у нас за спиной, желая получить добавку. А мы сидим на скамейке, едим мороженое и любимся открывающимся отсюда видом. Перед нами огромная гора. Глядя на эту стену, вертикально вздымающуюся вверх, кажется, что это и есть конец мира, и дальше уже ничего нет. Сейчас она кажется еще более высокой, ведь ее вершина скрылась в обрывах облаков. Чистота воздуха такова, что на ее склоне отчетливо видны стволы отдельных сосен. Контрастность зрелища великолепна! Еще немного, и может показаться, что начнешь видеть сквозь все предметы!*

*Медитируя перед горным склоном, отмечаю, что мимо меня медленно проходит с девушкой под руку мой знакомый из самого детства! Он так увлечен беседой, что совершенно не смотрит по сторонам и в мою – тоже. Одно мгновение нас разделяет, каких ни будь, десять сантиметров! Он старше меня на год и ему уже сорок. С Юркой Харагирло мы ходили в один*

*детский сад! Затем в разные школы, но продолжали встречаться в одном дворе заводского квартала. Что-то, совершенно непонятное, удерживает меня от того, чтобы окликнуть его. Я только провожаю его взглядом и мысленно радуюсь его успехам. Его внешний респектабельный вид, а, главное, осанка его спутницы, свидетельствуют в полной мере о том, что у него в жизни сложилось все хорошо. Да, я понял! Именно его внешний вид, увлеченность своей подругой и пропасть прошедшего с последней встречи времени между нами не позволили потревожить его. То, что он сейчас переживал и чувствовал, наверняка, было бы омрачено неосуществленным воспоминанием, вызванным моим внезапным появлением. Все то, что нас когда-то объединяло, безвозвратно ушло и растворилось в бездне времени. Мы остались друг для друга лишь смутным воспоминанием из нашего детства, и не более того...*

*Не переставая восхищаться масштабами наступивших в этом, единственном на всем полуострове процветающем месте, изменений, с трудом завершаем обход зверинца, и направляемся в самую Ялту. Татьяна не может пропустить возможность продефилировать по местной набережной. Еще мы не можем не посетить кафе «У Максима». Не можем не обратить внимание на уличную выставку картин. Не можем не купить Антону очередную игрушку, не покатать сыночка на карусели и, просто, поглазеть на это людское море, демонстрирующее редкие, острые приступы богатства, а чаще – нищеты и прозябания. Здесь точно все как в сказке о несмеяне-царевне все того же Афанасьева: «Как подумаешь, куда велик божий свет! Живут в нем люди богатые и бедные, и всем им просторно, и всех их призывает и рассуждает господь. Живут роскошные – и празднуют, живут горемычные – и трудятся; каждому своя доля!». Поэтому мне нравится здесь бывать единожды в году. И одновременно – нет...*

*Возвращаемся затемно. Я вновь не спешу. Даю возможность сам себе переварить все увиденное, отсортировать, чтобы постараться самое основное навсегда оставить в своей памяти. Каждый год я убеждаю себя в том, что именно от моих осознанных усилий моя память способна сработать в полную меру. Этим приятно заниматься, перебирая и перебирая все самые мельчайшие детали путешествия.*

*Проехав Рыбачье, в этот поздний час ничуть не ставшего менее многолюдным, медленно, порой и на второй передаче, взбираюсь вверх на гору. Вспоминаю, как шесть лет тому назад удивлялся настойчивости автомобилистов, итурмующих этот подъем. Тогда свет фар автомобилей в ночи упирался в самое небо под немислимыми углами, отчего казалось, что там совершается вождение по вертикали! Продолжаю гордиться своим водительским мастерством, позволяющим при желании, не то что эту гору преодолеть, а несколько раз за один день, как это бывало в прошлые годы, взлетать на самую Ай-Петри!*

*От приятных воспоминаний отвлекает появившееся в свете фар рыжее пятно. Правая нога соскакивает с педали газа. Автомобиль задержался на подъеме и замер. Татьяна пристально смотрит на меня.*

*– Вон там снова лиса! Смотри!*

*– Ты остановился, чтобы как в прошлом году на Ай-Петри не задавить ее?*

*– Не знаю... Сейчас поедем...*

*Не отрывая своего взгляда от того места, где в темноте растворилась рыжая бестия, пытаюсь завести двигатель. У меня ничего не выходит! Впервые за несколько лет дизельное сердце моего автомобиля отказывается подчиняться моей воле! Настойчиво, раз за разом, не обращая внимания на угасающий аккумуляторный запал, продолжаю бесчисленные и, пока безуспешные, попытки. Уже когда кажется, что пора пытаться развернуться и ехать обратно с горы накатом, двигатель как бы нехотя оживает и после нескольких прогазовок на слух демонстрирует свою полную мощь. Не жалея двигателя, разгоняюсь на крутом подъеме. Сколько не всматриваюсь, ничего кроме дороги не могу рассмотреть. Мелькнувшая*

несколько минут тому назад лиса бесследно исчезла. «Ну, и Бог с ней! Зачем мне ее обязательно видеть?».

Последние звуки этой мысли стремительно превращаются в дикую зубную боль. Я буквально разрываюсь на части этой болью и, кажется, сейчас умру! Мой мозг не выдержит! Даже начинаю постанывать. Так, вроде, легче. Но всего лишь на минуту. Эта боль все усиливается! То, что еще мгновение тому назад казалось ее вершиной, через секунду уже расценивается избавлением... Я не могу это перенести. От боли я вдавливаю педаль в полк и несусь с горы с бешеной скоростью! В салон врывается запах паленых тормозных колодок. С трудом, сквозь боль понимаю, что я в автомобиле не один. Снова еду адекватно дорожным условиям. И так более сотни километров горной дороги! Уже у самого Морского вспоминаю том, что когда-то в детстве полоскал больные зубы морской водой. И мысль об этом народном средстве приходит в голову именно на нашем с Татьяной пляже. Останавливаюсь именно на том месте, что и в последнюю нашу ночь. Без фонаря бегу на берег и, не закатывая брюки, прямо в шлепанцах захожу с банкой в море. Вначале наклоняюсь и как животное набираю полный рот соленой жидкости. Полощу рот. От прохладной воды боль постепенно отступает! Набираю полную бутылку морской воды. Медленно выхожу на берег. От радости последней в этом месте ночи нет и следа... Ничего приятного даже не зашевелилось в моей груди. Ничего... Все поглотила боль. И растворила все приятные мысли без осадка. Шагаю по гальке. Понимаю, что находимся в пяти минутах от нашего места ночлега и совершенно не тороплюсь. Непонятное ощущение притяжения к этому месту словно держит меня...

Вырываемся из последнего перед домом Яши поворота дороги. В ярком свете видим, как при нашем появлении перед дверью нашей комнаты на втором этаже начинают бегать бесчисленные незнакомые люди. У Татьяны вырываются первые слова за этот вечер:

– Яша нашел клиентов на второй этаж!

– Ну и что? – скрегоча сжатой от боли челюстью, успокаиваю я жену.

Тон, с которым она произнесла свои слова, не предвещал ни мне, ни новеньким поселенцам ничего хорошего. – Веселее будет! – «радуюсь» я не в силах пересчитать состоявшихся без нас соседей.

Остановившись уже у ворот, замечаем, как с нашей (!) бельевой веревки незнакомцы и незнакомки дружененько суетливо сдирают свои многочисленные купальники, полотенца и весть, что еще. Татьяна издает стон отчаяния и выбегает из автомобиля...

Пока мы добирались со спящим Антоном на моем плече до дверей своей комнаты, там все изменилось. На втором этаже нас встретило полное безлюдье и стопка купальников с полотенцами на столе еще минуту назад висевших на нашей веревке. Уложив Антона в постель, Татьяна осталась со мной. Со всей возможной тщательностью, на которую только был способен, стоя у умывальника, я начал полоскать больной зуб. Точнее сказать, я не ощущал боли какого-то конкретного зуба. У меня во рту болела вся левая сторона. Болело вверху и внизу. Все сразу и очень сильно.

Несмотря на это меня и Татьяну разбирал смех. Всего за один день наше положение изменилось кардинальным образом. Мы вдвоем пересчитали горы обуви перед дверями на нашем этаже. Пристипа смеха мы не могли сдержать: рядом с нами в одно мгновение стало проживать еще девять человек! Так и есть! Наши кухонные принадлежности тоже без стеснения уже ютятся на самом краешке стола. В холодильнике не осталось места даже для одного-единственного пакета молока для сына! А как нам всем быть утром перед одноконфорочной газовой плитой!?

Я продолжаю молча полоскать рот. Сильная струя отработанной морской воды из моего рта раз за разом резким звуком режет эмалированную сталь умывальника. Жена не обращает никакого внимания на издаваемый мною шум. Она занята самобичеванием. Татьяна почти шепотом прокликает ту минуту, когда послушала меня, и мы остались в

Морском «у этого Яши». Еще обещает завтра же утром бросить все и немедленно переехать в новое место.

За нашими спинами раздалось легкое покашливание. Это был Яша на тактичный призыв которого мы и оглянулись.

– Пойдем, Володя, по винцу ударим!

Лицо Якова излучало предельную доброту и преданность.

– ... Мы там с немцами сидим, разговариваем... Вы так поздно, что я уже думал, что вы сегодня не вернетесь... Идем?

– Нет, спасибо, Яша... У меня сильно зуб разболелся... Вынужден, вот полоскать. Видишь, сколько у меня своего вина, белого только! – я приподнял пятилитровый бутыль с морской водой.

– Правильно-правильно делаешь! Я тоже, когда зуб разболится, морской водой полощу... Ну, ладно, я тогда пошел, не буду вам мешать...

Невысокая фигура хозяина почти скрылась на лестнице. Яков остановился, задрал голову кверху и сказал:

– Вино, ну очень вкусное! Может, передумаешь? И добавил, как бы извиняясь:

– Тут без вас еще девять человек поселилось... Из Донецка... Вы уж...

Как ни будь...

– В тесноте, да не в обиде! – прошепелявил я вслед окончательно скрившемуся внизу Якову пришедшую в голову цитату из детской сказки.

Татьяна безостановочно возмущается сложившимся у нас положением и призывает меня к стремительному бегству из этой «коммунальной квартиры». Я только делаю вид, что слушаю ее слова. Сам я в эти минуты думал о другом: откуда на меня обрушилось это испытание болью...

– ... У нас же маленький ребенок! Чтобы сварить ему кашку, я что, должна очередь перед плитой выстаивать!?

– Успокойся...

– А чтобы в душ попасть, сколько мне в очереди надо будет выстоять!?

– Не надо Таня...

– Ты только посчитай: у нас на этаже тринадцать, да на первом столько же! Это не отдых получается, а черти что!

– Яша же нас предупреждал! Откуда мы могли знать, что он такой удачливый и уже на следующий день нашего здесь пребывания он полностью наполнит свои мощности...

– Не успокаивай меня! Ты только представь, что это будет!

– Но ты же никогда не жила в коммуналке? Вот и поживешь, – пытался я перевести нашу «беседу» в шутливый тон.

– Завтра же съезжаем! Подъем, когда проснешься и вперед!

– Во сколько тебя разбудить? Я, наверное, и не усну совсем...

– Да, хоть в пять! Мне все равно! Только бы не видеть всего этого...

В одной из комнат с новенькими пронзительно заскрипела кровать. Я приложил к губам указательный палец.

Морская вода в банке закончилась только через час. Зубы так и продолжали болеть. Сколько их болело у меня на самом деле, я так тогда и не сосчитал. Мне казалось, что болела их добрая половина. И даже после того, как я принял лежачее положение на своей кровати...

Дождавшись, пока Татьяна уснула, я встал и, открыв окно, по пояс высунулся навстречу ветру. Дуло с гор в сторону моря. В дворике, где мы вчера ели куриный шашлык и беседовали с нашими новыми знакомыми были слышны голоса. Говоривших почти не было видно, да и голосов было не разобрать. Честно признаться, я пытался это сделать, чтобы забыться от боли, но так и не смог. Еще через час и там все стихло. Как было видно по рас-

*ходящимся из двора, сегодня Яша беседовал с постояльцами с первого этажа. Почему-то, под недопитую нами вчера нашу вторую бутылку пива, мелькающую сейчас в его руке...*

*В последний раз чья-то дверь на первом этаже хлопнула только в половине второго ночи... В нашем дворе наступила полная тишина. Если не считать за звуки непрерывный скулеж привязанного где-то за Яшиным гаражом дворового пса с классической кличкой Шарик.*

*Чтобы переждать стоя у окна, боль более комфортно, мне пришлось вставить в оконные рамы по книжке. Только после этой операции, я уже не должен был постоянно ловить убегающие в сторону очередного порыва ветра, так и норовящиеся разбиться при очередном дуновении, рамы и форточку. Не в силах отвлечься от боли, я приказал себе изучать открывающиеся из окна ночные окрестности. Это стало непростым делом, так как ничего привлекательного для моего больного внимания там не было. Сразу под моим окном – ухоженный розарий. Я затрудняюсь сразу определить, сколько же сортов роз здесь высажено трудолюбивыми руками хозяев. Но все они кустовые или вьющиеся, я не знаю, как правильно назвать эти пирамиды разноцветных гроздьев, от снежно белого, до темно-пурпурного, минуя все оттенки желтого, розового и красного цветов. В самом центре прямоугольной клумбы еще совсем маленькая пальма. Из тех, что в многочисленности украшает скверы и парки Южного берега. Ее нерешительные стрелки листьев спрятаны пока среди розового великолепия. Слева от меня – пылящаяся под колесами поздних автомобилей, дорога; прямо, сколько хватало глаз, уходящие в горы – огоньки бесчисленных домов и уличных фонарей. Прямо передо мною, как на ладони, были похожие друг на друга два дома, в которых уже все давно спали. По количеству сушившихся на бесчисленных веревках, развешанных в самых неподходящих для этого, и даже прямо по виноградным побегам, местах, вещей для моря, было件件но, что и там тоже нет ни одного свободного места.*

*Звуковое поле ночного поселка составляло дребезжание редко проезжающих автомобилей да лай далеких и близких собак. Скорее от отчаянья, чем желая сменить положение своего тела, я упал на свою миниатюрную койку и что было сил схватил большими зубами за ее деревянную спинку, вкус которой сразу показался мне каким-то странным, чуть-чуть сладковатым...*

## Глава II

Старый, выработанный до глубины грунтовых вод, гранитный карьер для всех проезжающих в этом месте по автотрассе ровно за сто три километра от столицы скрывал густой, непроницаемый для взглядов лес, который казался совершенно безлюдным.

Только самый внимательный из попавших сюда грибников мог этим, одним из последних из погожих в уходящем году, ясным осенним днем заметить легкий голубоватый дымок, струившийся на фоне темных крон дальних сосен, что росли за легким, уже слегка желтеющим березняком, начинающимся у самой дороги.

Там, в глубине леса, у рукотворной гигантской чаши, наполненной кристально-чистой родниковой водой, только что начала приготовления к воскресному отдыху на природе одна семья. Место для отдыха этими тремя людьми было выбрано изумительное! Среди расстувившейся лесной чащи в солнечных лучах грелась свежее-зеленой, еще не тронутой первыми заморозками травой широкая поляна, края которой обрывались у многометрового, отвесного обрыва, искрившегося в солнечных лучах гранитными серебристыми блестками.

Шум недалекого автомобильного потока в этом месте полностью растворился в лесных звуках, главным из которых было нестройное и многоголосое пение птиц. Еще в высоких сосновых ветвях был слышен тихий шепот хвоинок с редкими и не сильными порывами ветра.

Собрав дрова и разведя огонь, отец с сыном оставили свою единственную женщину готовить что-то вкусненькое на уже расстеленную у ее ног для этой цели скатерть. С этого места,

кроме треска разгорающегося костра, сейчас был слышен перезвон посуды и хруст разматываемой оберточной бумаги.

Пока глава семейства готовил к работе рыболовные снасти, мальчишка, лет восьми, подошел к краю обрыва. От поверхности воды его отделяло метров двадцать. Взглянув первый раз себе под ноги, мальчик отшатнулся от страха перед высотой. Но, пересилив свои первые эмоции, он тут же посмотрел вниз во второй раз.

Солнце, в эти предобеденные часы, стояло довольно высоко и его лучи упирались почти отвесно в водную гладь. Было заметно, что мальчик чем-то крайне заинтересовался и для того, чтобы лучше рассмотреть это, пренебрегая страхом перед высотой, даже наклонился над гребнем отвесной стены:

– Папа! Папочка! Иди быстрее сюда! – зазвенел над поляной взволнованный детский голос, еще несколько мгновений спустя отражавшийся от каменных стен звуком колокольчика.

– Уже иду, сынок! – откликнулся отец. – Только вторую удочку для тебя соберу и иду!

– Ну, же! Быстрее! Я что-то вижу! Там в воде что-то есть! – продолжал звать детский голос.

Мужчина нехотя оставил на земле так и не настроенное удилище, и без особого желания медленно пошел к звавшему его сыну.

– Что ты там увидел?

– Посмотри, папа! Там, внизу, на дне что-то похожее на машину! – тыкал пальчиком себе под ноги, почти в центр водной поверхности, мальчишка.

На солнечный диск в это самое время набежало легкое облачко, тень которого вмиг легла на поверхность воды, одновременно по которой порыв ветра погнал от берега к берегу мелкую рябь.

– Где ты ее видишь? – с сожалением махнул рукой отец мальчика. – Откуда там взяться машине... Тебе показалось! В этом месте, знаешь какая глубина? Пойдем лучше, поможешь мне доделать твою удочку! Пора уже ловить рыбу для ухи...

– Да, нет же, я видел ее, папа! Она большая и темная такая! – настаивал мальчик.

– Идем, не выдумывай! – взял за руку сына отец.

Мальчик, по видимому, окончательно поверил словам отца и забыл о том, что увидел на дне озера сразу же после первой, выловленной им, крупной плотвы...

А вскоре, в это самое место стали съезжаться новые и новые туристы. От автомобилей, на, казавшейся недавно огромной, поляне стало тесно, а над озером к самому первому прибавилось еще несколько столбиков дыма от разложенных костров...

\*\*\*\*

Вот и закончилось еще одно лето. Обыкновенное и, одновременно, аномальное в сравнении с несколькими прошлыми.

В этом году жара под сорок сменялась дождями и пронизывающим холодом несколько раз за эти три календарных месяца. Было очень трудно угадать удачное по погоде время не только для отпуска, но и даже для обыкновенно-рядовой, однодневной рыбалки.

Часто прекрасное и солнечное утро уже после обеда сменялось низкой облачностью и порывистым ветром, который в считанные минуты превращал все вокруг в стопроцентную влажность. И, бывало, наоборот. Казалось, то-то осень еще покажет...

Изменениями в природе, за редким исключением, Петр Хохряков совершенно не интересовался. Он механически только замечал, что под сводом небесным всходит и заходит светило, или что уже похолодало до самых заморозков, в связи, с чем ему необходимо начинать пользоваться системой холодного запуска автомобиля.

А еще, совсем скоро ему придется потратить немного времени и зайти в магазин одежды для приобретения головного убора. То, что он с успехом преодолевал две прошлые зимы, в этом году становилось экстремальным и, довольно, опасным занятием.

В подтверждение правильности этого глубокого и, по его мнению, совершенно взрослого решения, оставались до сих пор с прошлой весны неубранными с полочки на его кухне разноцветные коробочки и пузырьки, в основном импортных лекарств, которыми он залечивал последнюю свою простуду.

И все из-за того, что он модничал и не носил головной убор всю зиму с первого и до последнего дня! То, что ему казалось вершиной и подтверждением крепости его природного, заложенного родителями, здоровья, в один день, а именно девятого марта прошлого года, превратилось в испепеляющий все его тело жар и зубодробительную лихорадку, от которой он не мог найти спасения под всеми своими одеялами.

Как он был тогда благодарен старой своей давней, но так и не востребованной по настоящему, подружке Лариске Крупской, случайно позвонившей ему утром после бессонно проведенной им в полубреду без жаропонижающего бесконечно-темной ночи! Хотя он ее ни о чем и не попросил.

Лариска потом ему рассказывала, что догадалась обо всем по его затухающему голосу. Домчавшись из другого конца города за двадцать минут на самом дорогом «Такси-Блюз», она ворвалась в его, на ее удивление, не загаженную холостяцким бытом до предела квартиру как вихрь, попутно сметая в мусорное ведро все, по ее мнению, не нужное и вредное для тяжело больного.

Еще она загрузила под самую завязку посудомоечную машину и тут же рванула в ближайшую дежурную аптеку за антибиотиками и прочей аптечной нужностью...

Познакомился Хохряков с Ларисой на застолье у своих знакомых, отмечавших удачно проведенную коммерческую операцию, с которой он лично соприкоснулся всего лишь участием в нескольких ходах с грузом за рулем арендованного «МАЗа»<sup>1</sup>.

От повода отмечаемого за столом, как и Крупская, он был далек, поэтому очень быстро, всего за время нескольких фраз сошелся с этой, с бесиками в глазах, девушкой.

Вначале, просто, от нечего делать. Но уже через час Петра потянуло с огромной силой к ней... под юбку. В переносном, конечно, смысле до некоторых пор. Лариса в начале показалась Хохрякову даже идеалом целомудренности, о чем он уже, впрочем, не помнил на следующее утро.

Ее распущенные длинные, немного вьющиеся и ниже плеч русые волосы разбудили тогда в нем небывалый трепет! Ощущение прикосновения своих рук к этим, неземной нежности, волосам еще долго оставалось на его ладонях и всегда вспыхивало с новой силой при ее появлении рядом.

Петр часто задумывался о том, почему поступает так, по-мужски нечестно, с этой девушкой, влюбленной в него по уши и, в основном, как она говорила, за то, что он так ласково гладит ее по голове, отчего она забывает, одета она в те мгновения или нет...

Петр никогда не спрашивал у Ларисы о том, сколько ей лет. Для себя он определил, что она старше его «всего на несколько». На эту возрастную разницу с очередной подружкой он не обращал внимания впервые в своей жизни и только потому, что близость с Крупской приносила ему новизну в его ощущения своей мужской силы.

Лариса была отчаянно смелой с их первых минут знакомства, и уже к концу первой недели их, ставшими на удивление для Петра, регулярных встреч, он не представлял себе, что к себе в постель сможет в будущем допустить, как ранее флегматичных, холодных или, вообще, фригидных. Он удивлялся своей прошлой неразборчивости и был зол на себя за то, что до

---

<sup>1</sup> МАЗ – грузовой автомобиль производства Минского автомобильного завода

своих полных двадцати шести лет еще не знал всего того, что может дать настоящая женщина. Такая, как его Лариска Крупская.

Особенно ему нравилось брать ее с собой в дальние командировки. Вот тогда Крупская действительно становилась, как говорила она сама, настоящей гетерой!<sup>2</sup> И ничуть не обижалась, когда он, упрекая ее в порыве невесты откуда нахлынувшей ревности, твердил, что те гречанки были далеко не только служительницами культа. Казалось, в тех сумасшедших командировках их непрерывным и продолжительным остановкам на обочинах не будет конца!

Петр тогда не успевал благодарить Создателя за их встречу и еще за Ларискины задор и выдумку, от которых, то их ноги были в волдырях от ожогов крапивы, то все тело, и даже больше, зудело от комариных визитов.

Еще Петру нравилось подолгу гладить свободной от работы рукой ее волосы, когда она укладывалась и засыпала у него на коленях, положив голову под руль. Он тогда, продолжая управлять автомобилем, очень осторожно прикасался и к рулевому колесу, и к кулисе переключения скоростей, чтобы, не дай Бог, не зацепить своим неосторожным движением ее распущенные, чуть выющиеся локоны...

Размышляя о превратностях судьбы, Петр был твердо уверен в том, что если бы не его очередная встреча с Ольгой, тоже со всей силой и всевозможным разнообразием продемонстрировавшей свои женские чары, он бы навсегда прирос к Крупской. Только за одно то, что эта женщина научила любить и ласкать все свое женское тело без остатка. И еще за то, что Петр именно рядом с ней узнал о том секретном месте, целуя которое, от женщины становилось возможным добиться всего, что угодно!

Да... Петр точно бы связал с Крупской свою жизнь. И даже, не смотря на их разницу в возрасте. Но, как говорится, так, уж, бывает...

Сейчас, большая часть из приобретенных тогда, остававшейся до сих пор ему подругой, Крупской и недоиспользованных им лекарств, перевезенных в новое место обитания, начала напоминать Петру о том, что ему все-таки придется в эту зиму носить на своей, всегда коротко стриженной головенке хоть что-нибудь из предлагаемого бесчисленными городскими магазинами, рынками и бутиками длинного ряда модных и не очень головных уборов.

Петр вел, как он сам считал, нормальный и совершенно не вызывающий образ жизни. Не бросающийся своей экстравагантностью никому в глаза. Спокойный для ближайшего физического окружения. Не напрягающий нервы у его многочисленных соседей по этажу. И считал, что, продолжая своим поведением радовать хозяйку квартиры, которой, вот уже, чуть более полугода, пользовался на правах квартиранта с подобающими для такого случая прилежностью и домовитостью, он продлевает годы жизни не только у окружающих его людей, но, в первую очередь, и у себя самого.

Иногда ему казалось, что он даже перебарщивает в проявлениях своей правильности! Последние его свидания с Тамарой Григорьевной, исправно приходившей для получения платы за жилье, демонстрировали ее крайнее раздражение сохраняющимся идеальным порядком в остающейся ее собственностью квартире. Более всего ее волновали туфли, вот уже несколько месяцев стоящие своими носками в одну и ту же сторону на расстоянии ладони от тумбочки в прихожей и шизофренический, по ее мнению, порядок на кухне, включая внутренность холодильника. А Петру совсем было не трудно все это поддерживать и лишь слегка подправлять перед такими, легко прогнозируемыми ежемесячными встречами.

Вначале их знакомства такой порядок нравился всем без исключения. Часто, когда он не спеша, закрывал входную дверь за хозяйкой, ошарашенной очередной сто долларовой

---

<sup>2</sup> Гетера – (от греч. hetaira – подруга, любовница), в Древней Греции образованная незамужняя женщина, ведущая независимый образ жизни; позднее гетерами назывались также проститутки. Советский энциклопедический словарь, Москва, «Советская энциклопедия», 1983 г.

купюрой, было слышно, как она делится с сопровождающими ее всегда в таких случаях родственниками своим впечатлением о «таком примерном квартиранте».

Петр всегда улыбался подслушанному и продолжал старательно радовать Тамару Григорьевну, отлично понимая, что у нее остаются ключи от квартиры и что она всегда может заявиться к нему без предупреждения «за случайно забытыми вещичками».

Но по прошествию шести месяцев это уже продолжало радовать только одного его. Хозяйку квартиры это все сильнее раздражало, отчего она все, более не стесняясь, старалась заглянуть при встрече своему постояльцу в глаза, чтобы увидеть там подтверждение своих самых ужасных догадок о состоянии его психического здоровья.

Петр Хохряков был иногородним. По настоящему. И даже, остающейся по прежнему на своем месте, соответствующей записью в штампе о прописке в своем гражданском паспорте. Хотя это обстоятельство его не волновало, например, так, как многих с кем он был знаком и кого во множестве видел за окном своего рабочего места, он тоже был безмерно рад, когда по радио слышал об изменениях в Административном Кодексе <sup>3</sup> на этот счет.

Своей пунктуальности Петр иногда удивлялся сам. Как и сегодня, когда его отдохнувший за спокойную ночь взгляд уткнулся в циферблат будильника. Сейчас он подумал об этих «умных» часах как о совершенно ненужной вещи в его очередном временном доме. Он, как не старался, не мог вспомнить момент последнего их звучания рядом со своей постелью. Он всегда просыпался еще до их сигнала.

Еще раздражало и то, что он спокойно мог сейчас продолжать спать. Теперь, когда он не в состоянии, наверняка, уже был уснуть, ему предстояло найти занятие на этот появившийся сегодня лишний, подаренный бессонницей, час.

Не долго думая, Петр решил мысленно перебрать свои обязанности по своему основному месту работы. Для того чтобы убедиться в том, что его начальник должен им гордиться, Петру хватило и десяти минут. Это у него, кстати, не в первый раз получалось, благодаря заведенной им системе учета, когда он регулярно, после каждого сервисного обслуживания или ремонта старательно заполнял придуманные им же графы в специально заведенной тетрадке. По прошествию некоторого времени ему, как ответственному за техническое состояние автомобиля, никакого труда не составляло отвечать на любые вопросы а, главное, поддерживать, причем очень экономно, свое рабочее место в исправном и безопасном состоянии. Убедившись, что с управляемым им автомобилем все в порядке и следующее его заглядывание под капот и глубже должно состояться не ранее, чем через семь с половиной тысяч километров пробега, Петр переключился на другое.

Следующие полчаса Хохряков раздумывал о своей второй, тщательно скрываемой от шефа, работе. Точнее, о том, как именно он сможет увеличить свой доход. Раздумывать на эту тему ему тоже понадобилось всего несколько минут, поскольку об этом он думал уже не раз и кроме старого решения в голову сейчас ничего не приходило. Как и ранее, этим утром Петр считал, что успех в этом деле для него не регулируем извне, в том числе, и им самим, а все зависит от воли случая.

Еще в оставшееся время он вскользь подумал о своей последней пассии. Если честно, он не знал даже имени девушки, а ему была известна только фамилия. И то, которую узнал совершенно случайно, подслушав, когда повстречал эту девушку у места ее работы.

Он стоял тогда по поручению Сергея Сергеевича у крыльца банка в ожидании выноса, как он догадывался, криминально обналиченных денег и случайно услышал, как расстающиеся подруги прощались: «Пока, Трофимова! Пока Кольцова!». Что-то шевельнулось у него в груди

---

<sup>3</sup> С 2000 года в Кодексе об административных правонарушениях Украины отменена административная ответственность за проживание в ином населенном пункте и без прописки.

при виде незнакомки. Пренебрегая исполнением поручения и скорым свиданием с Ольгой, он тогда умудрился узнать ее номер домашнего телефона!

Сейчас, в этот утренний час, он был в нерешительности и не знал, выполнять ли обещанное этой девушке с красивой фамилией Кольцова еще на прошлой неделе или нет. Точнее, ему было необходимо только перезвонить и договориться о месте и времени их свидания. Нерешительность усиливалась оттого, что время его звонка затягивалось, и он уже начинал думать, что звонить стало вообще поздно.

Так или иначе, время раздумий закончилось, и все начиналось сначала. Подъем, легкая зарядка, завершающаяся пробежкой в лес, водные процедуры, завтрак и дорога пешком в гараж, где стоял его, точнее чужой, но тот, которым он управлял и за которым следил по доверенности, автомобиль.

По точно такому расписанию Петр Хохряков жил последние год с небольшим. С одной небольшой разницей: ранее первая его квартира находилась от гаража намного дальше, что вносило свои, определенные временем пути на работу и домой, неудобства.

Почти год именно с того момента, когда в Богом забытом его городишке случайно не оказался его теперешний шеф – Сергей Сергеевич Колиушко. Видимо, пытаясь расширить спектр своего бизнеса, Сергей Сергеевич заехал по совету своего друга в городок Коростышев и задержался в нем на несколько часов по причине поломки своего автомобиля. Тогда у него была «Субару»<sup>4</sup> в которой отказало сцепление. Для такого нового автомобиля это была, на удивление, редкая поломка.

Сразу после обращения за помощью начальник единственной в том городке станции технического обслуживания только развел от беспомощности руками. Но затем на сцену случайно вышел он – Петр Хохряков.

От нечего делать в этом захолустье, Петр регулярно почитывал новости автомобилестроения и автосервиса в Интернете, одновременно вызывая неописуемые радость и трепет от своей инициативности «подежурить в очередной раз» со стороны директора автостанции.

Именно во время этих дежурств он и постигал тонкости устройства современных автомобилей, эксплуатируя неизвестно для каких целей подключенную его директором, линию «глобальной электронной сети». Компьютер стоял в досягаемом для дежурных месте и все ночи напролет Петр, обложившись английскими и немецкими словарями, зависал на сайтах ведущих автомобилестроительных компаний.

Об этом своем увлечении Петр умалчивал и когда его, уставшего и с покрасневшими глазами, утром заставали за раскалившимся монитором, только скромно улыбался и отшучивался тем, что действительно «так и не смог за всю прошедшую ночь подсмотреть порнушку».

Дела на автостанции, располагающейся у самой трассы, в прошлом союзного значения, шли неплохо и поэтому мелочными расходами пользования Интернетом, Петр никого не ущемлял.

Еще он несколько раз, совершенно безуспешно, направлял свое краткое резюме с предложением устроиться на работу в республиканские журналы и газеты. Но никогда еще его «знание английского со словарем» так никого и не привлекло...

В тот звездный для Петра день он случайно услышал завершающую фразу своего директора:

– ...Извините, но в связи с новизной для нас вашего автомобиля, мы вам ничем помочь не можем. Подходящая база ремонтная у нас отсутствует. Попробуйте добраться до столицы...

Петру стало интересно, что именно его директор так величает, и решил взглянуть на уже опускаемое автоподъемником детище японских конструкторов.

---

<sup>4</sup> «Субару» – японская фирма-производитель автомобилей

То, что он увидел вовсе не было никакой особенной «новизной». Это была позапрошлогодняя модель, внутреннее устройство которой являлось в точности повторением базовой. Ничего сложного в устройстве этого автомобиля он не видел и потому, от нечего делать, решил подойти поближе к директору и напроситься на работу.

Сдержанное «добро» его старого руководителя ничего приятного в последующем ему не сулило и было высказано лишь потому, что их разговор был хорошо слышен потенциальным клиентам. Продолжая улыбаться в их сторону, директор с фальшивой улыбкой на лице лишь промямлил:

– Наш молодой специалист попробует вам помочь, за что мы постараемся не нести ответственности...

Такое поведение Петиного руководителя было адекватно оценено Сергеем Сергеевичем. Так назвал себя этот мощного вида мужчина с одной, не поддающейся описанию в своем внешнем облике деталью. Внимание окружающих не так привлекали его бугрообразные мышцы, выпирающие даже из-под отлично скроенного костюма, как обезображенное сильным ожогом лицо. Полное отсутствие ресниц и бровей над растянутым в стороны остатком носа и, еще ниже, нереально широкие, но не закрывающие до конца зубы, губы, делало это багрово-красное лицо ужасной маской. До такой степени отталкивающей, что Петру в первые минуты знакомства с этим человеком, показалось, что это и на самом деле, временная накладка из папье-маше или гуттаперчи...

После того, как водитель «Субару» доложил об отличных результатах ремонта, Колиушко отозвал Петра в сторонку и на самое ухо сказал:

– Молодой человек, а не хотели бы вы оторваться от своего места и перейти работать ко мне?

Прозвучавший на самое ухо голос лишь на короткое одно-единственное мгновение показался Хохрякову уже когда-то слышанным...

Еще этот человек с обезображенным лицом как-то необычно нежно и тщательно обхлопал туловище, грудь, живот и всю спину у Петра. Хохряков внутренне вздрогнул от этих почти не мужских прикосновений. Но от радости, вызванной предложением, не подал и виду своему вспыхнувшему отвращению:

– А что вы предлагаете?

– Вполне сытую жизнь, молодой человек! И не пыльную, как говорят до сих пор на лесоповале...

– А точнее? – брал быка за рога Хохряков, не испугавшись легкого намека на «феню»<sup>5</sup> в словарном запасе хозяина отремонтированного им только что автомобиля.

– Ваша прямога тоже засчитана в ваш позитив... Если быть точнее, то я вам пока, подчеркиваю, пока, предлагаю семьсот пятьдесят зеленых, плюс отдельно квартирные. В месяц, конечно! Но при условии, что у вас открыты в водительских правах категории...

– У меня открыты все! – не без гордости ответил тогда Хохряков, о чем позже ему не раз пришлось пожалеть...

– Вот, и ладушки! Ну, так как? – завершал вербовку ценного кадра Сергей.

Сергеевич.

– А что я должен буду делать?

– Работать на работе за деньги. На меня. Не подумай ничего плохого, только по своей профессии! Я так понимаю, что у тебя кроме навыков вождения и ремонта в руках более ничего нет? – плавно перешел Колиушко на «ты» подчеркивая свою уверенность в том, что Петр не посмеет не согласиться с его предложением.

---

<sup>5</sup> «Феня» – блатной жаргон.

– Есть... Еще я немного могу пользоваться компьютером и немного знаю немецкий и английский! – вновь хвастливо вырвалось тогда у Петра, считавшего, что обязательно должен продать себя подороже.

– Это пока меня не интересует... Если ты меня будешь устраивать, максимум, на что ты сможешь рассчитывать через один год, считай, испытательного срока, будет одна «тонна»<sup>6</sup>. Ну, как, согласен?

Петр был ошарашен таким предложением. Все еще скрывая свое возбуждение, он тогда только спросил, сколько у него есть времени на переезд и еще, как его новый работодатель догадался о том, что он действительно свободен в этом мире.

В ответ на его последний вопрос Сергей Сергеевич только что-то хмыкнул се предложив свою визитку уже через, бесшумно открывшееся, окно.

– Даю одну неделю! – вслед за куском раззолоченного картона вылетело из салона.

Эта фраза и, главное, тон с которым она была сказана из уже тронувшегося с места «японца», Петр вспомнил по прошествию года работы на новом месте. И, иногда, очень жалел, что не понял тогда до конца таящиеся под этим одним коротким словом «даю» острый камень, о который ему пришлось спотыкнуться и причем очень больно...

Сорваться с насиженного места для Петра не составило большого труда. Тем более что это для него было не в первой. Сразу после службы в армии он впервые изменил своим родным местам и переехал, поддавшись уговорам своего сослуживца-напарника, считавшемся настоящим другом, в этот городок с трудно выговариваемым названием.

Армейская дружба, скрепленная только, как оказалось позже, объемом и содержимым посылки Петиных родителей, на «гражданке» очень быстро растворилась без остатка в рутине будней. Лишь изредка встречаясь в толпе на городском рынке, армейские «друзья» только кивали головами друг другу в молчаливом приветствии.

Но, тем не менее, Хохряков, еще долгие пять лет перебивался на ближней к его родному дому чужбине и не желал возвращаться в родительский дом. К тому же, он знал о том, как после его непредсказуемого поступка на него обижен отец.

Изредка он писал домой и обязательно поздравлял родителей с днями их рождений. Они у него были не в том возрасте, чтобы вызывать постоянные мысли о его, сыновней помощи. Поэтому Петр считал, что спрашивать разрешения у отца с матерью на свой очередной переезд, на этот раз, намного дальше от родного порога, тоже, как и в первый, совсем не стоило.

Главного «сдерживающего фактора» для такого резкого изменения в своей жизни Хохряков тоже не имел. Точнее, у него была девушка, которую он иногда называл не иначе, как «моя невеста». Но значительно чаще Людмила от него слышала о себе только, как о «подружке».

Почему так выходило, что он до сих пор оставался без постоянного женского контроля, Петр серьезно не задумывался, а только отмахивался от подобных мыслей, словно, от назойливого насекомого.

Своего жилья в этом городке у него так и не появилось. Все его имущество умещалось в двух дорожных сумках. Денежными суммами Петр тоже не был обременен. Эту неделю перед отъездом на новое место Хохряков был занят только тем, что зарабатывал деньги на дорогу и на первое время проживания в новом городе, в котором у него не было не единого родственника или, хотя бы, знакомого. Ведь, вопрос о выплате аванса он с Сергеем Сергеевичем так и не обсудил...

Работа на новом месте была действительно не тяжелая. Кроме того, что Петр «рулил» по указанию Сергея Сергеевича его тяжелый «Мерседес – кубик»<sup>7</sup> по всей стране и, даже, в

---

<sup>6</sup> «Тонна» – в этом значении одна тысяча долларов США.

<sup>7</sup> «Мерседес» – кубик, здесь Mercedes Gelandewagen G-500, внедорожник.

ближнее зарубежье, Хохрякову приходилось, правда, очень редко, устранять серьезные и не очень неполадки в новых автомобилях, пригнанных из-за океана и, реже, из Европы.

Все это оплачивалось по барски. Без одной четверти тысяча долларов дополнялась, так называемыми, «квартирными» в размере трех сотен, из которых Петр реально за жилье тратил только треть. В сравнении с пятидесятью условных единиц, получаемых в Коростышеве, эта, без полтинника тысяча, была, по его мнению, фантастической суммой, ради которой он был готов делать все, и не только то, что делал до сих пор. А, ведь, он еще и хорошо помнил, что в перспективе его ждет еще большая хозяйская денежная благодарность.

В силу своего природного ума Хохряков догадывался о том, что ему не стоит фиксировать в своей памяти лица всех тех, с кем в великом множестве во время поездок встречался его шеф. Еще он не хотел фокусировать свое внимание на хозяйских проблемах, которых, судя по всему, у Сергея Сергеевича тоже хватало с лихвой.

Чего только стоит их отрыв в мае месяце от братвы из Брянска! Кто кого именно тогда «кинул», Хохрякову не было понятным до сих пор. Только тогда Сергей Сергеевич чуть не вырвал в своем последнем прыжке дверную ручку, садясь в автомобиль, в котором, в течение всех трехчасовых переговоров, по его же приказу не выключался двигатель. И правильное было решение!

Тогда они ушли по лесной просеке только благодаря повышенной проходимости их «Мерседеса» G – класса и еще, если быть не совсем скромным, его, Петинуму водительскому мастерству...

Их тогда, просто, загоняли как диких зверей. Методично и без единого шанса на спасение. Как волков. С помощью флажков, в виде купленных ментов на дорогах а, главное, катившем сзади них и периодически постреливавшим поверх крыши их автомобиля из крупнокалиберного пулемета, настоящего, воинского, в разноцветных пятнах камуфляжа БТэРа! <sup>8</sup>

Загоняли вначале по основной в этом месте трассе «Москва – Симферополь», затем по второстепенной и, в конце концов, по проселочной в обыкновенном, хвойном лесу.

Все это можно было бы закончить значительно раньше, если бы не огромное желание Сергея Сергеевича не сдаваться любой ценой. И чем более возрастала жесточение и озлобленность догонявших, тем более возрастала любовь к жизни у сидящего в эти критические минуты на заднем сидении, Колиушко:

– Давай, Петечка! Придумай что-нибудь! Ну!!! Отбатрачу, родненький!!! Если вырвемся, я твои руки целовать буду!!! Давай!!! – орал в истерике Сергей Сергеевич и прижимал все свое тело почти до пола при очередном раскате пулемета.

На этом бездорожье, укорачивающем и без того призрачные их шансы перед четырех мостовым броневиком преследователей, Хохрякова тоже стали посещать нерадостные мысли. Но, часто вспоминая тот случай, Петр в который раз ощущал, что он спасал в те минуты не только самого себя. Но еще и ставшего в те минуты очень своим, правда, сильно изменившегося, и даже до полной неузнаваемости, Сергея Сергеевича. И старался выбраться из передраги не за услышанные от него очередные обещания всевозможных, земных благ, а за свои жизненные правила, по своему содержанию очень схожие с библейскими заповедями.

От бесчисленных толстых и тонких сосновых стволов под колесами казалось, что оба моста их внедорожника должны уже давно оторваться с мясом! Вдобавок, что-то случилось с гидроусилителем руля и теперь, последний десяток километров по этой лесной просеке Петру приходилось удерживать рулевое колесо на пределе физических сил всего его тела, и не только рук и плечей! Выскивая еле различимые, на бешеной скорости, лазейки в этом буреломе, Хохрякову приходилось упираться и обеими ногами в пол, чтобы удержать передние, с забло-

---

<sup>8</sup> БэТэР – сокр. бронетранспортер.

кированным дифференциалом, колеса этого, становившегося с каждым пройденным десятком метров, развалюхой четырехтонного «немца», в нужном направлении.

Мысли о том, как выбираться из этого, уже становившемся настоящим капканом, лабиринта у него не было. Точнее, в его голове в те минуты вообще не было никаких мыслей! Он тогда только рулил.

До того момента, когда в конце открывшегося коридора он не увидел высоко над землей зависший на своих ветвях ствол. Хохряков удивился сам, как четко и контрастно он сумел рассмотреть каждую хвоинку на тех, стремительно приближающихся ветвях! Перегородившая единственный путь к их отступлению толстенная сосна росла с каждой секундой, и Петр был занят только одним: попыткой угадать, пройдет ли под ней их машина. Пытаться уйти в сторону, было невозможно. Густой лес подпирал просеку плотной и непроходимой, даже для тяжелого танка, сплошной стеной частокола стволов. Но так, как иного пути для бегства от очень серьезных, как по технической поддержке, так и по намерениям, подтверждаемым периодическим постреливанием, в последние минуты уже очень короткими, очередями, преследователей у них не было, на всякий случай, он спросил у Колиушко:

– Вы не против?

Услышав вместо ответа позади себя одно тяжелое сопение, он закончил свой вопрос:

– Тогда пригните, пожалуйста, свою голову, Сергей Сергеевич!

И сам, продолжая давить ногой на правую крайнюю педаль, только прикинул приблизительный вектор их движения на оставшиеся до кажущейся непреодолимой преграды полсотни метров. Еще тогда Петр сполз со своего кресла почти на самый пол, оставив свои руки, без преувеличения, как расправленные крылья, на рулевом колесе и, прося у Господа Бога, если он есть на самом деле, силы удержать, этот мокрый от его пота обшитый кожей круг, в нужном направлении.

Грохот отдираемой от кузова автомобиля на скорости всей, без остатка, крыши был ужасен! Когда раздался этот треск, Петр даже не обратил внимания на боль, обжегшую обе кисти его рук. Уже спустя несколько мгновений, когда в салон, точнее то, что от него осталось, ворвался свежий весенний ветер, перенасыщенный запахом хвои, Петр, все еще остающийся на полу, ощутил, как сверху на его лицо упало несколько теплых и липких капель, вслед за чем он ощутил, наконец, то, что с его руками что-то случилось.

Одновременно понимая своим подсознанием об удачном проезде под тем стволом, Хохряков стал медленно выбираться наверх, к ветру. Сразу после того, как он определил степень тяжести повреждений своих рук шершавым стволом злополучного дерева или отскочившего, как гильотина, лобового стекла, оглянулся назад. Там, под сидением он увидел того, ради которого почти не остался инвалидом, ведь все его пальцы были стесаны в один миг, словно рашпилем до самих костей!

И только потом он стал смотреть еще дальше назад, туда, где по его предположениям должны были быть их преследователи.

Вначале Петру показалось, что он ошибся. Еще через несколько минут он впервые за несколько часов бешеной гонки, ослабил давление на педаль акселератора. А еще через мгновение, чтобы убедиться в увиденном окончательно, и не считать открывшуюся перед его взором картину наваждением или миражом, выставил кулису переключения скоростей в нейтральное положение.

Только тогда, когда автомобиль остановился, из-под заднего сидения стал выбираться Колиушко. Бледность его перекошенного от грозящего ужаса лица отливалась синевой. Долго заикаясь пересохшим ртом, он, наконец, прошамкал:

– Бензин кончился, Петешка?

– Не-а! Не угадали, Сергей Сергеевич! Оглянитесь лучше назад!

Вместе со своим шефом Хохряков продолжил любоваться тем, как им помогло деревоубийца их крыши.

Преследовавший их бронетранспортер был остановлен и, по всей видимости, навсегда! Ствол, расшатавшегося на ветвях после удара по легковому автомобилю, дерева попал, прямо хонько, между его колес и вырвал одну (или несколько, с места остановки «Мерседеса» этого не было возможности рассмотреть), ведущую точку!

Сейчас этот кусок металла с огромным зубастым колесом валялся далеко в стороне, демонстрируя полное поражение их преследователей. Сам вездеход, потерявший ход и управление, беспомощно уткнулся носом в ствол толстого дерева на обочине. От того удара, видимо, пострадала не только техника, но и, по всей видимости, люди в ней, спасти которых Петру тогда совсем не хотелось...

Новое мясо на его рукахросло очень быстро. Может, благодаря целительной силе водам Адриатического моря, на котором ему пришлось побывать по настоянию и за счет Сергея Сергеевича?

Подобных, освеженных памятью Хохрякова, случаев за почти год его работы у Колиушко было несколько. И почти всегда Петру казалось, что выбраться из передряг ему помогает Всевышний. Ничем более счастливым исход безнадежных по исходу случаев, в которые, раз за разом попадал, следуя без оглядки за шефом, он объяснить, не мог.

Одним словом, Петр изо дня в день демонстрировал свою преданность чужому делу, контуры и масштабы которого стали для него проявляться только теперь...

Дорога к гаражу пролегла по, довольно, живописному месту. Несмотря на то, что Петр, как минимум, дважды в день проходил здесь, ему не удавалось досконально изучить свой маршрут. Каждый день он открывал все новые и новые детали, продолжающие украшать и без того приятные его взору окрестности, прилегающие к новому месту его жительства.

Сегодня этой эстетической изюминкой для него стали желтые расплывы на кленовых листьях. Как же он этого никогда не замечал ранее и, пожалуй, во всей своей жизни! До этого, считая, что клен отдается во власть осени сразу, а не по частям, Петр был удивлен своим новым открытием, для чего, даже, поднял с земли два самых красивых, по его мнению, многоконечных листика. На удивление, сейчас у него в руках были не чисто зеленые или полностью желтые листья! Они, эти первые предвестники скорых холодов, в этот день оказались, словно в камуфляже, раскрашенными всеми оттенками зеленого и желтого цветов, но небольшими по площади пятнышками, почти округлой формы и по всей своей листовой поверхности. Эти два безвременно слетевшие с кроны листа Хохряков донес до самого гаража, который тоже снимал на свое имя по поручению Сергея Сергеевича. И оставил их воткнутыми в щель гаражных ворот, за которыми его ждал любимец – «Мерседес»-внедорожник с пятисот сильным дизель-мотором, каким-то чудом возродившийся после той, грозившей смертью его хозяину, погони в Брянских лесах.

Ставший полностью понятным за почти полмиллиона пройденных вместе километров автомобиль, заурчал своим запредельно мощным двигателем. Согнав с его черно-лакированного капота несколько пылинок, Петр привычно уселся на свое кожаное кресло, и мягко выкатил это чудо техники на Большую окружную дорогу.

Настроение было превосходным! Таким же солнечным, как и это, одно из первых этой осенью, утро. До встречи с шефом у подъезда его дома оставалось целых сорок минут, течение которых Петр продолжал держать под строжайшим контролем, не позволяющим ему никогда опаздывать к четко обозначенному уговором месту. Поэтому он медленно катился во втором ряду под удивленные взгляды обгоняющих его водителей многочисленных автомобилей, среди которых особенной радостью на лицах выделялись экипажи «Таврий» и «Запорожцев». Хохряков отвечал каждому посмотревшему в его сторону вполне искренней, по теплоте, не уступающей предстоящему этому, может быть последнему, осеннему, жаркому дню, улыбкой.

Тот автопоезд Петя заметил задолго до дорожной развязки, на которой он выруливал на финишную прямую к дому своего шефа. Изъявив желание непременно «познакомиться» с остатками перевозимого автомобиля, он правильно рассчитал место встречи и поравнялся с обгоняющим его эвакуатором точно в намеченной точке трассы – в самом начале расплывшейся в четыре ряда дороге, где ему никто не мог помешать переговорить на ходу. Он опустил стекло и повернул голову к «Форду» – тягачу, за стеклами которого долго делали вид, что не замечают его откровенного маневра. Это непонимание продолжалось бы еще неизвестно сколько, если бы Хохряков не приблизился к интересующему его автомобилю на расстояние вытянутой руки, и не постучал костяшками пальцев прямо в окно.

Сидящий на пассажирском сидении парень был явно напуган такой близостью стремного авто на дороге. Но, все-таки, приспустил и свою форточку:

– Ну? – в полголоса спросил он у Петра.

– Не «нукай»! Продаешь? – кивнул Хохряков на прицеп, где корчился на стыках дороги, исковерканный где-то в кювете, серебристый перевертыш «Мицубиси-Паджеро».

– Да! – однозначно ответил уже с некоторым интересом пассажир «Форда», Вполне осмелевший после того, как рассмотрел в салоне полное одиночество Хохрякова.

– Сколько?

– Двадцать пять!

– Семь! – сказал свою цену Петр, одновременно откровенно покрутив своим указательным пальцем правой руки у виска. Этот жест означал, что большей цены за это изломанное, совсем в недавнем прошлом чудо-техники, им никто более не предложит. И совсем скоро, после нескольких месяцев мытарств в поисках подходящего для восстановления автомобиля мастера их «двадцать пять» сами собой превратятся в Хохряковские «семь»...

Увидев полное непонимание своего, вполне конкретного и реального, предложения в глазах своего случайного собеседника и, уже, будучи уверенным, в не достижении консенсуса, Хохряков в сердцах вдавил педаль и стал стремительно, но только в полсилы своего силового агрегата, наверстывать упущенное время.

Это и было второй, не основной, работой Петра. Точнее, то, что он только что пытался сделать под видом предложения приобретения битого автомобиля, было лишь малой ее составляющей. Для того чтобы полнее представить себе масштабы осуществляемого Хохряковым дела необходимо отдельное и подробное повествование.

Год тому назад, в самом начале своего нового жизненного этапа, связанного переездом по приглашению Сергея Сергеевича и по инициативе последнего, Петр стал знаком с множеством рукодельников, промышленявших в тайне от налоговой администрации восстановлением поврежденных автомобилей. Эти люди, как и он, сам, но значительно чаще, доводили до ума в «предпродажной подготовке» машины, принадлежащие Колиушко.

Окончательно план своего дела вызрел в голове у Петра, когда он убедился в том, что эти умельцы-кустари, разбросанные по всему городу и не знающие ничего друг о друге, сумели восстановить его «Мерседес» после уже известных «лесных» событий. Уровень осуществленного ремонта мог превзойти самые смелые ожидания кого угодно, но только не съевшего на этом все зубы Хохрякова!

То, что он увидел, поразило до мозга костей! Восстановленный кузов сиял не только многослойным заводским лаком, но и полным отсутствием каких-либо, даже малейших знаков сварки, рихтовки и выведения неровностей, полученных в том, давнем столкновении с сосной вмятин и рваных, пулевых отверстий. Такой же девственностью отличалась и воскрешенная ходовая. Любуясь филигранной работой неизвестных ему еще по именам мастеров, Петр подумал о главном: а почему не объединить этих разобщенных корифеев в достижении поставленной им одним цели?

Первая же его попытка принесла ошеломляющие результаты. Приобретя за бесценок почти на свалке разбитый в драбадан «Фольксваген-Гольф» и вложив в его восстановление сущий пустяк на приобретение бывших в употреблении, вместо не подлежащих восстановлению, «родных» комплектующих, Петр продал этот восстановленный автомобиль за цену, лишь на две тысячи долларов уступающую той, за которую продавались на авторынке подобного года выпуска, только что пригнанные из-за рубежа автомобили!

Более низкая отпускная цена гарантировала его от нежелательных встреч с его покупателями в случае скорого обнаружения скрытых недоделок.

Первый успех не вскружил Хохрякову голову. Перед тем, как повторить попытку, он решил еще раз проанализировать не только этот, первый урок, но и весь опыт, приобретенный им за годы работы на станции сервиса в славном Коростышеве а также за два года срочной службы в автобате<sup>9</sup> спецназа внутренних войск.

### Глава III

Колиушко появился у задней двери автомобиля почти в обычное время – ровно через пять минут после того, как Петр останавливал автомобиль у его дома. По поводу этой трехсотсекундной, повторяющейся, вот уже год, изо дня в день, временной «прокладки» у Хохрякова не было никаких сомнений. Ровно столько времени требовалось его шефу, чтобы спуститься пешком с третьего этажа. Более ничего о жилье Колиушко Петр не знал.

Садиться в машину на заднее сидение Сергей Сергеевич стал после того неудавшегося их пленения под Брянском. Но объяснил он это совсем не прошлым испугом, а тем, что именно там ездит немецкий канцлер. Почему мысль Сергея Сергеевича посетила в своем сравнении Германию, а не весь остальной мир, Петр тоже не знал. И не очень-то хотел, хотя с такой мыслью был вполне согласен только из-за уважения качества всех вместе взятых немецкого производства автомобилей.

Сергей Сергеевич вначале отдышался, вроде из дому он не спускался вниз по ступеням, а долго шел под гору:

– Как дела? – обычно начал он свой рабочий день.

– Хорошо, Сергей Сергеевич! Водичка сегодня то, что надо! А девчата, какие!

А в лесу как красиво! Белочки бегают, птички поют, воздух свежий! И когда вы уже согласитесь, а? – в сотый раз, будучи совершенно уверенным, в том, что его приглашения дальше разговора не пойдут, приглашал Петр посетить вместе с ним утром его лесной «бассейн».

– А, что, и взаправду, они совсем нагие? – в хорошем настроении поинтересовался Колиушко.

– Как в день своего создания! Удовольствие, правда, в какой день попадешь. В иной раз одни бабульки воду рассекают. Перед такими и раздеваться, как-то стеснительно. А сегодня, что вы! Такие фефочки! И не стесняются! И, в основном, на бережку стоят, словно, нудистки...

– Совсем – совсем? – неподдельно заинтересованно продолжал интересоваться.

Сергей Сергеевич, даже пригнувшись поближе к своему водителю. – Вот, ты чертяка, какой развратник у меня! А постоянная подружка есть у тебя?

– А как же! Я же когда-то вам о ней уже рассказывал. Ларисой ее зовут с очень редкой фамилией Крупская! Да, много чести ее вспоминать! – уже жалея о том, что назвал своему шефу имя этой нелюбимой девушки, поведал Петр. – Я и говорю, Сергей Сергеевич, когда вы, наконец, посетите это место? Сами все и увидите!

– Хорошо все это! Уговорил, чертяка-соблазнитель! А плавки брать?...

– Как хотите. Только, в них вы будете чувствовать себя неудобно...

---

<sup>9</sup> Автобат – сокр. автомобильный батальон.

– Что, и ты совсем...

– А вы не верите?

– Верю, почему же... И, что, не возбуждаешься совсем?

– Что, я мальчик, какой-то, Сергей Сергеевич!? Конечно, вы правы, хочется, и еще как!

Но виду подавать нельзя! Испугаются и придти не будут. А так, всем нравится.

– Чем же? Одним созерцанием, что ли?

– А, кто их знает... Лично мне, только этим. Посмотришь – и на весь день зарядка, конца работы никак не дождаться!

– Хорошо, что ты напомнил. А то совсем своими рассказами о блядках с мысли сбил...

Сегодня не расслабляйся и на свободный вечер не рассчитывай. Едем в Мариуполь.<sup>10</sup> В порт. Меня в офис завезешь, и сразу езжай за продуктами...

– Надолго?

– Кто его знает... Наш факс говорит о том, что груз придет завтра утром. Но я сомневаюсь... Море оно и есть море. Дня на три рассчитывай, – уже очень серьезно, что замечалось, не так уж и часто, приказал Колиушко.

– А как вы думаете, вода еще в море теплая?

– О чем ты спрашиваешь, Петя!? В том месте только больные и чукчи с.

Дальнего севера купаться могут! Я же говорю: Мариуполь! Что, не знаешь, где это? И, вообще, уже осень...

– Знаю... На Азовском море..., – чуть обиженно ответил Хохряков. – А девятое сентября это разве осень, гляньте, лето продолжается!

Заметив, что Сергей Сергеевич уже не слушает его, а, сдвинув брови, взял в руку мобильный телефон, Петр перестал развлекать своего шефа пустым разговором.

Вообще, Хохряков не любил, вот так, болтать о пустом. Совсем. Когда не о чем было разговаривать, он считал более правильным молчать. И думать. Вспоминать или мечтать. Чем он теперь и занялся...

«Как же я давно там не был! Постой, надо посчитать... Так и есть, ровно одиннадцать лет тому назад ступала моя босая нога по тому песчаному пляжу. Ровно за год до призыва... И тогда уже там не все в порядке с экологией было. Чуть чиркни пальцем ноги, и выдавливается из-под, еще секунду назад казавшегося чистым песка, черная густая муть. Хотя, десять лет тому назад водичка была еще довольно прозрачной. Только мы ее пачкали как! Отторгнутое пустым желудком красное сухое вино в морской воде превращалось по цвету в фиолетовые чернила и еще долго-долго продолжало висеть грозovým облаком в желтоватой воде...

Где же сейчас первая его любовь?... Тогда, в девятнадцатом году, он поехал с ней на море. Вместе с ее мамой, которая докучала им обоим своей заботливостью и не давала, даже малейшего шанса, остаться более чем на минуту наедине! Что за чудо была эта женщина – потенциальная, как тогда казалось Петру за облаком первой оглушающей влюбленности, теща. Кстати, Елену уговаривать ни к чему ему не приходилось. И еще неизвестно было, кому больше из них вредит эта мама Маша!

Договорившись о «настоящем» свидании в последнюю их ночь на море за пределами не только домика, но и всей базы отдыха, они долго ждали, лежа в разных комнатах, пока уснет их надсмотрщица.

И то, что они посчитали тогда за крепкий сон, стало ее наглой уловкой!

Когда Ленка уже лежала на нем, полностью, до почти бессознательного состояния, оглушенная своим желанием, сверху, протягивая вперед руки, чтобы ему было легче сорвать с нее платье, свет Луны на звездном и праздничном для Петра небе заслонило ее, так и не ставшим родным, лицо:

---

<sup>10</sup> Мариуполь – крупный промышленный и торговый город в Донецкой области.

– Ишь, чего вздумал!!! А ты у меня разрешения спросил!? А у папы нашего!?

Я так и знала!!! Ты специально в доверие втирался, наглец!!! Только для этого!!! Я давно тебя раскусила!!! – гремел над чистым полем, заглушая треск то ли сверчков, то ли цикад, голос блюстительницы нравственных устоев в рядах собственной семьи. – Вставай, Леночка! Идем! А ты, ночуй, где хочешь, но чтобы в домике ноги твоей не было!..

Его любовь стояла и молчала рядом со своей мамой, обтягивая вниз узенькое платье и виновато шмыгая носиком.

Домой, точнее, на автобусную станцию, Петр побрел в ту же ночь не попрощавшись ни с кем, докоротав ее на скамейке в ожидании первого рейса и, жалея о том, что так все вышло. Ему тогда казалось, что все могло бы быть как в кино или книгах. Искренне и навсегда...».

– Слышишь меня? – прервал воспоминания голос сзади. – Я говорю, инструмент свой возьми. И не забудь краскомер!

– Мы за новой партией едем?

– Да... Очень крупной. Надо будет на месте проверять толщину лакокрасочного покрытия... В этот раз я не буду платить ничего за сантиметровый слой шпаклевки! Мне тоже будешь помогать!

– Хорошо, Сергей Сергеевич, – привычно отвечал Петр. – За продуктами на рынок?

– Нет, не тот случай... Езжай в «Ананас», там хоть какая-то гарантия насчет срока хранения... Вот деньги!

Засунув, продолжая управлять автомобилем одной правой, деньги в боковой карман курточки, Хохряков осторожно поинтересовался:

– На двоих?

– Нет, Петя, с нами будет дама! Она не язвенница! – как-то зло ответил шеф и сразу отвлекся на телефонный разговор, начавшийся после продолжительного автодозвона:

– Да, это я... Да, буду точно ко времени... Да, постараюсь прямо на причал...

Странно, я считал, что в Мариуполе нет пограничной... Да, да, извини... Понял... До свидания...

Только после этого краткого разговора Сергея Сергеевича с неизвестным по телефону, Петр узнал, что для его шефа на этом свете тоже есть начальники. Это стало для него неожиданным открытием потому, что ранее, при любых ситуациях Колиушко уверенно создавал для окружающих видимость своей исключительности и единоначалия во всех, без исключения, операциях.

Высадив шефа у здания офиса, Петр отправился исполнять поручение. Это было привычным и легким делом. Сергей Сергеевич только однажды, в самом начале его работы объяснил, что именно он желает видеть на своем столе во время командировок. Во всех остальных случаях он полностью полагался на вкусы Петра и более не давил на своего водителя разными уточнениями.

Если быть откровенным, то Хохрякову нравились такие вот моменты в его работе. Больше всего, конечно, он любил далеко ездить. Еще ему отдельно от первого нравилось делать покупки. В такие минуты от срывался с цепи и позволял себе то, чего не смел делать, когда приобретение продуктов касалось лично его. И даже, не смотря, на размеры своей заработной платы. Почему он экономит деньги на своем питании Петр не задумывался. Хотя, накопительством он тоже не страдал, что было всего более заметным в его обращении с многочисленными подружками.

Только в первый раз, закупив продукты в дорогу по устному списку, он отдал сдачу Колиушко.

– Чтобы это было в последний раз! – грубо «поблагодарил» его шеф в тот день. – Если я даю тебе эту сумму, значит, уверен в том, что нам понадобится именно столько продуктов, сколько на них можно купить, понял!?

Хохряков это хорошо понял и больше не повторял своей опрометчивости. Скупался он после этого на радость всему коллективу магазинов, его обслуживающих! И даже зная, что немалая часть продуктов, так и останется невостребованной.

Сегодня для него стало самым трудным попробовать угадать напиток для дамы Сергея Сергеевича. Возраста попутчицы Петр Николаевич-то не знал! Не мудрствуя лукаво, он купил для незнакомки две бутылки «Мартини», по его мнению, самого нейтрального напитка. А если и не подойдет, то ее, наверняка, выручит традиционный набор Колиушко, состоящий всегда из дорогих виски, водки и коньяка.

За необходимым для «качественного» приема груза инструментом надо было заезжать в гараж, делая огромный круг через весь город. Предобеденное время переполнило центр и, даже, окраины города автомобилями. Каждый светофор встречал железный поток без заметного энтузиазма, все, накапливая и накапливая количество не проскочивших на зеленую вспышку машин. Под солнечными лучами в пробке становилось даже жарковато, отчего Петр открыл стекло своего окна. Тем более что фильтр, очищавший воздух для кондиционера, подавал в салон всю ту же выхлопную гадость впереди стоящих автомобилей. Выставил, чего не делал очень давно, локоть на улицу и стал с интересом наблюдать за тем, что происходило рядом с ним постоянно, но всегда оставалось незамеченным, за почти непроницаемой пленкой тонирования. Хохряков даже удивился открывшемуся перед ним виду! Прозрачный воздух только усиливал краски, заметно набирающей силы осени. В парке, что красовался своими ухоженными цветочными клумбами, было много детей. Одетых в такие же яркие, как и цветы вокруг, курточки и шапочки.

Петр так засмотрелся на этих резвившихся мальчиков и девочек, что впервые за долгие годы шоферства пропустил зеленый свет светофора и пришел в себя только после того, как сзади, выдержав, подобающую для веса и стоимости его авто, паузу не стал визжать перекрытый им средний ряд. Не поворачивая головы от радующих его с необычайной силой красок и контролируя дорогу впереди себя лишь боковым зрением, он тронулся в надежде встретить на своем пути подобное еще раз.

«Что я в них нашел такого? Может, сердце подсказывает, что уже пора заводить своих и становиться отцом? Вот, ты сказал! Какие дети с такой работой! Да и какая захочет их от меня, такого шалопая? А я сам выдержу? Не-е-ет! Или еще пока нет? Посмотрим, время покажет... Но, стоп: что-то ведь тебя стало привлекать в этой кричащей и разноцветной детской толпе. А что именно? Подумай, подумай! Если тянет к детям, значит, уже пора! Где-то я подобную мысль слышал или читал... Хорошо, вот вернусь из Мариуполя, тогда подумаем! Вон, скольких об этом спросить можно, начиная с Лариски Крупской! Только заикнись или намекни – сразу на шее окажутся, и не сомневайся!», – сам себе улыбнулся Хохряков.

И еще удивился теплу, внезапно разлившемуся от этих мыслей, по всему своему телу и поднимающему и без того неплохое настроение.

Эти раздумья о близком семейном счастье оказались хрупкими. Петр впервые увидел, что за ним подозрительно долго следует один и тот же автомобиль. Как он не старался при появлении за ним на восьмом по счету подряд перекрестке синего «Жигуля» отогнать эту мысль, уже за девятым подряд перекрестком, его подозрения стали обретать вполне реальные очертания. Особенно, когда он уже на красный развернулся на сто восемьдесят градусов и попытался воспользоваться превосходством своего мощного внедорожника перед той «пятеркой». Каково же было удивление, когда эта же самая автомашина поравнялась с его «Мерседесом» спустя двадцать минут, и тогда, когда Петр уже стал ругать себя за излишнюю подозрительность. Так как в «Жигулях» за черной пленкой никого видно не было, Хохряков решил развеять все свои беспокойные мысли одним махом, тем более что он это делать умел хорошо. Он просто притер малолитражку к бордюрному камню и, не обращая внимания на созданную этим пробку

на одной из центральных улиц города, без опасений вышел навстречу открывающейся перед ним двери:

– Ты меня ни с кем не спутал, а? – подперев открытую дверь коленом, спросил.

Петр у нерешительно выглядывающего из салона молодого человека. Второй продолжал делать вид, что управляет движущимся автомобилем и смотрел только перед собой. – Если вы из ментовки и меня пасете – учтите, что я знаком со статьей тридцать третьей нашей Конституции! Давай, говори что-нибудь!

Тот, с кем заговорил Петр, был явно напуган и был в растерянности. Он молчал и только смотрел в глаза Хохрякову, по всей видимости, пытаясь хоть как-то проявить внешне свою состоятельность.

– Ну, что ты молчишь? Если нечего сказать, можешь, просто, извиниться за недоразумение! – расплываясь в улыбке, стал уже даже уговаривать Петр.

– ...Извините..., – еле слышно прошептал пассажир «пятерки», так и продолжая не сводить с Хохрякова своего преданного взгляда.

– Ладно, пацаны, прощаю! Но если еще раз за собой замечу – останетесь без машины, предупреждаю!

– Как?

– Потом увидите! – рявкнул Петр и так закрыл дверку, что несколько прохожих, находившихся рядом с местом его незапланированной остановки, от неожиданности раздавшегося грохота металла моргнули в оба глаза и пригнули свои головы.

Уже когда Хохряков доехал почти до следующего перекрестка и собирался делать поворот, синие «Жигули» продолжали сиротливо стоять на месте своей последней остановки. Он ухмыльнулся своим несостоявшимся преследователям в зеркало заднего вида и сам себе вслух приказал:

– Странно все это! Надо обязательно об этом доложить шефу... Но тогда, когда он будет один, без своей подруги...

В Мариуполь они выдвинулись на ночь, глядя, чтобы прибыть к месту разгрузки их товара утром. Очень долго ехали молча. Петр чувствовал, что Сергею Сергеевичу неловко. Его редкие в начале пути шутки были не к месту и вскоре совсем прекратились. Их попутчица тоже хранила молчание, создавая и без того полную картину ее отчужденности от присутствующим рядом с ней мужчин.

По просьбе Виктории, как ее представил Петру Колиушко, она с самого начала сидела рядом с водителем на переднем месте.

– Присаживайтесь пожалуйста, если вам так угодно! – с великодушием в голосе предложил ей Колиушко. – Петя, дама желает приобрести солидный автомобиль но, к сожалению, только учится водить. Я думаю, ты не будешь возражать, если она будет сидеть рядом, и подсматривать за твоими действиями?

Петр в ответ промолчал, лишь слегка, соглашаясь, пожав плечами, а Виктория и тогда не сказала даже спасибо...

Ее интерес в изучении мастерства вождения ничем не был выдан за первые триста километров пути. Виктория внимательно смотрела только впереди себя и не единого раза не повернула своей симпатичной головки в сторону водителя. Хохряков и в мыслях не допускал, чтобы своими взглядами понять, в чем причина такого поведения пассажирки. Как Петру не хотелось посмотреть на попутчицу, он не смел этого делать, помня, что сзади за всем наблюдает его шеф.

Впервые Хохряков посмотрел на Викторию, когда с заднего сидения он услышал храп Сергея Сергеевича. Петр увидел, что от этого звука губы Виктории изогнулись в презрительной полуулыбке. Молодая женщина с высокоподнятым подбородком тоже посмотрела на водителя. Прямо в глаза. Испепеляюще долго. Петру стало неловко от этого взгляда и он в ту же

минуту пожалел о том, что посмел посмотреть первым на даму своего шефа. Далее женщина приложила указательный палец к своим губкам, давая знак Петру, чтобы тот молчал.

Петя, по его мнению, за свои годы научился разбираться в женщинах. И сейчас, когда все тело вспотело от странного ожидания, понимал, что с такой ранее он никогда не встречался! Этот экземпляр мог впервые за его жизнь повелевать им и, даже, без слов! Одним взглядом и движением одного своего пальца! Как вести себя в присутствии такой женщины Хохряков не знал и оттого стал бояться. Всего сразу! Чтобы не сказать ерунды, чтобы понравиться, чтобы не услышать в свой адрес издевки или насмешки. Он одновременно жалел о своем взгляде и тут же желал еще раз взглянуть незнакомке в заволоченные дымкой глаза еще раз...

Шума работы двигателя в салоне слышно почти не было. Лишь изредка звук дороги врывается в полумрак при изменении размера зернистости гравия покрытия под колесами. Сумрак, усиленный черной кожей обивки салона лишь слегка разбавлялся подсветкой приборной доски.

Первое, что Петр мог видеть рядом с собой, были блески колготок, обтягивающие, без преувеличения, точеные ножки, всю прелесть которых ему позволяла оценить очень короткая юбка. Эта пара ног, всегда остающихся плотно сжатыми, лишь изредка до этого меняли свое направление в пространстве. За всю дорогу только однажды женщина решилась сесть «нога за ногу» и в тот момент, когда ноги стали раскручиваться, сердце у Петра в груди томно сжалось. Он тогда еще сам себе удивился, отчего это смогло стать! С ним, кого не могли завести даже любые оголенные прелести молоденьких купальщиц во время водных процедур на лесном озере. А тут, и вовсе, одни ноги, да еще в колготках и под такой юбкой, что без нее...

Был третий час ночи. Их автомобиль пронзал на огромной скорости запорожскую степь. Кроме них на дороге не было никого. Ни сзади, ни впереди. Максимально поднятые вверх лучи фар освещения давали возможность бодрствующим видеть впереди себя на пару километров. И все... Кроме освещенного участка дороги, мелькающих ночных бабочек и шелеста асфальта под колесами.

От этого прикосновения Петр вздрогнул всем телом! Он не поверил и отвел взгляд от дороги: ее рука сейчас лежала на его правом бедре и продолжала медленно подниматься вверх. Дыхание у Хохрякова сбилось, сердце заколотилось, но руки продолжали оставаться на рулевом колесе. От полной неожиданности всего происходящего у него пересохло во рту. Петр не знал, как ему быть.

– Остановитесь, молодой человек! – не приближаясь к водителю лицом, властно, не попросила, а потребовала вполголоса Виктория.

То, с какой плавностью остановился автомобиль, было немедленно вознаграждено поглаживанием рукой по ноге водителя. Она даже не оглянулась назад. Сзади был слышен храп уставшего в своих заботах человека-начальника. Покидая салон, женщина чуть заметно кивнула Хохрякову. Двери плавно и почти бесшумно захлопнулись...

Пьянящая неизвестность подтолкнула Петра. Он действовал в полубытьи. Его состояние можно было сравнить разве что с сильным опьянением. Только тогда он мог, в точности как сейчас, совершать поступки, полагаясь не на здравый смысл, а только на желание «выглядеть нормальным».

По-прежнему теплая, несмотря на начало календарной осени, ночь окутывала его непроницаемой пеленой. Пахло высохшим сеном или половой. Он стоял около автомобиля и чего-то ждал. Через несколько минут тело стала пробирать дрожь. Внизу живота тянуло. Кровь в теле пульсировала крупными толчками. Ладони рук вспотели. Он догадывался, что все это так просто не закончится. Он не думал ни о какой провокации. А только ждал, сравнивая себя с всякими особями мужского пола из диснеевских мультфильмов, у которых в подобном ожидании из всех дырок на теле выскакивали красные сердечки, а мокрый язык, под округлившимися от близкого счастья глазами, свисал до самой земли...

– Ты хоть бы на домкрат поставил, что ли... – прошептала, остающаяся пока для него невидимой Виктория. – Поспеш! Если он проснется, нам обоим не сдобровать!

– Да, вы правы... Сейчас... Минутку..., – голос Петра был похож на бляеные овцы. Непослушный металл больно ударил по пальцам. Петр торопился успеть и не обращал внимания на боль. – Вот... Все... Где вы?

Хохряков стал отходить от автомобиля и, рассмотрев женский силуэт, удивился тому, как был хорошо слышен голос женщины на таком расстоянии. Виктория ожидала его сзади автомобиля за редкой в этих местах лесопосадкой. Роса еще не упала. Высохшая трава повторяла каждый его шаг треском ломаемых стеблей.

Его руки прилипли к ее талии. Кто кого первым встретил в поцелуе было бы не понятным и самому непристрастному арбитру, суди он сейчас правила этой их сумасшедшей ночной встречи! Не отрывая своих губ от его рта, ее руки уверенно стали опускать его руки вниз, туда, где заканчивалась узкая полоска ткани...

Петр удивился тому, как им сейчас командовали, не оставляя никаких шансов на импровизацию с его стороны! Ее действия были рассчитанными и уверенными. Ничто не становилось лишним и не должно было переделываться. Все осуществлялось с первого раза и было нацелено только в одну точку.

Эта молодая женщина отдалась ему страстно. Насколько им позволяли окружающие их условия, стремительно и глубоко! Без оглядки на условности, словно они были старыми любовниками. Ничуть не сомневаясь в его немалом опыте и силе рук. Так долго, сколько того ей хотелось. До тех пор, пока в степи не растворился ее сладострастный стон...

Они, переплетя свои ноги, еще на некоторое время оставались застывшим единым целым. Первым сползать с вершины наслаждения стала она, одним-единственным движением в следующее мгновение, приведя свой наряд в первоначальное положение и только отбросив далеко в сторону на обочину уже ставшие ненужными, колготки. И моментально отрезвив Хохрякова оледеневшим вмиг голосом:

– Не расслабляйся, юноша! Забудь все и быстро к машине! Запомни: ты помогал мне выбраться из темноты...

Более не единого слова Петр не услышал. Ее руки уже жесткие и без малейшего намека на недавнюю нежность, перевернувшую в голове у Петра все его прежние представления о предназначении женщин на этом свете. Но, странное дело, обиды никакой у него не появилось!

Первой в салон забралась Виктория. Обыкновенно, словно минуту назад ничего не случилось.

Сергей Сергеевич проснулся, когда за руль уже садился Петр.

– Показалось, что колесо село..., – пошел на опережение Хохряков.

Поинтересовавшись тем, который сейчас час, Колиушко подвинулся на диване, прислонился к другому окну и вновь заснул...

Виктория, как и в первые километры пути, продолжала смотреть прямо перед собой, даже еще более, задрав вверх свой подбородок. Намека на сонливость не было в ее горделивой осанке. Ее бодрость и, даже, какая-то возбужденность передавалась по невидимым нитям и Петру.

Осенняя ночь продолжала где-то удерживать свою противоположность – утро. А до Мариуполя им оставалось еще полторы сотни километров.

Город металлургов и моряков встречал их предрассветной дымкой, стирающей все огромное количество заводских труб. Как не сомневался в проворности мореплавателей Сергей Сергеевич, по приезду их в порт, первый автомобиль из новой партии уже спускался на причал. Такая непредвиденная ретивость поначалу вызвала некоторую растерянность и, даже, панику. Первым, что ввело в ярость Колиушко, было отсутствие в порту к моменту прихода их судна местных водителей.

– Ничего, Сергей Сергеевич! Я постараюсь отогнать, – сам напросился Петр.

– Хорошо, Петя! Спасибо! Давай аккуратненько, чтобы поменьше места на причале заняли. Придется частить, чтобы все уместились...

Портовые краны расстарались. Сухогруз «Мария К» под хорватским, с геральдическим щитом в мелкую красно-белую клеточку, флагом был пришвартован к торцу причала и поэтому разгружался с обоих бортов. Петр уже через час такой интенсивной разгрузки был весь в мыле. Он не успевал пересаживаться из автомобиля в автомобиль. Причем, садясь в водительскую дверь, а выходя все время помня наставления шефа, через пассажирскую. И, тем более, не успевал запоминать все новые и новые технические «навороты» в изобилии встречающиеся в этих, словно только вчера с конвейера, чудесах американского автомобилестроения. Многолитровые «Бьюики», «Плимуты», «Понтиаки», «Форды», «Шевроле», «Крайслеры» и «Джипы»<sup>11</sup> крутились перед глазами Хохрякова словно в колесе. Портфель с ключами оставался все это время у него под под мышкой. Он очень спешил, но не смотря на это, не удавалось быстро находить в этом ворохе сейчас ему необходимый.

Хохряков с огромным облегчением увидел, как один из двух кранов поднял свой хобот и стал уезжать по причалу от их корабля. Второй в это время медленно, словно тоже в сильной усталости, опускал на бетон причала последний зелено-перламутровый внедорожник – «Додж-Джимми». Рука Петра привычно полезла в опустошенный портфель и, к удивлению, нащупала вместо последней связки еще две. Лишними оставались в портфеле ключи от выгружаемого сейчас на причал автомобиля. Долго не думая, еще совершенно не зная, зачем он это делает, Петр оказавшуюся лишней связку положил в свой карман.

Усаживаясь на шикарное кожаное кресло, Петр с улыбкой отметил еще одно достоинство этого чуда техники: автомобиль разговаривал со своим владельцем, приветствуя его появление! Но, только английской скороговоркой, из которой Петр понял одно приветствие «hello, boss!».

Когда на причале замерли в идеальном строю семьдесят переливающихся краской и хромом автомобилей, Петр отрапортовал, остававшемуся все это время в салоне своего автомобиля Сергею Сергеевичу. Тот сдержанно поблагодарил своего водителя и с некоторым сожалением прекратил общение со своей спутницей:

– Идемте, Виктория, будете выбирать!

– Прямо сейчас и в этом месте? – восторженно засомневалась женщина.

– Да, именно! Через час может быть уже поздно, поверьте мне! Мои покупатели есть очень несговорчивые люди и в случае совпадения интересов даже я не в силах буду вам помочь! Петя, помоги нам, пожалуйста!

Они втроем направились к выгруженному только что автопарку, до самого конца, впрочем, дойти им было не суждено:

– Вот эту, пожалуй! – остановилась и кивнула одной головкой в сторону отогнанного из-под корабля последним «Джимми» Виктория.

Ее лицо оставалось и сейчас полностью равнодушным и даже при виде этого великолепного автомобиля.

– А вас не смущает его мощностность и грозный вид? – стал проверять степень уверенности в правильности своего выбора своей клиентки Сергей Сергеевич, в ответ, на что женщина только слегка повернула свою голову.

– Понял! Понял, Виточка! Все понял! Петечка, «заверни» нам, пожалуйста, покупку! – скороговоркой попросил Колиушко Хохрякова.

– Куда? – коротко поинтересовался Петр.

<sup>11</sup> Марки американских легковых автомобилей.

– Да, куда-нибудь, за город... Только, не очень далеко... Вернешься сюда сразу же! Как бы нам вдвоем не пришлось этим всем заниматься до конца! Хотя, вон и наши помощники! – указал взглядом вдаль по причалу Сергей Сергеевич...

В клубах пыли, громко перескакивая на стыках бетонных плит причала, к ним стремительно подъезжало несколько автомобилей, которые, впрочем, Петр уже встречал за рулем отобранного Викторией автомобиля.

...Таким способом продажи товара они пользовались давно. Чтобы не вызывать не нужных вопросов у своих оптовых покупателей, Сергей Сергеевич часто «уводил за занавес» приглянувшиеся ему самому экземпляры. И это, не смотря на то, что в каждом новом случае изменение «списка» вело к многочасовым напряженным переговорам. Сейчас же, уводя на глазах клиентов аппетитный, наверняка забитый в перечне заказа, автомобиль две тысячи первого года модельного ряда, Коли ушко вообще мог накликать на свою голову беду! Но, видимо, его интерес в этот раз был не только в деньгах, о чем без труда догадывался Петя...

Как и было условленно, отобранный автомобиль Петр припарковал во внутреннем дворике кемпинга, расположившегося в двадцати километрах от Мариуполя по трассе в сторону Донецка.

Перед тем как выйти из его шикарного салона, он еще раз попробовал правильность своего предположения и проверил на совместимость, появившиеся необъяснимым способом, лишние ключи. Все совпадало! Станным образом, случайно, без предварительного обсуждения подобраный Викторией автомобиль в дорогу был укомплектован вторым набором ключей, которые, в свою очередь, таким же странным образом перешли в руки Хохрякова. Его об этом никто не спрашивал. А он решил об этом никому не говорить.

Захлопывая дверцу, Петр услышал из спрятанных в нутре автомобиле динамиков вполне человеческий голос на английском. Смысл сказанного сводился уже к прощанию автомобиля со своим владельцем...

Под завистливые взгляды редких посетителей этого места дорожного отдыха, Петр остановил на трассе старенький «Жигуленок» и уже через час вновь был на причале Мариупольского морского порта, где закипали нешуточные страсти.

Там толпа небритых, с сурового вида лицами, мужчин хмуро приближались к черному автомобилю. На Колиушко, прижатого спиной к этому «Мерседесу» наседали сразу четверо:

– Ты что нам обещал!? – брызгал слюной толстенький и прыщавый лицом «главный» покупатель. – Ты же, считай, уже нарвался! За этот металлолом ты мне кровью харкать будешь! Твой «Якорь надежды» с молотка пойдет! Ты мне все документы перепишешь, сечешь!? Ты же меня перед моими клиентами подставляешь! Как я им буду объяснять, за что ушли их такие деньги!? – грозил он очень скорой и вполне реальной расправой вполне понятными, несмотря на сильный кавказский акцент, словами.

– Это все выдумки, Джамиль! У меня отличный товар! Сейчас мой человек все покажет! Твои ребята ошибаются! Они, ведь, по старинке смотрят, на глазок и на ощупь... Эй, Петя, покажи людям наше качество! – взмолился Сергей Сергеевич при виде Хохрякова.

Виктории в эти минуты на причале и в автомобиле не было...

Петр взял из багажника инструмент и стал под недовольное сопение «проверяющих» демонстрировать автомобили. Начал он, конечно, с самых вызывающих подозрение:

– Посмотрите, прибор ведь не обманывает! Здесь в любом месте, куда не ткни, толщина лака и грунтовки ровно ноль три миллиметра! Полная норма! Американский стандарт! И с чего вы взяли, что они битые?... – твердил одно и то же Петр, с содроганием представляя, что именно с ним будет, если эти люди догадаются, что прибор в его руках сейчас заблокирован на «нужном» делении и совершенно не измеряет реальное положение вещей, которое было плачевным: все, без исключения, автомобили были восстановлены после аварий.

Страсти не улеглись, пока он не повторил одну и ту же операцию дважды и со всеми без исключения автомобилями, стоящими на причале.

– Ладно, прибору я, допустим, верю, – продолжал наступать прыщавый, – с этими разобрались... А зачем ты забрал у нас на глазах себе самый хороший!? Мы разве с тобой так договаривались!?

– Джамиль, дорогой! Поверь, что этот автомобиль я должен отдать людям, которые позволяют нам с тобой в этом месте общаться! Разве это было бы возможным, будь все по другому? Сам подумай, ты же тоже деловой человек!

– Хорошо, подумал! Тогда ты должен мне выплатить компенсацию! Ты даже не догадываешься, кому тот «Джимми» был обещан!

– Я согласен, Джамиль! Любую неустойку, только угомонись! Нам же еще дела предстоит решать! Зачем же нам ссориться? – залебезил Сергей Сергеевич.

– Хорошо... Но с тебя его полная стоимость!

– Что!? – угрожающе рыкнул, на мгновение, забыв реальное положение вещей и расстановку сил на причале, Колиушко. И тут же опомнившись, добавил: – Всего-то, сто сорок тысяч, какая мелочь...

– И эту, как ты говоришь, мелочь, ты мне будешь должен отдать через семь дней! Или этот автомобиль! А если правильно, то ты сейчас не получишь от меня именно эту сумму! Ха, ха, ха! – довольный своей изобретательности рассмеялся толстый.

– Но...

– Через неделю, и не днем позже!!! И ты сам самолично должен будешь.

Отдать мне эти деньги, понял?!

Сергей Сергеевич сразу как-то сник и согласился с последним в свой адрес предложением всего одним кивком головы...

– Хорошо, – сменил гнев на милость прыщавый. – Для расчета едем в гостиницу... – По машинам, мальчики! И не забудьте прихватить с собой нотариуса...

Петр не принимал участия в пересчете денег. Вся эта процедура ему была известна давно. Он, просто не любил смотреть на такое количество чужих денежных знаков.

Хохряков сидел в отдельном номере и под тихий звук телевизора вспоминал минуты своих переживаний прошедшей ночью. То, что он, пусть и униженный, испытал от близости с этой, (он не хотел даже мысленно называть эту женщину грубыми словами)..., вводило его, даже спустя эти часы, в трепет и новое возбуждение. Умалить пережитое им быстротечное наслаждение не могло ничто. Даже, тот нервный срыв на причале в ожидании разоблачения... Он до сих пор ощущал вкус ее губ и запах тела. Представляя их позу в мгновения наивысшего наслаждения, Петр вводил себя сам в дрожь...

Перемены на экране были им замечены не сразу. Привычная картинка беспрерывной на этом российском канале рекламы сменилась в первые минуты трансляции не дублированными выпусками американских новостей. Начиная вникать в происходящее сейчас почти рядом в соседнем государстве, Хохряков испытал внутренний шок. Как же так!? Только что ведь отзвучали фанфары Хасовюрта! То, что он вначале принял за кадры из боевика, медленно стало приобретать в его сознании свою полную реальность самого, что ни на есть прямого эфира. Дым и пыль над дорогами, уходящие к горизонту колонны бронетехники и вертолетные эскадрильи на бреющем полете над взошедшими злаками полями Чечни только спустя несколько минут повторяемой на экране сенсации стали знаменовать собой масштабы происшедшего.

Никогда ранее Петр не интересовался политикой. Ни глобальной, ни, тем более, своего государства внутренней. В газетах он искал только интересующую его информацию о ценах, адресах, спросе и предложении. Его устраивало такое положение вещей, когда никто не мог его упрекнуть в том, что он отстает от политических веяний в его державе и, тем более, не

знает, даже фамилий ведущих политиков. Ему это было ни к чему. Для его бизнеса, тем более. До этого самого момента.

Одно становилось для Петра незыблемым и очевидным с этой минуты: в одно мгновение мир изменился. В одну-единственную секунду, казавшиеся ему до этого глобальные проблемы превратились в пыль. Внутренняя уверенность в том, что и он тоже должен, начиная с этого дня, измениться, придавила и расплющила его сознание.

«Это на что же способен человек!? И даже не только своей кажущейся легкой способностью к самопожертвованию! Но и филигранным расчетом. Дерзостью. Целеустремленностью. Жестокостью, умноженной на цинизм и демонстрацию грубой силы... Но остается во всем этом некая недосказанность. Чего именно они желали добиться своим, выходящим за пределы простого человеческого понимания, поступком? Их молчание по этому поводу навевает невеселые раздумья. Помнится, Нострадамус<sup>12</sup> предсказывал третью мировую именно с Ближнего Востока? Все теперь может случиться. Все! Если точно не рассчитают и на ответные меры не поднимется весь мусульманский мир с его неисчислимыми людскими ресурсами, а то и с ядерным, бактериологическим или химическим оружием! Вот это будет жизнь! Только голову успевай пригибать... Летать-то все над нашими головами будет! Надо поспешить, Петя! К чему? К тому, чтобы исправить существующее положение вещей! В свою пользу! А я способен на это? По всей видимости, да...».

Сергей Сергеевич вошел в комнату без стука. Точнее, ворвался:

– Уходим! До места, где оставил «Додж» за рулем поедешь ты! Дальше пересядешь на него, Витка одна не справится...

– А вы?

– А я поведу нашу! Петечка, уходим быстренько! Потом досмотришь!

– Вы слышали? – поинтересовался Петр, стараясь прогнаться перед шефом приятным, по всей видимости, и для него тоже известием.

– Ерунда все это! Россия справиться, не переживай... Нам надо свои ноги уносить! Спасибо русским за то, что и их карты спутали! Слышал, доллар сразу начал валиться? Они это услышали и сразу, обо всем забыв, пятками засверкали в свою Чечню, пока я не сообразил и не захотел курс менять...

Сборы были быстрыми. Но не стремительными. Сказывался возникший в голове вакуум от всего происшедшего. Некоторая растерянность все не хотела уступать место расчету и уверенности в действиях Хохрякова.

Мариуполь давно остался позади, когда прозвучали первые слова:

– А мы успеем добраться? – совсем не так, как в первые минуты их знакомства, спросила Виктория. Тон. С каким был задан ее вопрос уже был совершенно не властным.

– До чего?... – не понял Сергей Сергеевич.

– Пока не начнется война...

В салоне повисла тягостная пауза. На этот вопрос никто не успел ответить. И даже каждый самому себе.

– Вот здесь... Я сейчас, – открывая дверь еще до полной остановки автомобиля, сообщил всем Петр.

– Хорошо! Иди, мы тебя подождем, – пообещал Колиушко.

Когда Хохряков подъехал к хозяйскому автомобилю, Виктория уже стояла рядом, а на водительском месте гордо восседал Сергей Сергеевич.

---

<sup>12</sup> Нострадамус, Мишель Нотрдам (латинизир. Nostradamus, Michel de Notredame) (1503-66), французский врач и астролог, лейбмедик Карла IX, получил известность как автор «Столетий» (1-е издание 1555; написаны рефмированными четверостишиями – катренами), содержащих «предсказания» грядущих событий европейской истории. Советский энциклопедический словарь, Москва, «Советская энциклопедия», 1983 г.

Забираясь в салон через заднюю дверь, женщина передала слова Колиушко о том, что бы Петр не спешил.

Поехали.

– Может, пересядешь? – не поворачивая головы, спросил Петр.

– Успею...

– Садись, он не увидит! – продолжал настаивать Хохряков.

– Помолчи, пожалуйста! – как-то отрешенно и грустно, вполне по-женски, попросила его Вита.

– Я весь день вспоминал... Это ты была или не ты? Вначале такая строгая «до нельзя»! Потом, словно, гетера! – вспомнил Петр слова своей подружки Крупской.

– Что, так профессионально? – с легко угадываемой насмешкой в голосе уточнила женщина.

– Да, почти! Я помню, сердце, прямо останавливалось! Да и время, проведенное с тобой, пролетело, как одно мгновение... Зачем ты так?

– Что, задела? Да, понимаю, молод-то ты ведь очень... Хочешь еще?

– А ты нет?

– Не знаю... Я сейчас о другом думаю...

– О чем?

– Домой надо доехать!

– О чем вопрос!? Конечно, доедем! Только медленно будет, Сергей Сергеевич больше ста двадцати не давит...

Еще спустя несколько минут Вита уже сидела на коленях у Хохрякова спиной к налетающей ленте дороги.

Электрический привод регулировки кресла и рулевой колонки а, главное, наличие в автомобиле круиз контроля, позволили им продолжить начатое прошлой ночью прямо во время движения. Благо, Сергей Сергеевич их совсем не торопил...

## Глава IV

Виталик Сергиенко был почти как все. Все время. До школы и после окончания десятилетки. И во время службы в армии, где довелось ему служить ровно два года. Он не был заводилой среди дворовых мальчишек. Тем более, среди сверстников всего района большого индустриального города.

Его заводской район был в те годы вторым после шахтерской Петровки-Трудовских.<sup>13</sup> Вторым потому, что ребята, жившие поблизости с металлургическим заводом на Александровке, не могли ни численностью, ни умением совладать с бесчисленными толпами, жившими на другом конце города. Да, и не хотели тоже. Здравого рассудка их предводителей хватало, чтобы делать верный выбор между призрачным первенством и количеством раненых и погибших в уличных стычках и боях.

Он даже пробовал курить кнап.<sup>14</sup> Не говоря уже о выпивке! Но далее, чем этих невинных проб «за компанию», дело у него не пошло, что само собой не позволило последовать примеру многочисленных друзей и знакомых, попавших вскоре под суд или в наркологические диспансеры. Навсегда в его сознании остались похороны своего лучшего товарища во дворе.

---

<sup>13</sup> Трудовские, Петровка, Александровка – название рабочих поселков в г. Юзовке до 1924 г., затем в г. Сталино до 1961 г., позже – г. Донецке, центре Донецкой области.

<sup>14</sup> Кнап, анаша – слабое наркотическое средство растительного происхождения, изготавливаемое из листьев и цветков конопли.

Санек был младше его и слабее. Зато всегда был с ним рядом и никогда не предавал. Какую-то отстраненность Александра за несколько месяцев до трагедии Виталий не почувствовал. О чем спустя даже годы продолжал ругать себя сам.

Черный платок на голове тети Дуси, матери товарища вначале не вызвал мысли о самом Сашке. В той семье было, кому умереть от старости. И словам женщины «Сашенька умер» Сергиенко вначале не поверил. Пока не увидел в квартире тринадцатилетнего мальчишку в гробу.

На Сашкины похороны он купил большой букет разноцветных хризантем. С этим букетом на груди обитатель деревянного пристанища с выпущенным поверх пиджака воротником белой рубахи был похож на первоклассника уснувшего перед первым звонком.

Рядом с гробом толпились многочисленные друзья и подруги, которые очень долго не давали приступить к завершению похоронного ритуала на кладбище. Их строй все не заканчивался и каждый целовал Александра в губы и в лоб, словно для каждого он был родным братом.

Такое скопление наркоманов в одном месте Сергиенко в тот нерадостный день увидел впервые в жизни. Все эти разряженные девчонки и мальчишки, большинство из которых, судя по нарядам, представляли не самые бедные семьи их города, уселись на корточки вдоль кладбищенских оград центрального ряда. К каждому из них подходили и отсыпали из большого целлофанового кулька в протянутую ладонь горсть измельченной маковой соломы, которую все запивали несколькими глотками сухого белого вина.

Это были поминки по их понятиям. А хоронили все они своего товарища, который умер от передозировки. Когда Сашке стало плохо, его просто привели к дому и, теряющего сознание, бросили под дверь. Впрочем, догадавшись позвонить...

Родители у Виталия были тоже обыкновенными людьми. Для того времени и места. Отец и мать работали. Получали какие-то деньги, которых всегда в семье не хватало. У Виталия была еще и младшая сестренка, которой, по мнению родителей, полагалось чуточку больше внимания, чем ему, «оболтусу и разгильдяю». Кроме теплых родительских слов Танечке всегда перепадало больше новых вещей и угощений. С этим тоже Сергиенко мирился, повторяя за родителями бесчисленное количество, раз слова «так надо».

Отец Виталика очень часто бил. За двойки в дневнике, за вызовы родителей в школу, за вырванные из книг страницы, за поздние возвращения с улицы, за запах сигаретного дыма изо рта... Бил его отец ремнем, скакалкой, специально принесенным в дом с улицы толстым прутом с куста. Бил, зажав его голову между своих ног. Методично и ничего при этом не приговаривая. Так долго, пока за сына не вступалась мать, которой с трудом удавалось вырвать ревущего до заикания ребенка из рук своего мужа. Или пока Виталик сам не начинал просить о пощаде.

Результат такого жесткого воспитания не заставил себя ждать. Уже в юношеском возрасте Сергиенко стал трусом. Он стал бояться даже намека на возможную скорую драку, а любой, приближающийся к его лицу кулак не мог встретить иначе, как с сильно зажмуренными глазами. Он никогда не мог ответить старшему и более сильному в свою защиту. А только сглаживал слезы обиды и молчал.

Еще одним последствием такого многолетнего родительского «внимания» стала его развитая до болезненного состояния способность врать. Всем без исключения. По любому поводу и даже тогда, когда этого ему совсем не требовалось, и на него никто не нападал, требуя ответа за содеянное. Лгал он искусно и изощренно. С таким тоном в голосе и выражением лица, что вскоре все стали верить его самым неправдоподобным вымыслам. Не говоря уже, о тех случаях, когда он старался изо всех сил сохранить свою неприкосновенность. И эту свою, приобретенную по отцовскому недомыслию, склонность Виталий пронес сквозь всю свою жизнь.

Но самым чудовищным его приобретением после того общения с родителем стало почти постоянное желание мучить слабых. Особенно котят и щенков, которых, он просто убивал после многочасовых и изощренных по своей жестокости издевательств...

Перед призывом в армию Виталик только успел закончить автошколу добровольного общества содействия армии, авиации и флоту. Из-за чего, как он не хотел, его призвали на службу во внутренние войска. Его нежелание служить конвойником объяснялось очень просто. Район, в котором он родился и вырос, предполагал такое знание для своих обитателей. Среди уличных «учителей» было много тех, кто отсидел свой срок и не мог не поделиться радостями блатной жизни. В том числе и тем, за что именно необходимо ненавидеть ментов, попкарей и лягавых.<sup>15</sup>

Почти всю армию Сергиенко откатал на стареньком «Газоне». Точнее, нескольких, все из которых назывались одним словом «автозак». Он даже учебку закончил в Золочеве Львовской области откуда в свою часть приехал с лычками младшего сержанта на краповых погонах.

Но командовать сверстниками ему не могло. Сергиенко стеснялся это делать.

Даже, несмотря на постоянные унижения отцов-командиров, стремившихся привить любовь к службе у младшего командира Сергиенко. После неудачных, многомесячных попыток сделать его настоящим сержантом-командиром отделения все смирились и, не смотря на свое звание, Виталий оставался рядовым водителем со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Он, как и все шоферюги, до тошноты ремонтировал, точнее, реанимировал, свой умирающий «зак»<sup>16</sup>, сбивая до крови пришедшим в негодность инструментом руки. Торговал в следственных изоляторах и колониях бензином, «сэкономленном» только путем исправлениями в показаниях счетчика спидометра и последующими записями в путевых листах. Стоял в оцеплениях, изредка, когда его ротного доставал комплект, конвоировал осужденных. Но никогда не был по настоящему в зоне.<sup>17</sup>

Это больше всего его и радовало! Сергиенко с первого и до последнего дня своей службы боялся встретить там, за колючей проволокой, своих знакомых из детства. Он не исключал такого случая и всегда, в силу своего характера, был готов откликнуться на чей-то знакомый голос. Но все равно старался, по возможности, этого избежать.

Сам распорядок службы позволял ему это делать. Все водители всегда оставались рядом со своими автомобилями. Всю остальную работу по выводу, загрузке-разгрузке заключенных, делали другие сослуживцы. Голоса осужденных Виталий чаще только слышал через листовую сталь обшивки кабины, чем видел этих людей воочию. О том, что такие люди вообще существуют, он, как это не странно, узнавал не по их голосам, а по предметам «ширпотреба», часто попадавшего в его руки, и тоже реализовывавшегося у гражданских лиц. Выкидные и столовые ножи, мыльницы и шкатулки, портсигары и мундштуки пользовались огромным спросом за пределами части и поэтому моментально превращались в наличные.

В тот запомнившийся Виталию как первый в его коммерческой деятельности вечер, колонна из восьми «автозаков» осталась перед воротами следственного изолятора в ожидании приказа командира на погрузку спецконтингента. Водители дремали, раскинувшись в своих пустых кабинах в разных позах, каждый на свое усмотрение.

Легкое царапанье в боковое стекло вывело Сергиенко из глубокого сна, в котором он уже добрался до самых грудей какой-то незнакомки. За запотевшим стеклом были видны только кокарда над офицерским плетеным тренчиком фуражки да мелкие звезды на погонах.

Виталий даже не открыл дверь, а только чуть приоткрыл окно. С неба накрапывал мелкий дождик. Рядом с его автомобилем ежился от холода в одной рубашонке молодой лейтенант:

---

<sup>15</sup> Менты, попкари, лягавые – на блатном жаргоне служащие органов внутренних дел.

<sup>16</sup> «Зак», «автозак» – специальный автомобиль, предназначенный для перевозки арестованных.

<sup>17</sup> «Зона» – здесь, территория исправительно-трудовой колонии, места отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

- Друг, бензинчика лишнего не найдется? – заискивающе пропел офицер.
- Нету! А если бы был, все равно нельзя!
- А может, найдется? – уже не просил, а клянчил офицер. – Я много возьму, сержант!
- Сколько?
- Да хоть двести!
- По три за двадцать!
- Согласен!

Сергиенко подпрыгнул на месте. Сон улетучился также мгновенно, как быстро в его мозгу возникла окончательная сумма сделки. Еще бы! Во втором баке его автомобиля уже не оставалось места, чтобы сохранять неучтенные литры. Еще бы несколько дней и этот бензин пришлось бы отдавать за просто так своему заместителю командира роты.

Долой опасения и сомнения! Видимая и почти реальная выгода затмила в те мгновения для Виталия страх перед возможной ответственностью. За один раз получить десяти тысячное денежное содержание в сию минуту стало основным смыслом сегодняшней его службы. О каком долге водителя в деле экономии горюче-смазочных материалов, о чем им всем прожужжали уши отцы-командиры, могла в такие минуты идти речь!?

– Давай! Только осторожно, чтобы из дежурки не заметили! – приказал лейтенанту сержант, не переставая поглядывать в ярко освещенные окна дежурной комнаты, за которыми его командир спиной к нему за столом делал сверку личных дел заключенных.

Лейтенант опрометью бросился к своему старенькому «Москвичу», стоящему на стоянке перед следственным изолятором, откуда начал доставать и доставать разнокалиберные канистры.

Сосал бензин из бака в канистры тоже лейтенант. Шланг был толстым, поэтому с первого раза создать ртом вакуум необходимой степени, втягивая из шланга весь воздух, было непросто. То и дело лейтенант набирал в рот нефтепродукт и с шумом выплевывал его на асфальт. С каждой неудачной попыткой брань его усиливалась. Дело поэтому продвигалось медленно и шумно. Звенели падающие пустые канистры. Скрипели и булькали об асфальт уже наполненные «семьдесят шестым»<sup>18</sup> емкости. Громкие отплеывания перебивались сочным матом.

Дождь усиливался. Довольный Сергиенко только посильнее насовывал на лоб пилотку, наблюдая за тем, как суетится у его ног незнакомый лейтенант. «Инструктор какой-нибудь, – радовался Виталик. Или опер.<sup>19</sup> Хотя, они на такое не идут. Им родственники заключенных все домой подвозят. Ну, и что, что по три за канистру? Жалко, конечно... Но, у меня же не заправка! Скажи спасибо, что по три весь солью! Завтра же бы пришлось отдавать за «спасибо» старшему прапорщику... В следующий раз надо его бы разбавить керосинчиком немного, всего на пару канистр... А если сейчас заловят, скажу, что не мог не подчиниться приказу офицера!».

Не имея вредных привычек, кроме уже нам известных, Сергиенко уже на первом году службы слыл состоятельным бойцом, за материальной помощью, к которому частенько прибегали не только прапорщики, но и, правда реже, офицеры. Будучи уверенным, в том, что правило «подальше положишь поближе возьмешь» не всегда остается верным, свои денежные накопления и другие, не менее важные бумаги, Виталик прятал от сослуживцев почти на виду – в спинке сидения своего автомобиля. Это придавало некоторые неудобства, но зато Сергиенко был уверенным в том, что его богатство, всегда рядом с ним. Тем более что кабина закрепленного автомобиля часто становилась для бойца-водителя и казармой, и столовой и Комнатой боевой славы всех Внутренних войск страны.

---

<sup>18</sup> «Семьдесят шестой» – марка бензина, именуемая так по октановому числу.

<sup>19</sup> «Опер» – жаргон. Здесь оперативный уполномоченный оперативной части Следственного изолятора или иного учреждения, в котором отбывают наказание в виде лишения свободы.

Когда занимал своим одноказарменникам и командирам деньги под маленькие проценты, он совсем не знал о том, что точно также поступал, но не с деньгами, а с хлебом, один беспризорник из Макаренской<sup>20</sup> Республики шкид. Не знал и не мог знать, так как в детстве это произведение в первоисточнике не читал, а когда по телевизору шла его экранизация, хронически отсутствовал у телевизора.

Случайности имеют место быть в реальности и поэтому с момента первого займа под пятьдесят копеек пени за день просрочки возврата суммы, к концу третьего месяца своей ростовщической деятельности в части, Сергиенко имел на руках уже около тысячи рублей!

Поначалу такое положение вещей, когда ему были должны чуть ли не все офицеры автобата, включая двух заместителей командира подразделения, устраивало Виталика. Успокаивало и, даже, подхлестывало к дальнейшим финансовым действиям. Когда же он понял, что деньги в его руках не только богатство, но еще и власть, до конца срока его срочной службы ему оставалось еще долгие семь месяцев.

Вначале Сергиенко «купил» у заместителя командира части по тылу за один из долгов в триста рублей себе новый «автозак», только что прибывший с автосборочного завода. Затем стал «приобретать» себе выгодные рейсы. Дело в том, что не каждая колония могла «приобрести» весь им сэкономленный бензин. И не в каждой колонии выпускался одинаковый по ценности «ширпотреб». Еще на ценность и рентабельность рейса играло и то, кто именно из командиров поведет свой отряд в маршрут. К счастью, только немногие офицеры могли совмещать основную свою деятельность с полным контролем за своими подчиненными.

Вот эти все нюансы во всех подробностях и отслеживал младший сержант Сергиенко на втором году службы. Имея точную информацию на эту тему, вложенные в руку комвзвода десять рублей превращались в течение дня минимум в сорок, а то и пятьдесят рублей чистого дохода! В те нередкие дни, когда «все срасталось в елочку» и Виталию удавалось продать до трехсот литров бензина и вдобавок затариться десятком выкидных ножей, за его спину под дерматиновую обивку сидения ложилось до сотни деревянных.

Кроме постоянного повышения личного благосостояния, Виталий слыл и передовиком своей части. Он с ухмылкой соглашался на очередную благодарность или почетную грамоту за еще одну недельку просрочки возврата долга заместителем командира части по работе с личным составом.

Домой деньги Виталий не отсылал. Ни единого раза. В увольнительные он тоже не ходил. Никогда. Чтобы не тратиться. Простой каши с тушенкой из столовой ему всегда хватало. Виталик даже отказался сходить в краткосрочный отпуск. Чтобы, как он сам себе объяснял, не нарушать график выдачи кредитов и погашения существующих долгов. То, что для него до армии было неведанным, в считанные месяцы стало призыванием и единственным настоящим увлечением.

– Сергиенко, к заместителю командира! – отвлек Виталия от подсчета оставшихся до дембеля дней службы голос дневального.

Настроение у младшего сержанта было неважнецким оттого, что он явно себе представлял масштабы не возврата денежных сумм в случае его своевременного увольнения в запас. По его мнению, замполит, поэтому так и старался в последнее время вспоминать, где надо и где не надо его имя, чтобы отправить его домой день в день положенного срока. Но не отдать ему любой ценой три тысячи долга. Что-то он будет обещать ему в этот раз!..

---

<sup>20</sup> Макаренко Антон Семенович (1988–1939), советский педагог и писатель. Осуществил беспрецедентный в педагогической практике опыт массового перевоспитания детей-правонарушителей в трудовой колонии. Разработал теорию и методику коммунистического воспитания в коллективе, провел опыт соединения обучения с производительным трудом учащихся, разработал теорию советского семейного воспитания. Советский энциклопедический словарь, Москва, «Советская энциклопедия», 1983 г.

– Разрешите? Товарищ майор, младший сержант Сергиенко по вашему приказанию прибыл! – привычно и громко, чтобы его голос был слышен в коридоре дневальным на тумбочке,<sup>21</sup> доложил о своем визите Виталик.

Так, с приложенной к пилотке ладонью правой руки, он простоял довольно долго, пока писавший что-то офицер не отложил в сторону ручку.

– Вольно! Что ты, в самом деле, Виталенька, вытягиваешься, как молодой!

Проходи, присаживайся! Вот, стульчик...

Подождав, пока Сергиенко усядется напротив, майор Власенко продолжил:

– У тебя все в порядке? Я очень рад! Рад... Я, вот, думаю, думаю, как бы мне тебя отблагодарить... и, ты знаешь, придумал!..

Лицо майора расплылось в слащавой улыбочке. Власенко снял очки в толстой, устаревшей морально, оправе. На мясистом носу осталась багровая вмятина. Стал тщательно протирать желтым замшевым лоскутком толстые линзы. Это лицо без очков еще более стало напоминать Сергиенко репу: желтоватое, круглое, приплющенное по вертикали, почти без волосяного покрова. Без очков глаза стали совершенно незаметными, маленькими и глубоко запавшими в череп.

Сергиенко слушал. Точнее, только делал вид, что слушает. Такое начало разговоров с этим человеком всегда было одинаковым. Слово в слово. Помня это, Виталий спокойно ждал главного. Объявления очередного срока выплаты долга...

– ...А давай, мы тебя направим в училище! – неожиданно для своего собеседника заявил Власенко. – Удивлен? Конечно, удивлен! Не скромничай, вижу, вижу! Не буду скрывать. Буду максимально откровенным. Виталий, мне действительно трудно возратить мой долг... Точнее, почти невозможно. Но у меня есть выход, который, я не сомневаюсь, ты примешь, как единственно взаимовыгодный! Послушай, пожалуйста...

Сергиенко не стал перебивать майора. Озвученная старшим офицером инициатива стала для него, действительно, большой новостью. К такому развитию событий он не был готов. Хотя, прозвучавшее предложение подходило для его, становящейся день ото дня все ненасытнее природы. С каждым прожитым днем приближалось его возвращение домой. И с каждым днем Сергиенко становился все более уверенным в том, что дома ему делать нечего. Его, познавшая радость обогащения и принявшая это, как основное занятие в жизни, сущность, требовала своего продолжения. Какого именно, до этой самой минуты он еще даже не догадывался, а строил только неконкретные планы. Например, каким образом для начала получить диплом о высшем образовании...

– Я не открою для тебя секрета, если скажу, что при поступлении в военное училище необходимо иметь здоровье и фундаментальные знания. Или деньги, – продолжал Власенко. – Тем более, в такое, как училище тыла внутренних войск. Для тех, у кого их нет, этих дензнаков в достаточном количестве, существует еще один проверенный способ – так называемый, блат. Вот, я и хотел тебе предложить свои услуги. Они будут для нас взаимовыгодными. Я верну долг, таким образом, а ты сможешь успешно продолжить свою жизнь...

– А как? – только и смог спросить Сергиенко.

– Очень просто, батенька! Заместитель начальника этого, самого элитного в системе училища, мой товарищ. Кстати, перед самым нашим разговором я еще раз набрал его по телефону и спросил о вероятности его участия в твоей судьбе. Он все подтвердил и с радостью примет тебя под свою опеку! Ну, так как?

Виталий не знал, что и ответить. С одной стороны ему было очень жаль своих денег, которые он, по всей видимости, так уже и не увидит... С другой, он слышал от молодых офи-

---

<sup>21</sup> Дневальный у тумбочки – место часового по казарме, как правило, располагалось рядом с внутренним телефоном для аппарата которого, как раз, и предназначался этот предмет мебели.

церов приходивших в часть по распределению о том, что в это училище тыла поступить без протекции невозможно. Об этом учебном заведении знали все и все хотели в него поступать, если бы не... Вот эти самые обстоятельства сейчас ему и обещал сделать приятными этот, становившийся с каждым днем не возврата долга все ненавистнее, человек.

– А подумать...

– Нельзя, Виталенька! Прием документов заканчивается через неделю!

– Тогда все равно я не успею...

– Успеешь! Я помогу! Кстати, я это делать начал немного ранее, догадываясь о том, что тебе такая моя идея понравится. Уже и рекомендация командира части готова, а это, заметь, самый основной документ. И характеристика... Ты думаешь, легко было мне красиво расписать твоё нежелание после окончания сержантской школы быть младшим командиром? Тот... Ты, Виталик, будешь должен только собственноручно написать рапорт и... отдать мне мою расписочку...

– А если я не поступлю? – Сергиенко смотрел прямо в глаза майору. – Если меня там никто, как вы обещаете, не встретит? Что тогда?

– Ты хочешь расписку мне отдать после поступления? Хорошо! Только тогда я вправе попросить тебя не брать ее с собой.

– Как это?

– Придумать можно все, что угодно. Например, положить ее в запечатанном конверте в надежное место...

– В банк что ли?

– Можно и туда, но это лишние затраты. Легче в камеру хранения. Как только поступишь, сразу мне вышлешь письмом или телеграммой шифр. Надежно и всего за пятнадцать копеек!

– А кого готовит это училище?

– Самое главное, что если ты не захочешь служить, твой второй диплом дает тебе все шансы устроиться на гражданке. По твоему второму диплому ты будешь инженером-автомобилистом-экономистом...

– А что это за специальность?

– Сейчас самая актуальная! Знаешь, как сейчас расцвели станции авто технического обслуживания? Старые иномарки хлынули в страну как сель! Их отремонтировать-то надо! А это, я скажу тебе, очень прибыльное дельце! Еще ты будешь в экономике и банковской системе чувствовать себя как рыба в воде. Ну, так как?

– А где от нас ближайший вокзал?

– Понял... ты же у нас не единого раза не был в увольнении и, значит, на обыкновенном железнодорожном вокзале! Поехали, я тебя проведу!

– Я бы хотел сам...

– Да, да, понимаю... Какие вопросы! Пожалуйста! Я не обижаюсь, а только завидую твоей, Виталенька, хватке!..

Ровно через месяц Виталий Сергиенко уезжал в далекий Барнаул. Туда, откуда пришло извещение, подписанное начальником военного училища, о том, что он принят на авто технический факультет вне конкурса.

Четкий отпечаток гербовой печати не оставил у него сомнений в подлинности этого письма и поэтому, не смотря на свои твердые принципы, полугодичной давности расписку он отдал майору Власенко лично в руки. Лист бумаги был сожжен у него же на глазах в пепельнице на столе. С растаявшим в воздухе дымком от этого майора он более не услышал в свой адрес не единого слова. Словно, они и не были знакомы друг с другом столько времени.

Еще через четыре года Виталию Сергиенко было присвоено звание лейтенанта. Годы учебы стали для него только этапом повышения своего интеллектуального и физического уровня. Только приказав самому себе и проявив всю силу воли, Сергиенко не единожды не

прикоснулся к своим сбережениям ради их преумножения. Хотя, не раз случаи для продолжения, начатого на срочной воинской службе у него были. Он тратил заработанное только на усиленное питание и книги. Всех его накоплений хватило только лишь на это. Без остатка. Свою часть во взводном выпускном ящике шампанского Сергиенко без сожаления подкрепил своими последними, еще, казалось, пахнущими «семьдесят шестым» бензином, «четвертным»<sup>22</sup>.

Своему первому месту службы он был безмерно рад. 52-ая Отдельная бригада внутренних войск «обслуживала» не только всю огромную, плотнонаселенную до второго места по этому показателю в Союзе область, в главном городе которой он когда-то родился и вырос, но и с учетом командировок, большинство остальных областных центров, включая и саму столицу.

Не делая глубоких раздумий о своей безопасности а, тем более, о нравственности своих поступков, Виталий с первого дня службы начал делать то, ради чего распрощался когда-то с тремя тысячами рублей. Каждый его выход на службу приносил прибыль. Но пока только мелочь. Чай в зону и записки оттуда могли принести лишь копейки дохода. О настоящем деле, на котором можно было бы заработать настоящий капитал приходилось лишь мечтать. И то, совсем недолго...

Вызов к командиру бригады Сергиенко расценил, как попытку своего начальства направить его, молодого лейтенанта, в самый отдаленный гарнизон и тем закрыть, зияющую там, в штате личного состава дыру некомплекта.

Он ошибся.

Чистый лист бумаги и ручка на столе у подполковника не сулили ему ничего хорошего. Об этом же его опасении подтверждало, и отсутствие приглашения присесть.

– Ты можешь от всего отказываться, но, поверь, лейтенант, факты упрямая вещь. Мы не будем возбуждать против тебя дело... В первую очередь, не хочу этого я сам. Мне, как ты уже знаешь, надо поступать в этом году в академию. Вот тебе лист и ручка. Предлагаю тебе написать рапорт об увольнении... Пиши о любой причине, хоть по состоянию здоровья... Но чтобы уже завтра твоей ноги в казарме или части не было! – голос полковника был обессиленным то ли от физической усталости, то ли от внутреннего напряжения выдержать этот разговор в спокойном русле и не сорваться, набив морду этому молодому негодю в офицерских погонах прямо сейчас, в своем кабинете на портретных глазах молодого Генсека Горбачева.

Сергиенко вначале воспринял эти слова как сами собой разумеющиеся. Он сам прекрасно понимал, что возражать на все услышанное из уст своего командира, хоть смысл сказанного комбригом для постороннего ничего конкретного и не означал, ему не стоит.

Честно признаться, он давно ждал такого конца. Особенно после того, как был арестован рядовой, выносивший по его приказу из Киевского следственного изолятора очередную, но несравненно выше оплаченную всех остальных вместе взятых, маляву. Что там в ней было конкретного, он, кстати, и не догадывался. Какой-то зек подробно рассказывал своему знакомому или родственнику о проделках какого-то Бориса «в больших погонах» на ниве скупки недвижимости. Это было обыкновенное послание с мольбами о помощи обреченного на долгую неволю, какие проходили через его руки из зоны на свободу десятками. Может, о помощи и преступным способом. Каким именно, он не помнил и его это несколько не волновало...

Виталий молча и без так и не прозвучавшего приглашения присел к столу и очень быстро, на одном дыхании, написал рапорт, с требуемым сложившимися обстоятельствами смыслом.

Только уже значительно позже, выйдя из кабинета Сергиенко испытал нервный срыв. Внешне все это выглядело как приступ головной боли и озноба. Для постороннего могло показаться, что у этого сильного и красивого молодого человека разыгрался приступ мигрени. Виталия корчило. Он стискивал голову обеими руками и наклонялся до самого пола. Вскakiвал с

---

<sup>22</sup> «Четвертной» – от понятия четверть сотни, то есть двадцать пять рублей.

места и громко бился головой о стену. В совершеннейшей тишине! Лишь однажды из его горла вырвалось что-то наподобие звериного рыка...

Оставшись наедине в своей комнате офицерского общежития, Сергиенко долго и яростно рвал всю свою форму. На мелкие, какие только было возможно одними руками и зубами, кусочки. Без остатка. Обессиленный, Виталий так и уснул на этой куче разноцветной ветоши.

Виталий помнил, что в областном управлении внутренних дел создается совершенно новое и со специальными функциями подразделение – прообраз будущего тюремного спецназа, основной функцией которого было подавление бунтов спецконтингента и освобождение заложников в местах лишения свободы. Эта работа была для него знакомой. Однажды, во время одной из практик на учебе в военном училище, он две недели провел в спецназе внутренних войск и видел своими глазами, что это такое на самом деле. Правда, вспоминать о тех днях ему особенно не хотелось...

Благодаря воле своего последнего командира, его послужной список так и остался чистым. Следом за ним, судя по всему, не последовало никакого компромата. Чем было еще объяснить то, что его без промедления, как специалиста по автотехнике приняли в отряд? Он был счастлив от того, что оставался близко к службе, которая могла принести изменения в его жизни. Для Сергиенко не было большой обидой даже то, что в начале он был даже простым водителем бронетранспортера.

Времена в стране были суровыми. Бандитствующий элемент поднял голову. Шел процесс перестройки общества и накопления капитала. Любые выяснения спорных вопросов почти всегда заканчивались применением огнестрельного оружия. Так же беспокойно становилось и в зонах, куда во множестве перемещались выжившие в тех разборках на свободе.

Их отряду требовалась современная экипировка: бронежилеты, каски, камуфляж, щиты, пиротехника. Средств в областном Управлении внутренних дел на это все не было. Большинство мест для отбывания наказания осужденными потеряли работу, а вместе с этим и деньги. Заработанных в колониях копеек с большой натяжкой хватало только на мизерную заработную плату личному составу. Отряд специального назначения был на правах пасынка. И поэтому приходилось выкручиваться самим. И часто, охраняя самих же бандитов...

– Есть дело! – радостно и возбужденно сообщил строю командир.

Вышагивая перед шеренгой и потрясая каким-то листом бумаги, майор Страшко рассказывал о том, что «и на их головы свалилось настоящее дело»:

– Вы только представьте! Всего за одну неделю мы сможем заработать себе все, вплоть до приборов ночного видения!

– А на камуфлированную..., – выкрикнул кто-то из строя.

– Тем более! Речь идет о том, что мы будем экипированы не хуже, чем нам показывают в своих фильмах о спецподразделениях американцы!

– А что сделать надо?

– Отохранять один перегон импортных автомобилей. Всего-навсего... Правда, издалека. Поэтому, кто у нас семейный, даже и не рассчитывайте. Командировка длительная...

– А опасная? – продолжался вполне демократический, а не даже не полуармейский, распрос.

– Совершенно нет!

– А почему они тогда к нам обратились?

– Да, перестраховываются, наверное, – неуверенно ответил майор.

Его ужимка, сопровождающая последние слова, вызвала дружный хохот у всех присутствующих.

– ...А вам какая разница!? – смутившись оглушающего раската смеха, стал оправдываться Страшко. – У нас же броня! И с оружием мы ведь выдвигаемся!

– А какова сумма контракта?

Этот вопрос стал последний в ряду прозвучавших. Майор моментально изменился в лице. Весь поджался, вытянув голову в сторону вопрошающего и замерев с прижатыми к груди руками с растопыренными пальцами, отчего стал похожим на попугая на жердочке, выкрикивающего бранные слова:

– А, ты что, Петренко, только за деньгами сюда пришел на службу!? Во-о-т, ненасытный! Все ему мало! А я думаю, что ты так часто на службу выходишь... Считал, что ты такой сознательный!

– А что я один такой? – возмутился Петренко. – Все кушать хотят! А у меня еще и двое детей... Не так, как у большинства!

– Можешь дома сидеть! Сразу говорю: доплат за этот рейс никому не будет!

Все идет в Управление, которое закупит для нас все необходимое...

– Вот, я и говорю, – продолжал высказывать свое возмущение Петренко, – до каких пор будет наше Управление распоряжаться нашими деньгами!?

В строю раздался почти дружный ропот.

– ...Мы своими головами, может, рискуем, а они все наживаются! Вы даже нам не можете сказать сумму контракта! Разве справедливо это!? А, ребята?

– Нет, конечно!

– Нельзя так! – прозвучало несколько голосов в поддержку правдоискателя.

– У нас же чистая коммерция! Кто заработал, у того и должны деньги оставаться! – кричали со всех сторон.

Вначале, как показалось Сергиенко, майор Страшко смутился такому обороту дела. Было мгновение, когда Виталий, даже, чуть не вызвался помочь припертому к стенке выплеснувшимся недовольством офицеру. Он-то сам все прекрасно понимал и был готов помочь, было растерявшемуся его очередному в этой жизни командиру. Но Сергиенко, в который раз ошибся. То, что он принял за растерянность, было лишь заманиванием недовольных жизнью в западню. Страшко лишь делал вид, что очень расстроен услышанным. На самом деле он выжидал, пока откроются рты всех желающих высказать свое недовольство. И ответил строю точно такими же словами, которые остались на устах у Виталия:

– Дорогие мои, вас сюда никто не звал, и если вы не понимаете того, что только мы, кому законом разрешено ношение боевого оружия, в состоянии удовлетворить требования коммерсантов, можете быть свободными! Вам деньги, и не малые, в то время, когда большинство рабочих на заводах города вообще не получают зарплату, платить просто так никто не собирается, понятно!? Кто не хочет рисковать – пожалуйста, рапорта на увольнение завтра же мне на стол!

– Кому это? – вновь спросил, но уже испуганным голосом Петренко.

– Всем тем, кого я сейчас не зачитаю в списке!

Майор Страшко тут же, не отходя от строя начал что-то, писать в своем записном блокноте. Он совершенно не обращал внимания на истерические выкрики своих подчиненных, старающихся вызвать своего командира на откровенный разговор о «мизерной зарплате и работе без выходных». Их голоса упрощали его работу. Не поднимая головы, он заносил в список только тех, кто сегодня в подчиненном ему строю промолчал. И уже через несколько минут совершенно спокойным голосом объявил приказ:

– Равняйся! Смирно! К мероприятию готовиться Сергиенко, Клименко...

На очередное задание выдвигались рано утром, когда еще не рассвело. Подобные мероприятия случались в размеренной жизни областного тюремного спецназа и ранее. Но никогда, сколько здесь проработал Сергиенко, они не собирались в дорогу так тщательно. В этот раз даже водителям пришлось перебирать и чистить закрепленные автоматы. Близость к оружию навела у Виталия невеселые раздумья.

В возглавляющем колонну спецназа БэТээРе под управлением Сергиенко ехали основные действующие лица: командир группы охраны майор Страшко и представители обслужива-

емой спецназом фирмы. Виталий не настолько был занят управлением транспортного средства, чтобы не слышать сквозь шум ревущих почти на максимальных оборотах спаренных двигателей разговоров руководителей этого мероприятия. Тем более, на голове его отсутствовал шлемофон.

– ...Как, зачем охрана?! – возмутился на вопрос Страшко самый главный клиент. – Вы что не слышали, какой ужас случился в этом месяце?! Причем, на этой же трассе! Мы решили, что не стоит экономить на собственной безопасности! И даже десятую часть предполагаемой прибыли...

Произнеся эти слова, руководитель фирмы покосился в сторону водительского кресла. Перехватив и поняв смысл этого взгляда, Страшко жестом успокоил своего заказчика, мол, там все в порядке.

– ...Я и говорю, – продолжал руководитель, – что мы не обеднеем, выплатив вам эту сумму, – хлопая себя по боковому карману спортивной куртки.

– Я извиняюсь, Сергей Сергеевич, – заискивающим тоном спросил Страшко, – а когда именно?

– Как когда? Как и договаривались – когда все вернемся домой в целостности и невредимости! И, главное, доведем караван...

– А в порту долго придется ждать? – продолжал уточнять детали операции.

Страшко.

– Я точно не знаю... Как получится. Да не волнуйтесь вы так! За каждый час простоя вы получите свое по договору! – очень раздраженно ответил, как было уже известно Виталию, Сергей Сергеевич.

Между вот такими, неконкретными по своему смыслу, несколькими фразами, на долгие часы наступала полная тишина. Каждый сидящий только смотрел куда-то в сторону и молчал. Дорога изматывала каждого незаметно. Когда стало совсем жарко, руководитель фирмы снял с себя куртку и остался в одной футболке. В зеркальце заднего вида Сергиенко рассмотрел тело этого молодого человека. «Ого! Почти как у меня мясо накачанное!», – подумалось тогда Виталию при виде спортивного телосложения этого молодого человека.

Эта гармония физического здоровья, коммерческой хватки и жизненной удачливости незнакомца очень пришлись по душе безвременному отставному лейтенанту. Виталию даже стало немного грустно от того, что нахлынуло на него в те минуты. В его мозгу пронеслось всего на одно мгновение, что на месте этого молодого и преуспевающего бизнесмена мог бы сидеть именно он...

Еще Сергиенко по дороге любовался тем, как их колонну, состоящую из бронетранспортера и трех «УАЗиков»<sup>23</sup> провожали взглядами сотрудники автоинспекции, во множестве встречающиеся на их маршруте. Гамма чувств при виде бронированной техники моментально отпечатывалась на лицах стражей порядка. От страха и полного непонимания происходящего, вплоть до подобострастного почитания и уважения. Все это Виталий успевал рассматривать в узкие смотровые щели и особенно его радовало то, что на некоторых постах, им, остающимся неизвестными, даже отдавали честь! За весь многотысячный путь их колонну так ни разу и не остановили для проверки документов.

Одесса встретила их южным «гостеприимством» – со слов заказчиков ждать конвою разгрузки довелось до самого вечера. По этой причине Сергиенко впервые в жизни побывал в самом центре этого южного, со славной историей города! Оставив своих сослуживцев у портовых ворот и не говоря никому, чтобы не рассмешить, о своей цели, он в одиночестве побрел пешком на набережную.

---

<sup>23</sup> «УАЗ» – автомобиль повышенной проходимости производства Ульяновского автомобильного завода.

С замиранием сердца он приближался к этому, самому желанному в этом не маленьком городе для него месту. И от неожиданности даже остолбенел! То, что представлялось ему из телевизионных программ внушительного вида, сейчас ежилось перед ним во всей своей микроскопичности и полной нереальности всех его, вместе взятых представлений об этом месте! Тельце Ришелье над Потемкинской лестницей повергло Виталия в шок! Такого он не ожидал увидеть никогда! Для верности он еще раз обвел взглядом это место и даже потрогал все руками: и самого основателя, и ступени лестницы, уходящей к морю, и пушку, захваченную у французов, и одну колонну горсовета. Вздогнув от громкого боя курантов над головой, немного ошарашенный Сергиенко направился к обложенному лесами зданию театра и еще далее к огромным, видимым издалика, куполам какой-то незнакомой ему церкви...

В обратный путь выдвинулись около часа ночи. То, что им приходилось конвоировать на обратном пути, представляло собой внушительного вида автомобильную колонну, состоящую из нескольких десятков импортных автомобилей. Откуда пришли все необходимые своим числом водители для управления всем этим парком так, и осталось для Сергиенко секретом.

Колонну, как и в начале, возглавлял управляемый им броневик. По мнению организаторов, именно бронемашина у всех желающих должна была вызывать трепет и уважение.

Шли на предельной для БэтээРа скорости – около девяносто километров в час. На таких оборотах двигателей в салоне слышно более ничего не было. Голова даже у привыкшего к такому шуму Виталия разрывалась на части! Что уже было говорить обо всех остальных.

Фирмач-крепьш с первых минут их обратного марша сидел, сильно сжав уши ладонями. Папка с документами, которую он не выпускал из рук в начале пути, сейчас лежала у его ног на полу, сразу за спинкой водительского кресла. Тела всех пассажиров покачивались в такт колебаниям корпуса бронетранспортера.

Сразу за Волновахой приближался крутой спуск, а за ним такой же крутизны затяжной подъем. Чтобы не потерять на нем скорость, Виталий выжал из своего четырехосного аппарата все сто...

Этот звук вхождения в броню кумулятивной гранаты показался Сергиенко тихим щелчком, следом за которым его руки, лежащие на рулевом колесе, ощутили сильный толчок. В спинку его кресла вонзилась многотонная плита взрывной волны, отодрав сидение вместе с его телом от пола. Уже отражаясь от приборного щитка, в его голову пыхнул жар огня. Эту волну пламени Сергиенко встретил всем своим лицом, влетая в него и расплющивая кожу о сталь от удара сзади. Почему-то стало холодно. По всему его телу поползли мурашки. И это, не смотря на то, что его глаза четко видели, что он горит! Весь! От самых ног и до головы! Он слышал треск своих вспыхнувших волос и видел, как кожа на его руках стягивается, чернеет, подымается волдырями и лопается. Но сознание еще долго не покидало его тело. Когда Виталий оторвался от металлической стенки, к которой его приклеило взрывом и чуть позже температурой, он впервые оглянулся назад и посмотрел в салон бронетранспортера. Насколько мог смотреть сквозь пламя и дым. Не прикрывая глаз потому, что это было уже делать нечем. Вся кожа его лица вместе с широкими бровями и густыми ресницами осталась висеть, с каждым новым мгновением уменьшаясь в размерах, на раскаленной приборной доске... На каком-то автопилоте Виталий стал перемещаться к тому месту, где факелом горел директор фирмы. Но прежде чем попытаться усесться на его место, Сергиенко одним движением схватил обеими руками чужое и тоже почему-то холодное туловище, швырнув его на свое место водителя. Туда, где более всего бушевало пламя. Еще он перед тем, как потянуться к ручке боковой аварийной двери и наконец потерять сознание поднял с пола папку на черной коже, которой прочел «Якорь надежды». Прикрепленные к уже обуглившейся коже золоченые буквы, как и его все тело, лизали языки пламени...

Именно с того самого дня, когда он потерял свое настоящее имя, Сергиенко не садился более за руль. Любого автомобиля, своего или, тем более, чужого. Он, просто, боялся это

делать! Как и многое другое из своей прошлой жизни... Сейчас, после своего удачного избавления от чеченцев, он пересилил себя и впервые за три года прикоснулся в черной коже рулевого колеса от чего все тело без остатка пронзил холод. Точно такой, как тогда...

Он вслух ругал своего водителя за то, что тот так далеко оставил «Джимми». И по пути к этому месту чуть не потерял сознание. Эта странная волна поднималась откуда-то из глубины его тела и полностью лишала его рассудка, уничтожала без остатка волю и превращала в слабого, больного и беспомощного карлика. Охвативший его ужас еще более усиливался невольным созерцанием этой знакомой дороги, на которой за прошедшие годы, прошедшие с той памятной ночи, ничегошеньки не изменилось. Виталию казалось, что сейчас в его голове прокручивается киноплёнка! Ведь он запомнил все на ней до последнего камушка и ямки! До того самого момента взрыва за своей спиной...

Когда Хохряков, наконец, остановился и сделал знак, что они уже на месте, Сергиенко-Колиушко чуть не выпал из салона, до такой степени он хотел покинуть это ненавистное и страшное место! Но ему ведь предстояло ехать и рулить еще до самого конца! Кто же знал, что Виктория заинтересуется его водителем и, более того, он полностью подойдет ей...

– Дурашка! Он думает, что ему платят по штучке в месяц за его одно шоферство..., – процедил сквозь зубы остатками губ Сергей Сергеевич и тяжело вздохнул.

## Глава V

Кладбище казалось пустынным и навевало своим видом грусть. Не от того, что здесь нашли свое упокоение столько людей, что и не сосчитать. Грустно становилось от вида этого последнего в жизни, здесь лежащих, пристанища.

Единственные перед глазами живые существа, редкие в ветвях вороны, сохраняли полное молчание. Им было все давно здесь привычно. Это место сейчас было полностью покинутым людьми. Не сезон.

Высеченные на камне и увековеченные в фотоснимках лица на надгробиях только усиливали полное одиночество любого живого существа, кто сюда попал. От могил тянуло совсем не вечностью. Все они, вместе взятые, излучали зыбкость человеческой жизни и ее пустоту. Пятна ржавчины, отстающая коржами масляная краска на старых и покинутых могилках. Частые островки царства запустения, когда холмик полностью скрыт в траве и забвении. Покосившиеся от времени и отсутствия памяти у людей кресты. Если все так заканчивается, одним камнем и горсткой печенья на день очередной годовщины, стоит ли вообще топтать эту землю!?

Старший следователь районной прокуратуры Борис Тищенко стоял напротив свежескопанной могилы. Пока в некотором отдалении. Почти скрытый деревьями от единственной к этому месту дороги. В плаще с поднятым воротником и руками в карманах он сам своей неподвижностью казался памятником. Он приехал сюда намного раньше того времени, на которое было намечено погребение очередного тела. К тому же, интересующий его ритуал погребения, по всей видимости, задерживался еще и по объективным причинам. У Бориса Олеговича еще оставалось время поразмышлять...

Кем бы он сейчас был, если бы ему не довелось служить в том самом месте? Наверняка, не простым трактористом, и не скотником. Минимум на что сгодились бы его способности было бригадирство, а то и замещение руководителя его родного колхоза! И все... Это был бы максимум в его отдельно взятой жизни. Без никакого преувеличения, если бы не место, куда он попал служить срочную.

Полк министерства внутренних дел в самом начале службы казался не самым лучшим местом в советской военной машине. Своей муштрой и постоянным вбиванием своеобразного понимания дисциплины, изредка разбавляемыми участием в оцеплении торжественных событий и празднично-спортивных мероприятий.

Тогда, находясь под трибунами с руководителями партии и страны над своей головой, Борис впервые понял, что власть в руках не только у физически сильных людей. А еще большая по степени власть у тех, кто имеет право быть начальником. Ну, и что, что он стал младшим сержантом вместо парня, как его фамилия?... Уже и забыл! Это тогда его мучила совесть. Сейчас уже нет... Тем более, даже тогда, никто не сомневался в том, кто именно украл из оружейки снаряженный магазин. Да, именно тот, у кого его и нашли! Все было просто! Отпечатки пальцев снимать никто и не подумал... Почему именно автоматный магазин? Так вышло... Так случилось. Хотя, могло быть подброшено в тумбочку, все, что угодно.

Это была первая в его жизни должность, дающая власть! Поэтому он помнит те дни до сих пор в цвете! Какая радость переполняла его сознание, когда по его одному слову падало и начинало отжиматься от земли целое отделение! Или как забыть ту лесть, с которой он стлкнувался каждую неделю при подготовке списка к выходу за забор воинской части в очередное увольнение. И даже от тех, кто был его ровесником. Не говоря уже о тех, кто был старше! За ту, первую в своей жизни власть, он держался зубами и делал все, чтобы ее сохранить! Заставлял, унижал, бил и угрожал, льстил и подлизывался. Но добился своего и стал заместителем командира взвода! Правда, не надолго... Жаль, что он больше не встретил того паренька, который не побоялся его угроз и все-таки нажаловался командиру.

Оставшийся после того случая на его плечах внешний атрибут власти в виде широкого шеврона старшего сержанта на погонах, уже было не то... Он даже несколько раз срывался на старое, но в ответ уже слышал от всех без исключения «пошел ты...». И ничем уже ответить не мог. Хотя до сих пор помнит лица всех своих обидчиков!

Но тогда грустить не пришлось долго, так подошло время увольняться. И как его оставили тогда дослуживать в своей части? Когда командир ушел на повышение, новый не стал вспоминать былое и внес его, Тищенко фамилию в список достойных для поступления на юридический факультет университета. Хотя, он тогда совсем не догадывался, какой это большой шаг к достижению еще большей власти над людьми.

Учиться было тяжело. Десятилетка в его родном селе вообще не оставила следов в его голове в виде каких-либо знаний программы курса средней школы. Поэтому он быстро приспособился и стал уже сам лебезить и унижаться перед более умными и настойчивыми в обучении. Физическая сила его здесь уже была лишней и бесполезной. Возможность готовиться к экзаменам и зачетам рядом с успевающими стала для него единственным шансом получить диплом! И он воспользовался им на все сто! Даже на двести процентов, когда по распределению он попал в органы прокуратуры.

Это был его звездный час и день! Надев погоны помощника районного прокурора, Тищенко вспомнил, все то, что оставила в его сознании армия. Умение подставлять и рваться к более высоким должностям по головам коллег было у него развито от природы! Он это понимал и не стеснялся называть самому себе вещи своими именами. И если раскрыться в полную силу раньше, во время службы в армии, ему не позволили обстоятельства, то какой был здесь, в прокуратуре, фронт для его деятельности!

Первой его «грядкой» стала функция бдить за законностью в районном отделе милиции. Не за всей деятельностью конечно! Только выборочно. Но он к этому стремился изо всех сил! Пока он с самозабвением и даже в сверхурочное время, о чем его не просило начальство, перелистывал и перелистывал подшивки с отказными материалами. И он помнил это точно – то, что искал, он нашел на второй же день своей великолепной службы!

– ...И что вы такое выдумали, Борис Олегович? Этого не может быть! – еще смеялись над ним, прокурором, до конца не понимающие глаза этого мальчишки, одного из дознавателей отдела дознания районного управления милиции.

– Вы подумайте хорошенько... Подумайте и потом только ответьте на мой вопрос. Я не тороплю вас с ответом. У вас есть уйма времени, – просил лейтенанта тихим голосом Боря

ответить на свой вопрос «почему постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту причинения телесных повреждений на основании пункта 2 статьи 6 Уголовно-процессуального Кодекса вынесено как «за легкие», хотя, судя по полученным травмам, у потерпевшего были, как минимум, средней тяжести телесные повреждения?».

– Хорошо, я подумаю... – многозначительно посмотрел тогда ему в глаза лейтенант. – Когда к вам можно прийти с ответом?

– Да, хоть завтра! – уже, в свою очередь, улыбался понятливому молодому человеку Тищенко.

«Раздумья» того лейтенанта материализовались в первые на новой должности триста долларов, что стало первым ощутимым проявление его нового властного положения.

Все последующие смешались в один общий и тоже цветной клубок и не имели для Бориса сейчас конкретных следов в памяти. Да и в любых остальных проявлениях тоже. Борис осторожничал и все заработанное своей должностью, в основном, копил, дожидаясь того времени, когда о всех этих деньгах у него никто ничего не спросит.

Копил до тех пор, пока не понял, что деньги в чулке теряют со временем свою ценность. Но как было возможно во время, когда все правоохранительные органы, возглавляемые его родной прокуратурой, начали бороться с коррупцией!?

Ответ пришел сам собою во время прокурорской проверки факта очередного прекращения уголовного дела. Одна гражданочка жаловалась Борису на свою родственницу, которая отказывалась бесовестная и неблагодарная выселяться из ее собственной квартиры:

– Понимаете, – в очередной раз пыталась раскрыть прокурору на приеме граждан суть ситуации потерпевшая, – эта квартира приобретена на мои личные сбережения! Но потому, что у нас такой закон о невозможности иметь в собственности два и более дома или квартиры, я оформила куплю этого домика своей покойной тети, царство ей небесное, на имя своей племянницы, понимаете? А когда я расхотела жить в городе и отдала свою квартиру сыну с невесткой, то племянница отказалась меня впускать в тот дом, понимаете? Помогите мне, пожалуйста, родненький! – умоляла представителя власти та женщина, руки у которой были изрыты глубокими, с въевшейся землей, трещинами и морщинами.

Борис еще долго кивал головой. До тех пор, пока и сам все не понял. Это было сложное для его понимания, гражданско-правовое дело и поэтому он, чувствуя, «что в нем что-то есть и для него самого», долго продолжал прикидываться «не улавливающим все детали».

– Вот, и хорошо, что вы ко мне обратились! Это здорово! Правильно сделали! – без устали хвалил Тищенко женщину за ее безмерную глупость. – Конечно, поможем! Вы только все это письменно напишите и завтра мне принесите!

– Конечно, миленький! Напишу и принесу! Дай Бог тебе здоровья!

Записи об этой встрече в журнале учета лиц, обратившихся на прием в прокуратуру Борис Тищенко не оставил...

Как не оставлял следов о своих прокурорских наблюдениях по еще многим и многим делам, результаты которых были, мягко говоря, неоднозначными. И никто бы его и никогда не укорил за «недосмотр». Подумаешь, не заметил нарушения! Ну, и что! За это никакой ответственности предусмотрено не было. Он только снимал с этих дел копии и встречался с заинтересованными людьми. И получал за эти копии не только одни устные благодарности. К тому же Борис грешил еще одним. Он никогда не жалел средств и времени на ксерокопирование и всегда делал две, а то и три копии, только одна из которых всегда превращалась если не в деньги, то уж всегда, поверьте, в необходимые услуги. Свой архив «на всякий случай» Тищенко обрудовал в своем родном селе, выкопав под старым орехом в поле, где много лет тому назад пас родительских коров, ямку, в которую и поместил старенький сейфик, подобранный когда-то родителем на школьном дворе в ворохе металлолома, обвернутый в кусок рубероида. Обнов-

ление архива происходило не реже его наездов к родителям за продуктами. А иногда чаще, если возникала такая необходимость...

Всю ночь он размышлял над услышанным, пытаясь выстроить из этих слов-кирпичиков что-то для себя определенное. И долго не мог справиться с этой задачей. Он догадывался, что схема приобретения недвижимости с доверенностью на родственника, есть выход и для него самого. Но как именно все осуществлять он еще точно не знал.

Еще его одно дело свело его с нотариусом Ямкиным. Когда Борис стал задавать ему «нужные» вопросы, о том, «почему нотариус удостоверял договор купли-продажи автомобиля еще до того момента, как продающая сторона получила от покупателей необходимую сумму, в связи с чем одна из сторон оказалась и без автомобиля и без денег», услышал в ответ не только полный расклад о уже не очень его интересовавшем деле, но и такое долгожданное «предложение к сотрудничеству».

Уже через две недели Ямкин сообщил Тищенко о появившейся у него информации относительно «чудесной трехкомнатной квартирki на Липках всего за копейки». Это первое свое вложение в недвижимость Борис тоже помнил как яркое событие. Оформлена эта сделка была на давно умершего человека, паспортные данные которого «случайно» остались у Ямкина, и который перед самой своей смертью выдал генеральную доверенность на право распоряжения этой квартирой не кому иному, а именно Борису Олеговичу. Сделав скромный ремонт и впусив в присвоенную квартиру первых своих квартирантов, прокурор долго и с недоверием перелистывал толстую зеленую пачку уже честно, по его глубокому убеждению, заработанных денег.

Вскоре все это превратилось в конвейер. Жилье то дорожало, то опускалось в цене. Постоянно менялась престижность районов в его большом городе. Изменялся курс основной валюты в государстве. Все эти обстоятельства не оставляли Борису Олеговичу и свободной минуты! Все свои наличные средства он моментально вкладывал в дело и продавал, продавал, продавал, покупал, покупал... Он был целиком поглощен руководством своей, уже не малой, империей недвижимости. Но, одновременно, Борис был уверен и в том, что всецело теперь зависит от одного-единственного человека, который при желании мог одним письмом или устным заявлением сделать его не просто нищим, а уголовно-наказанным!

Это понимание пришло к нему внезапно и оглушило Тищенко своей убийственной простотой. Он давно стал замечать некоторое охлаждение к его проблемам со стороны Ямкина. То в очереди ему приходилось стоять, то нотариус неожиданно перед самым его появлением, согласованным до этого по телефону, исчезал из своего офиса по неотложным делам. Ему срочно было необходимо что-то предпринимать. Борис не мудрствуя лукаво, просто взял и съездил не по графику к своим родителям, достав из ямки в поле нужную копию трехлетней выдержки.

На ту встречу с Ямкиным он ехал с легким сердцем и полной уверенностью в своем успехе. И вошел он тогда в шикарный кабинет нотариуса без стука:

– Ну, поговорим, Гриша? Я думаю, пришло время! – он смотрел в глаза опешившему таким тоном нотариусу.

– О чем, милый мой!?! – вскочил со своего кресла и бросился закрывать дверь, отгораживающую его кабинет от помещения с помощниками Ямкин.

– Ты стал вести себя не совсем правильно! И я не понимаю почему! Я что, стал тебе меньше платить за услуги?

Этот вопрос вызвал улыбку на лице нотариуса. Тищенко, не обращая внимания на такое изменение в лице своего собеседника, продолжал:

– Твое нежелание к сотрудничеству в прежнем виде вызывает у меня некоторые подозрения! Гриша я пришел предупредить тебя в том, что если ты не изменишь своего отношения, то я буду вынужден...

– Поднять то старое дело по машинке? Ха, ха, ха! – прямо в лицо громко рассмеялся Ямкин. – Срать я хотел на то дело, понял? Причем, и на тебя тоже! Послушай, что я тебе сейчас скажу, пес! Если ты мне завтра утром не уплатишь тридцать штук долга за все последние квартирники, встретимся мы уже не здесь, а ты догадываешься где! – метал гром и молнию взглядом нотариус.

Наступила пауза. Боре было стыдно в этом признаться, но он струсил. Но отступить было поздно, практически некуда. Позади его было целое состояние и, главное, его личная свобода. Решение в голову пришло стремительно. Что это было похожем на то давнее, армейское дело с горстью патронов, Боря тогда даже и не вспомнил. Видимо, мысль о самосохранении попала на ту же самую извилину в его голове:

– Хорошо, Григорий Борисович... Прости меня, погорячился. Завтра, так завтра... Я, действительно, тебе должен... И не тридцать а тридцать три, мы же по одиннадцать за бланк договаривались, правда?

Ямкин возражать не стал, внутренне удивившись проявлению такой порядочности со стороны прокурора.

– Тогда, до завтра! – протянул с улыбкой на своем лице руку Тищенко. – Я буду выходить, обязательно перезвоню!

Вернувшись на работу, Борис своим появлением крайне удивил соседа по кабинету. Открывая дверь своим ключом Тищенко застал на своем столе совершенно голую дивчину Танечку, принятую на прошлой неделе в качестве секретаря, которую стоя и довольно страстно имел его молодой коллега.

– Ты хоть, скотина, документы бы со стола убрал!!! – заорал Боря и схватив для задуманного со стола прямо из-под самых соблазнительных ягодич необходимых бумаги, громко хлопнул дверью.

В районном управлении милиции его так поздно не ждали. Заскочив в дежурную комнату, Борис коротко спросил:

– Задержанные есть?

– А кто конкретно вас интересует? – спокойно спросил дежурный майор.

– Все! Я вас попрошу немедленно всех вывести для беседы.

Только с одним мужичком, задержанным по звонку его же супруги за семейную ссору, Борис проговорил добрый час. О чем именно? Это так и осталось тайной для всех.

Еще Тищенко в этот вечер поднялся на третий этаж к оперативникам, откуда вышел совершенно пьяный.

– Что это вы так набрались, Олегович? – участливо спросил у Бориса дежурный.

– Да, так... дельце одно обмывали! Раскрытое...

– Это хорошо! – порадовался вместе с ним майор. – Машина не нужна?

– Не-а! Я так дойду! Погода шепчет!

...Как и договаривались, Тищенко утром позвонил Ямкину по телефону:

– Григорий Борисович, ты извини, я прийти не смогу...

– Что, совсем? Ну, смотри, я тебя предупредил! – в голосе нотариуса, как и в прошлый день, сквозила прямая угроза.

– Да, нет! Ты меня не понял! Долг принесет мой человек. Меня срочно в командировку парят. Так, что, когда приеду, сразу перезвоню! У меня еще одна квартирника наклеивается! – как смог буднично поведал Борис.

– Так бы сразу и сказал... Хорошо, я буду на месте! Когда твой человек придет?

– Как договаривались! Он тоже перезвонит тебе. Все, пока!

Сразу после звонка незнакомого мужчины, сообщившего о том, что везет «бумаги», настроение у Ямкина приподнялось. Еще бы! Теперь, он, во-первых, поставит на свой автомобиль к зиме новую резину, во-вторых, купит новой и самой молодой за его бурную жизнь

любовнице новую шубку, чего вполне хватит для поддержки их отношений, минимум, до весны следующего года, а, в-третьих, закажет себе в городском управлении юстиции бланков-неучтенки!

Ровно в обозначенное для встречи время раздался стук в дверь кабинета.

– Да, да! Входите! – попросил Григорий Иванович Ямкин.

В кабинет просунулся потертого вида, с давно небритыми щеками незнакомец:

– Я принес, как и договаривались! Вот! – протянул он в руки Ямкина сверток из газеты.

Нотариус взял газетный конверт в руки и стал разворачивать его. То, что там он увидел и было уже начал пересчитывать, вначале возмутило его, а когда он догадался, в чем дело, было уже поздно. В его кабинет вламывались оперативники из отдела по борьбе с организованной преступностью, в руках, которых была кинокамера с микрофоном:

– Всем оставаться на своих местах!!! Вы задержаны за получение взятки!!!

Руки оставить на столе!!!

Когда в кабинет вошли понятые, нотариус Ямкин уже сидел на стульчике и с его рук эксперт снимал мазки красящего вещества, которым обильно были политы денежные купюры, завернутые в газету. Затем все изъятое на месте совершения преступления пересчитывали и переписывали в длинный протокол изъятых купюр, что сопровождалось сбивчивым голосом того, кто их сюда принес:

– Я, значит, вчера приходил к нему... А он сказал, что за доверенность нужно принести сверх расценок еще и пятьсот рублей... Вот, я их сегодня и принес!

Слушая эти слова, нотариус Яшкин сохранял полное молчание, спокойствие и, вдобавок, улыбался одними уголками полных губ...

В чужом и далеком городе Борис Олегович сейчас ждал начала похорон того, кто пытался помочь нотариусу Ямкину выполнить данное обещание. Причем, не смотря на то, что его арест прошел без сучка и задоринки. Тищенко не были известны подробности взаимоотношений нотариуса и этого Сергиенко, сгоревшего при исполнении обязанностей вольнонаемного водителя спецназа.

Трагедия случилась в самой высокой точке полета этого разбирательства. Все казалось, было, им учтено. Следователь по делу был свой в доску и сообщал о каждом вздохе Ямкина за стенами СИЗО<sup>24</sup>. Оперативники из следственного изолятора тоже старались во всю свою прыть, окружив нотариуса плотным кольцом «внимания» из камерных осведомителей. Сколько он им отнес коньяку, теперь и сосчитать невозможно! Только с их помощью и была пресечена та, последняя попытка Григория Борисовича отправить из стен следственного изолятора записку – свою явку с повинной.

Это признание по идее должно было вообще не пересекать стен СИЗО. Но, благодаря трудно прогнозируемому вмешательству, теперь уже покойника-Сергиенко, записка ушла из-под носа контролеров и оперативных уполномоченных.

Когда до своего кума достучался однокамерник Ямкина с сообщением о том, что огромная малява ушла на свободу, было уже почти поздно. Спасло ситуацию только то, что Тищенко были известны адреса тех, кому Ямкин мог послать свое признание. Там-то, у дверей квартиры родного брата нотариуса и был остановлен с поличным солдат срочной службы внутренних войск. Этот рядовой вообще не отпирался и после первого же вопроса рассказал все. Включая фамилию человека, который послал его отнести записку и кому он должен был вернуть деньги.

Его предложением тогда было брать лейтенанта с поличным. Но командиру части, в которой служил Сергиенко нельзя было марать свой послужной список. Боевой полковник рвался на учебу в академию. Это стало объективной причиной спасения лейтенанта. Но не навсегда же!

---

<sup>24</sup> СИЗО – следственный изолятор.

По глубокому убеждению Тищенко Сергиенко должен был ответить за содеянное. Как именно, опыта ему было не занимать. Уж, больно убийственная для его карьеры информация была начертана Ямкиным в том письме на свободу!

Сегодня он ждал свидания с этим человеком. Первым и последним. Что-то непонятное потянуло Тищенко на эти похороны. Во вред многим его делам. Не понимая до конца своего порыва, Борис объяснял свое здесь присутствие только своим желанием увидеть все своими глазами. И еще ощутить радость оттого, что его враг повержен. Навсегда...

О приближении процессии свидетельствовал пока еще далекий звук двигателя автобуса. Старенький автобус-катафалк надрывно ревел на далеком подъеме перед кладбищем. Тищенко подошел вплотную к толстому стволу дерева, делающего его невидимым с дороги.

Все участники похорон уместились в двух автобусах и трех легковых автомобилях. Когда двигатели были заглушены, только из последнего, шикарного «Крайслера» никто не поспешил выходить.

Кто именно сидел за затемненными стеклами ему, работнику прокуратуры, было не видно. Борис уже хотел выходить из своего укрытия к собравшимся, но это последнее обстоятельство заставило его остаться на месте. Скорее всего, это был уже его профессионализм. Между ним и автомобилем было не более трех метров.

Передняя пассажирская дверь не гармонирующего с местным пейзажем шикарного автомобиля открылась только тогда, когда гроб с телом покойника был установлен на подставках у ямы. Из автомобиля выглянуло очень симпатичное женское личико. Уже по его выражению Тищенко стало понятным, что приехавшая на «Крайслере» молодая женщина очень огорчена происходящим. Опущенные уголки губ, морщинки на лбу свидетельствовали об этом. Еще ее глаза были именно в том прищуре, который безошибочно выдавал ее мысли. Женщина изучала все происходящее в этом месте. Как и он сам...

Женщина обернулась к кому-то в салоне и что-то негромко сказала. Ее слов Борису было не слышно. Она, грациозно вытянув обворожительные ножки, покинула салон и осторожно обходя грязь, медленно двинулась в сторону родственников погибшего. Ее одна рука была в кармане кожаного плаща, во второй был большой букет. Курносая головка гордо закинута вверх. Но в ее осанке и движениях не было и намека на подавленность и печаль!

Не доходя с десятков шагов до самого места погребения, женщина остановилась и стала с еще большим интересом наблюдать за происходящим. Она замерла и долго не делала не единого движения. Тищенко смотрел на нее и все понимал. Ее одинокая фигура олицетворяла вторую, отдельную от основной, группу прощающихся с прахом. Именно так показалось тогда Борису.

На женщину никто не обращал внимания. Все были заняты прощанием с усопшим. Служивцами покойного даже было сказано несколько речей, междустрочный смысл которых сводился к одному: как здорово, что они не попали с ним на то, ставшее последним, задание.

И расходились от могилы все даже не поднимая на нее своих глаз. Вроде, этой посторонней женщины и не было на их пути вовсе!

Уже когда все для нее чужие расселись по своим местам и были заведены двигатели, она, не оборачиваясь назад, стала медленно подходить к свежему земляному холмику. Еще немного подождала, пока кладбищенские рабочие подравнивали могилу.

Долго стояла, когда осталась уже одна. Резко наклонилась и положила свой букет над тем местом, где глубоко в земле должны были быть ноги только что захороненного. Ее букет на могиле тоже был отдельно от других! И еще стояла с десятков минут, пока ей не посигналили из ее автомобиля. Не обернулась на первый призыв.

Только после второго, более настойчивого, резко обернулась и зашагала обратно. Подойдя к автомобилю, резко распахнула дверь и громко, вызывающе сказала:

– А я знаю! Это он! Он!!!

– Садись, пожалуйста... – попросил спокойный мужской голос. – Пусть остается все, как ты считаешь правильным...

Тищенко вышел из оцепенения только когда уже перестал ощущать запах выхлопа дорогого бензина, отдающего абрикосовой косточкой. Следователь прокуратуры однозначно понял, что он стал случайным свидетелем чужого признания. Хотя слова той женщины не были прямым доказательством его неожиданного предположения, отмахиваться от них, как от беспочвенных ему было нельзя. Он чувствовал это. Поэтому машинально запомнил номерной знак «американца» на котором уехала незнакомка.

Борис вышел из-за своего укрытия, за которым его так никто и не заметил. Медленно стал приближаться к свежей могиле. Сырая глина на холмике почему-то напомнила ему детство. Точно из такого цвета глины был построен и дом его родителей. Как и большинство домов в его селе, в строительстве которых он часто принимал участие, вымешивая со своими друзьями голыми ногами глину, смешанную с соломой и коровьим навозом для лепки саманных кирпичей.

Здесь пахло свежевскопанной землей и еловой хвоей возложенных к могиле венков. На вершине холмика с черной ленточкой на углу стояла черно-белая фотография погибшего. Виталий Сергиенко на этом увеличенном с маленького фото и поэтому крупнозернистом и нечетком, улыбался.

Борис несколько минут стоял, осматривая место захоронения. Оно было обыкновенным. Кроме одной-единственной детали – того букета, лежащего особняком от всех остальных. Он присел на корточки рядом с этими, почти черными великолепными розами. Их было ровно десять штук. Среди нераспустившихся головок белел лоскуток картона.

Тищенко даже отдернул свою руку, так громко в кладбищенской тишине прозвучал хруст дорогого оберточного целлофана. На прямоугольнике размером с обыкновенную визитную карточку было вытеснено всего два слова: «Тебе, любимый...».

Привставал Борис уже одновременно пряча эту записку к себе в карман плаща.

По пути к своему автомобилю, оставленному у входа на кладбище, он уже ни о чем не думал, кроме одного: кого именно сегодня похоронили на его глазах. От мысли о том, что его недруг мог не оказаться в этой могиле, а вместо него был захоронен кто-то другой, рвало на части его, было уже утихомирившееся самолюбие.

Когда Тищенко садился в свой автомобиль он уже знал план своих дальнейших действий. Перед этой новой загадкой все остальные проблемы отодвигались на второй план. Его подсознание учуяло поживу. Оттуда, из своего рабочего кабинета, постижение этой, засвидетельствованной им лично на одном из многих донецких кладбищ, двусмысленности казалось ему пустяковым делом.

## Глава VI

В их город они примчались быстро. По крайней мере так показалось Хохрякову, несмотря на то, что Сергей Сергеевич всю дорогу не ехал, а плелся сзади. На коротких остановках на него было больно смотреть! Он, буквально вываливался из автомобиля. Весь бледный и несчастный.

– Не смотри на меня так... Не видишь, меня укачало..., – с появившимися даже на глазах слезами не просил, а молил Петра его шеф.

– Ничего, Сергей Сергеевич! – как мог, успокаивал своего шефа Хохряков. – Вы ходите немного, но не ешьте ничего...

– Сам знаю! Не в первый раз..., – отмахивался Колиушко и вскоре из-за кустов слышалось сочное извержение блевотины.

Виктория замирала с не донесенным ко рту так и не начатым бутербродом. Забыв о том, что она делает, женщина опускала руку вниз. Красочный кусок семги медленно отрывался от ломтика хлеба и тихо, как осенний лист спал под ноги.

На появлявшегося через некоторое время Колиушко было больно смотреть. Все время красное лицо после этих приступов становилось синюшным. Рубцы на местах самых глубоких ожогов чернели глубокими зияющими дырами.

Петр старался не смотреть в ту сторону, откуда выползал Сергей Сергеевич. Ему было очень неудобно за своего шефа перед этой привлекательной женщиной, в которую он успел уже влюбиться. Виктория, наоборот, в эти минуты подавалась всем телом вперед, навстречу Колиушко. У Петра от ревности перехватывало дыхание, и он еще больше начинал ненавидеть этого человека, забывая о всех данных ранее ему обещаниях...

Когда Петр сделал попытку у дома Колиушко провести своего шефа к подъезду, его усилия неожиданно разбились о категоричный жест:

– Не стоит! Езжай домой! Если понадобится, я тебе позвоню... Еще отвези домой Викторию. Все! – правая рука Сергея Сергеевича, протянутая к груди Хохрякова, означала только одно: «даже и не думай!».

– Я вас только до дверей... – стал настаивать Петр, сделав один шаг к шефу.

Но не успел даже договорить начатую фразу, так как его корпус уперся в железную руку. От неожиданности этого запрета, выраженного в такой не двусмысленной форме, он осекся на полуслове и замер. Он готов был ожидать всего, что угодно! Но только не такую неприкрытую к себе ненависть, «украшенную» злобным оскалом никогда не закрывающегося до конца рта.

Он немедленно отступил и, не говоря более ни слова, уселся в автомобиль. Петр даже не посмотрел, как в свой дом зашел Сергей Сергеевич. И, тем более, не глянул в сторону Виктории. Ах, как жаль! Он бы тогда вообще сошел с ума, прочитав в этих женских глазах, провожавших Сергея Сергеевича, бездонную нежность, почитание и, даже, нечто большее...

– Вам куда? – не поворачивая головы в ее сторону, спросил Петр.

– Поехали быстрее! Потом покажу...

Эти слова Хохряков расценил, как приглашение женщины продолжить ранее начатое. Понравившийся более, чем его «родной» за время дороги «Джимми» резко взял с места.

– Так куда же? – стал уточнять Петр, когда они выкатились на одну из центральных улиц города.

Услышав названный адрес, Петр резко выкрутил руль и тут же, под громкий аккомпанемент клаксонов взбешенных его такой наглостью других, подрезанных им автомобилей, из второго ряда четырех полосной дороги развернулся в обратную сторону. Визг тормозов встречных автомобилей и писк американской резины под днищем управляемой им машины еще долго оставался у него в ушах. На такой его маневр Виктория даже не обратила внимания, продолжая сидеть неподвижно с полуопущенными густыми и длинными ресницами.

– Этот? – Петр кивнул на один из самых красивых во всем городе домов.

– Да... Стоянка под ним... – еле слышно прошептала Виктория.

Рассмотрев в салоне женщину, охранник подземного гаража не стал даже останавливать автомобиль. Они медленно вкатились в подземный объем. Здесь было прохладно и царил полумрак. Петр остановил автомобиль на первом свободном месте. Выключил двигатель. Не убирая рук с руля, посмотрел на Викторию:

– Ты устала?

Женщина в ответ только несколько раз кивнула отрицательно головой.

– Тогда, в чем дело? Мне... мне уехать?

Жест головой повторился в точности с первым.

– Тогда и я тоже буду молчать! – немного переигранно заявил Хохряков, смешно отвернувшись от Виктории.

Его ужимки не привели к ожидаемому результату. Женщина сидела также неподвижно и сохраняла полнейшее спокойствие.

Они некоторое время молчали.

– А ты сможешь убить человека?

Прозвучавший вопрос вызвал у Петра шок по степени более сильный, чем первое им услышанное известие о теракте в Америке.

– Ты... Вы... это серьезно?

– Да. Совершенно.

– Зачем? – Петр стал выигрывать время, чтобы разобраться в происходящем.

– Так надо, – монотонно, без тени эмоций, продолжала Виктория. – Сможешь или нет? Без объяснений причин. Говори, сможешь?

– Ради тебя... Ради того, что было... Наверное, смогу. Да, смогу! – вначале сбивчиво, а затем все увереннее говорил Петр, одновременно приближаясь губами к шее женщины.

Когда он целовал Викторию вначале в шею, а затем в губы, женщина ничем не выразила своего отношения к такому проявлению желания своего недавнего партнера. Она оставалась холодной и неприступной. Такой, что Петру вначале показалось все это странным. Когда же он левой своей рукой слегка приподнял ее правую, не стесненную бюстгалтером, грудь, Виктория уже сама прильнула губами к его лицу.

Все повторилось в точности, как в самом начале их пути.

«Джимми» покачивался своим тяжелым кузовом в такт их движениям.

Вошедший в гараж охранник, проверяя, все ли у давно не выходящей обратно жительницы элитного дома в порядке, и увидев, как плавно раскачивается автомобиль, лишь широко развел в стороны свои руки и тяжело вздохнул, полностью представив все, что происходило за тонированными пленкой и конденсатом от человеческого дыхания стеклами.

Только через час они попали в квартиру на четырнадцатом этаже. Виктория очень долго и старательно плескалась в ванне. Пока женщина приводила себя в порядок, у Петра, было, много времени, чтобы изучить новую для себя квартиру. Он уже стал вспоминать какое именно его охватывает чувство, когда он станет принимать душ в доме своей новой любовницы. Этот момент он почему-то более всего запоминал даже спустя много лет и когда уже не помнил даже имени той или иной хозяйки подобной квартиры.

Незнакомая ванная комната. Всегда незнакомый запах этого помещения. Новый звук льющейся из крана воды. Непривычный запах мыла и шампуня. Незнакомое ощущение прикосновения ткани полотенца. И всегда долгое рассматривание своего тела в чужом зеркале. Словно, и оно тоже появлялось вместе со всем остальным здесь впервые перед его глазами и тоже было новым или, точнее, чужим! И даже полная известность того, что его ждало за этой дверью, не могло Хохрякова заставить в такие минуты торопиться. Он долго продолжал рассматривать себя с ног до головы, будто больше он сам себя уже не увидит или какая-то его часть навсегда останется в этом месте.

Повсюду только незнакомые вещи. Все чужое! Даже дышится через раз. Движения плавные и неторопливые, с оглядкой. Словно, он вор и проник сюда, чтобы что-то украсть. Вот ее постель. В сознании мелькает видение того, чем через несколько минут они будут здесь заниматься. На этом стуле будут небрежно валяться его вещи с трусами на самом верху, демонстрируя всему свету его законченную и бесстыдную наготу.

«До каких пор это все будет происходить? Неужели все так и будет продолжаться из раза в раз? Но, почему!?! Зачем все это повторяется, словно, я на самом деле что-то ворую?», – спрашивал Хохряков сам у себя. И не слышал ответа.

Когда он увидел глаза, а в них прочитал мысли, Петра покорило. Он угадал. Во взгляде Виктории была уже не нежность и не женская похоть! Это был взгляд зверя. Такой же холодный и злобный.

По спине у Петра пробежал холодок, но он пошел на опережение:

– Когда?

– Через неделю. Вот этот человек, – Виктория прошла к одному из мебельных ящиков и достала цветную фотографию. – Только постарайся запомнить, ее ты не получишь!

– Где и во сколько?

Из уст Хохрякова вылетали вопросы, которым он сам сильно удивлялся. Так же, как и своему самообладанию в эти мгновения, казавшимся полным бредом или галлюцинацией.

– Об этом узнаешь позже. От меня. Я тебя найду сама. А сейчас тебе надо уходить.

Возражать и, тем более, протестовать против такого поворота событий Петр не посмел. А требовать всего обещанного ею там, в гараже, он просто побоялся.

Как добирался к дому Колиушко Петр не помнил. Точнее, не мог вспомнить ни марки автомобиля, на котором его подвозили, ни лица того водителя, не, тем более, того, чем он расплатился. Все в его голове перемешалось. Этот винегрет был лишен только одного: понимания всего происходящего. Как не старался Хохряков постигнуть сумасбродность ситуации, в которой он сам и по своей воле оказался, все оставалось на своих местах. Какая-то сила даже сейчас заставляла быть готовым к исполнению приказа убить человека! Все остальное место за этой пульсирующей командой занимала пустота.

Возвращаясь в свой и одновременно чужой дом, он уже не замечал еще больше пожелтевшей листвы на деревьях и под своими ногами. Не видел прозрачных нитей паутины во множестве летающей в сверкающем воздухе. И даже не обратил внимания на синие «Жигули», провожающие его на скорости его пешего шага, в которых он недавно чуть не оторвал переднюю дверь.

Утро началось со звонка будильника. На этот раз Петр не проснулся чуть свет и поэтому ему пришлось, не задумываясь вставать и направляться туда, куда он привык.

Смешанный лес находился в десяти минутах бега спортивной трусцой от его дома. Петр медленно бежал почти не отрывая носки своих кроссовок от асфальта. Отгонять вчерашние, невеселые мысли он старался насильственным любованием природой. Но даже внезапно появившиеся у его ног две белочки не смогли своей резвостью развеять все сомнения. Он ночью спал. Это было бесспорно. Но почему его тело так разбито, что он не может даже наслаждаться пением давно проснувшихся и сейчас во множестве снующих над его головой в ветвях, птиц?

Свежесть утренней прохлады тоже не приносила полного отрезвления. Тогда Хохряков поправил на шее махровое полотенце и усилил темп своего передвижения. Он спешил попасть в то место, где точно мог получить отдых!

Асфальтированная дорожка вскоре привела его в лесную чащу, а тропинка, которую уже нельзя было разглядеть под плотным слоем опавшей листвы, вывела к бассейну.

Это было творение рук неизвестных местных мастеров-интузиастов. Вначале кто-то выкопал яму, укрепив ее стены вкопанными вертикально буковыми или грабовыми нетолстыми бревнами. Ступени на крутом склоне были также украшены плетением из хвороста. У самого края этого лесного бассейна между двух столбов висела табличка, вырезанная по дереву, надпись на которой гласила: «Оставь все заботы и боли за этой чертой!». Бьющие из-под земли прозрачные родниковые струи завершили задуманное людьми.

Об этом месте он узнал случайно, долгое время, бывая в этих местах, но за листвой еще долго не видя этого искусственного водоема. Лишь однажды он случайно услышал веселый женский смех, раздающийся из чащи и, не медля, поспешил увидеть собственными глазами причину такого веселья.

Он вырвался неожиданно тогда из кустарника и так и остался стоять обалдевший. Об отступлении не могло быть и речи! Его тоже заметили и заинтересовались. Самая смелая стала размахивать в его адрес руками и громко, под смех подруг, приглашать к себе:

– Иди к нам, молодец! Что, еще прекраснее стать захотел? С нами сразу помолодеешь! – с каждым своим новым словом подпрыгивала веселушка в воде, демонстрируя свои прелести, украшенные крупными сосками.

Хохрякову было до сих пор, спустя почти год, стыдно за то стремительное бегство...

Петр переступил ту черту в виде доски закопанной в землю. Этим утром он был снова первым. Очень редко его могла опередить какая-нибудь старушка, при виде которой Хохряков старался делать вид, что его появление в этом месте случайно, и он уже уходит. Сейчас же он поспешил обнажиться и с разгона впрыгнул в бассейн.

Как не была вода обжигающе холодной, каждый раз, ныряя сюда с головой, Хохряков ощущал трепет наслаждения. Все его тело охватывала бодрость и желание шевелиться. В прямом смысле этого слова! Ему точно хотелось, выскочив из купели, прыгать, бегать, приседать, таскать тяжести и все такое прочее. Он чувствовал себя после нескольких минут проведенных в этих водах словно заведенным! Точь в точь, как новая заводная игрушка, долго бегающая по кругу после максимального завода встроенной во внутрь пружины.

Наконец, он ощутил то, ради чего сюда спешил. Только теперь он почувствовал то облегчение, которое получал каждый раз в этом, Богом созданном, месте. Но, пробыв лишние минуты в бассейне, Петр опоздал со своим выходом на сушу и поэтому был застигнут врасплох своими тремя подружками по увлечению: двумя Татьянами и Светланой. Эти три девушки, как и он, сам, были завсегдатаями этого лесного уголка. Девушки отличались друг от друга всем: и ростом, и телосложением и, даже, цветом волос. Везде, не только на голове.

Застав Петра в воде, они так обрадовались, что стали соревноваться между собой, кто первой разденется и очутится рядом с желанным мужчиной!

Выиграла соревнование Светлана. Немного нечестно, так как на ней вдвое было меньше вещей, чем у подруг. Мenee через несколько секунд ее пышнокруглое тело уже плескалось рядом с Хохряковым в прозрачной воде. От такой бесшабашности Петр не успел ничего сообразить. И придумать, как вырваться отсюда, не демонстрируя своего тела этим бесстыдницам, тоже. Оставалось одно, плавать в родниковой воде пока эти трое не замерзнут и не уйдут первыми. Но забыл, что замерзнет первым именно он! Жировая прослойка дородных женских тел позволила плескающимся девицам пересидеть его в бассейне. Как он не старался, оставаться в становившейся с каждым мгновением все более нестерпимо ледяной воде он более не смог.

Вылетал он из бассейна, размахивая всем своим достоинством под дикий визг своих знакомых. А куда ему было деваться? Не опаздывать же из-за своего нездорового стеснения на работу? Как оказалось этим утром, наблюдать за оголенными женскими телами было несравнимо более легким делом, чем демонстрировать свое, даже такое, по его собственному мнению, привлекательное! Петр пообещал сам себе, что обязательно пересмотрит такое положение вещей.

Девичий смех он слышал еще долго, пока не вышел из леса. Звуки стремительно покинутого им места встречи растворились в шуме просыпающегося города.

С испорченным настроением Хохряков выкатил автомобиль из гаража на целый час раньше обычного. До встречи с Сергеем Сергеевичем оставалось уйма времени, целых два часа. Просто стоять и ждать Петр не мог. По своей натуре он был жизнедеятельным человеком и поэтому не мог в бездействии подолгу оставаться в статике.

В направлении его движения автомобили отсутствовали. На всей внушительной, в несколько километров, прямой автострады, не было видно не единого автомобиля.

Эта парочка стояла на самом краю проезжей части. И он и она были одеты в полуспортивную одежду. Скорее всего, они отправлялись в путешествие. Молодой, лет под сорок, мужчина с густой щетиной на лице, стоял рядом с ворохом вещей на обочине, а девушка, размахивая обеими руками, пыталась остановить любой автомобиль. По тому, как она нервничала

и от амплитуды частых взмахов ее рук, отчего даже ее ноги подпрыгивали на месте, Хохряков сделал вывод, что они явно куда-то опаздывают.

Петр сделал то, что до этой минуты в этом городе еще никогда не делал. Он круто изменил траекторию своего движения и остановился рядом с протянутой рукой.

Стекло левой двери еще не успело до конца открыться, как в салоне раздался встревоженный, но одновременно, не смотря на скороговорку, приятный голосок:

– За любые деньги в Борисполь! Мы очень опаздываем! Нас подвел товарищ!

Петр, не глядя на часы, соглашаясь, кивнул головой.

– Багажник, пожалуйста... У нас вещей много, – стесняясь причинить хлопоты уже не так резво попросила девушка.

Хохряков второй раз молча кивнул и вышел из салона. Он открыл пятую дверь. Помогать ставить в багажник вещи он тоже не стал. Если бы девушка была одна, тогда бы другое дело. Часть вещей пришлось укладывать в салон. Наконец, все расселись.

– Спешить? – уточнил Хохряков.

– Не понял..., – спросил парень с заднего сидения.

– Я спрашиваю, вы очень опаздываете? – не оглядываясь на голос с заднего сидения, стал уточнять обстановку Петр.

– Да, скорее всего, уже опоздали... Самолет вылетает через сорок минут, а регистрация уже идет давно, – вмешалась в разговор девушка и умоляюще посмотрела на водителя.

– Не все еще потеряно! – пробасил Петр, направляя «Мерседес» в крайний левый ряд. – Иногда ситуации бывают и похуже...

Их движение по автостраде сопровождалось сдавленными возгласами и визгами на особенно двузначных участках. Петр вел автомобиль на грани фола и не делал, пожалуй, только одного: не становился на два колеса. Опешившие гаишники на их длинном пути только провожали их взглядом, даже не сдвинувшись с места.

– Далеко? – поинтересовался Петр, ничуть не надеясь услышать от этих, очумевших от страха отстать от самолета, ребят ответ.

– В Хорватию! – с гордостью в голосе ответила, не смотря на раздавшееся сзади ее предупреждающее покашливание, девушка.

– Она большая. Куда именно?

– Трудно выговариваемое место... Новодольский, так, вроде, правильно будет, да... Саша? – спросила у своего молодого человека девушка так, словно долго вспоминала его имя.

– Да..., – очень неохотно помог своей подруге пассажир с заднего сидения, лицо, которого было невозможно рассмотреть Хохрякову в зеркало заднего вида за стоячим воротником спортивной курточки.

– Я знаю это место. Между Дубровником и Риекой. Правильное его название.

Нови Винодольски.

– Вы там бывали? – в свою очередь стала спрашивать у Хохрякова девушка.

– Да, однажды...

– Ну, и как вам?...

– Люда, не надо! Извините ее! – стал успокаивать свою подругу мужчина.

– Что вы! Мне совсем не трудно! – успокоил его Петр. – Главное, чтобы вы в.

Венецию смотались. Если это случится, считайте, что съездили не зря. Но, вообще, как и в любой поездке к морю, все зависит от погоды. Это если вы любители только валяться, извините, загорать на пляже... Если нет, Хорватия рай для подвижных. Можно автомобиль недорого на прокат взять, можно, просто, заказать экскурсию.

– А куда там можно еще съездить? – набирала нужный объем информации девушка по имени Людмила.

– В первую очередь, на Плитвицкие озера! Красота не описуемая! Но это только после Венеции. Даже если в вашей путевке и нет туда маршрута, сделайте все сами, там это легко. В Загреб обязательно съездите, в ту же Риеку, Пулу... Одним словом, на ваши две недели мест хватит! А вот и ваш самолет!

Когда автомобиль замер у места высадки пассажиров в международном аэропорту из уст туристов вырвался громкий вздох облегчения. Не смотря на длившийся всю дорогу разговор, эта езда была не для слабонервных. Когда парень сзади протягивал Петру несколько скомканных долларовых купюр, Хохряков заметил как сильно дрожат у того руки.

Выгрузка вещей была еще более стремительной, чем осуществлялась двадцать минут тому назад их загрузка. Петр с завистью посмотрел в след этим счастливым молодым, наверное, почти его ровесникам, ребятам, у которых в мыслях сейчас было только приятное. Он был рад, что совершенно случайно помог незнакомым людям продолжить ими начатое и солидно приложился в деле их отправления в путешествие за границу. Хохряков еще раз с удовольствием вспомнил ликующих на лесном озере сегодняшним утром девчат и подумал, что эти двое должны благодарить в первую очередь именно обоих Тань и Свету, а не его...

Колиушко был сегодня озабоченным чрез меру. Усевшись на задний диван, он даже не стал разговаривать с Петром, а сразу углубился в какие-то подсчеты. То, чем занимался по дороге в офис Сергей Сергеевич, Хохрякову было хорошо видно в зеркало. Петр был немного шокирован таким поведением своего шефа. Таким он видел Колиушко впервые и не знал как себя вести. Решил после непродолжительных раздумий, что правильнее будет просто молчать.

До места ежедневной выгрузки Сергей Сергеевич не проронил не единого слова. Уже выйдя из салона он обернулся к Петру и коротко спросил:

– Вчера было все нормально?

Хохрякова этот простой вопрос застал врасплох. Он смутился и замешкался.

– ...Я спрашиваю, Викторию вчера нормально отвез?

– Да... Все хорошо... Она осталась дома...

– Мне передать ничего не просила? – и без того в страшном, своими обоженными глазами, взгляде своего шефа Хохряков, скорее, почувствовал, чем увидел, странное свечение.

– Нет. Она вышла из машины и сразу ушла...

– Ой, ли! Нет, ты не подумай ничего такого! Молодой ты очень и кобелист!

Что, мне и предположить уже ничего нельзя?

Сергей Сергеевич впервые за сегодняшнее утро улыбнулся и даже подмигнул Хохрякову. Но лучше бы он этого не делал, так как всегда в этой улыбке, точнее, том, что от нее осталось человеческого, Петру в лицу пахнуло холодом. Оскал, и без того, хищных зубов, во время растягивания губ стал еще более устрашающим и открытым.

Хохряков еще долго смотрел в след своему шефу и не понимал, что бы это все значило. Провожал он Сергея Сергеевича долго и, даже, после того, как тот давно скрылся за дверями офиса.

Так, как никаких указаний он не получал, по распорядку дня Петру полагалось коротать время у автомобиля. Не найдя ничего лучшего, он остался за рулем и предался воспоминаниям о Виктории.

Эта женщина смогла за очень короткое время влюбить его в себя! Петр чувствовал это притяжение и готов был сейчас же кинуться в ее объятия. Прекрасно понимая, что, увы, не может этого сделать, пока его об этом не попросят.

И все бы ничего, если бы не ее последний вчерашний вопрос об убийстве. Хохрякову было известно множество случаев, когда особи мужского пола ради любви или банальной близости шли на самые различные преступления. И даже на убийства. Но смог бы ли он? Ради еще одной бабы!?

Нет, она необыкновенная! Он это прекрасно понимал, ощущал и помнил. Так обойтись с ним не смогла еще не одна женщина. И, странное дело, он полностью подчинился! От первой их и до последней близости! До этого никто еще не мог командовать им во время секса! Ранее только он задавал тон, выбирал ритм и избирал способ соития! И эта молоденькая женщина показала ему большее, чем он мог даже предполагать! И повелевала им не то что движением пальца, а одним своим взглядом! Но, странное дело, он ее прекрасно понимал! Точно, они были знакомы много времени или... Или она обладала такими способностями воздействия. Да, да! А как еще объяснить свое с ней поведение. Хохряков, как не старался, не мог понять свое вчерашнее согласие на ее дикое предложение.

– А, пошла она! Вот ей хрен по всей роже! – вслух прошептали его губы.

Петр в сердцах еще раз выругался в более нецензурной форме и вырвался из салона. Не зная зачем, он подошел к багажнику и открыл дверцу. Его взгляд был направлен именно в то самое место: за коробками с его инструментом, электронасосом, пылесосом, огнетушителем и еще бог знает чем, лежал черный чехол на молнии.

Петр знал, что именно в нем находится. Он был уверен в этом совершеннейшим образом и поэтому не стал сейчас его брать в руки. В то мгновение ему показалось, что закрой он глаза и тут же открой, этот черный предмет исчезнет. Хохряков сделал это. Даже два раза! Продолговатый, из искусственной кожи, футляр оставался на своем месте в багажнике автомобиля.

Весь оставшийся день прошел для Хохрякова в томлении. Он не мог дождаться, пока его отпустит Колиушко. Чтобы остаться наедине с собою и осуществить задуманное, Петр рассуждал примерно так. Если уж карты ложатся подобным образом, то зачем ему что-то изменять. Неожиданная находка только укрепила его выводы и подталкивала к действию. Хохряков твердо решил, что он должен до срока объявленного Викторией испытать себя. Прямым способом. Чтобы суметь отказаться в случае своей слабости. Поэтому, долго не откладывая, он решил действовать сегодня же вечером.

Ничего подобного Раскольникову<sup>25</sup> Петр не испытывал. У него не было ни угрызений совести, ни жалости, ни сомнений. В который раз перед выходом из дома он пытался почувствовать в себе то малейшее, что позволило бы ему засомневаться в себе и отказаться от такого шага. Петр начал вспоминать все моменты в своей жизни, когда ему приходилось вот так, как сейчас переступить через определенные рамки дозволенного. Он даже заулыбался. Как он сам выяснил, таких моментов было не так уж и мало. Самое первое, что он помнил, была первая кража денег.

Ему было лет семь, когда он зашел в книжный магазин, где на витрине увидел предел своих мечтаний – записную книжку в яркой красной обложке, которая стоила целых три рубля. Чтобы ее купили родители, не могло быть и речи. Тогда маленькому Пете пришлось залезть в карман отцовских брюк, откуда выуживать кошелек, а уже из него не три, а целых пять рублей. Еще на два целковых из положенной сдачи он накупил кучу всяких ценных вещей, вроде ручек, карандашей и резинок.

Совершаемое первое в жизни настоящее, злое и крайнее по мере жестокости преступление, как не странно, ничуть не терзало его совесть. Ранее, до этого дня, у Хохрякова были и еще преступления закона. Но так, по мелочам, которые по сей день, как и этот, самый ужасный случай, оставались тайной для всех.

Лет десять тому назад возрасте Хохряков только однажды пошел на настоящее нарушение закона, когда ему под покровом ночи пришлось размотать, перетащить и вывезти в пункт приема цветного металлолома несколько сот метров кабеля, стоимость которого пошла на погашение денежного долга.

---

<sup>25</sup> Раскольников – герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

У кого именно он воровал тот кабель, Хохрякову не было известно до этих пор. Какая-то фирмочка проявила халатность и оставила бухты в неохраняемом месте, просто под открытым небом. Тогда, правда, им двигало острое желание выполнить обещание своевременно сдержать данное слово и рассчитаться с долгом.

Сейчас же Петр до конца не понимал, что именно им движет. Жажда физической близости с Викторией? С этой женщиной-ведьмой, у которой он даже не узнал фамилию? Может, может быть... Ничего иного по этому поводу Хохряков придумать более не смог. Он был готов исполнить требование и все! Чего бы это ему не стоило.

Помповое ружье с пистолетной рукояткой вместо приклада удобно разместилось под курткой. В патронник уже был вогнан патрон. Еще один оставался наготове в обойме. В чехле, обнаруженном в багажнике, вместе с ружьем было целая пачка патронов, но с собой Петр взял только два, предполагая, что излишнее количество боеприпасов может вызвать у него желание пострелять еще.

Хохряков объяснял появление у себя этого ружья только забывчивостью тех ребят, улетающих в Хорватию. Вещи из багажника забирали ведь они самостоятельно, он только стоял сзади них и придерживал на ветру дверь! Они это прекрасно должны были помнить. Но даже если они еще и запомнили номер его автомобиля, тем будет лучше! Он им тогда отдаст это ружье. Без опасения выдать себя, так как прекрасно понимал, что гладкоствольное оружие не несет на своих зарядах индивидуальных особенностей ствола, из которого и вылетал свинец. Вот только, что они собирались делать за границей с ним? Но и этот вопрос возник в его сознании лишь на мгновение потому, что зазвонил телефон. На том конце телефонного провода звенел тревогой голос Лариски:

– Привет! У тебя все в порядке, Петенька!? Ты мне сегодня приснился так плохо, хотела до обеда тебе позвонить, но до обеда рассказывать о снах нельзя, вот, решила сейчас! Я так боюсь за тебя! У тебя все в порядке? Я бы хотела встретиться! Я так соскучилась! – сплошной и длинной словесной очередью тархтела девушка.

– Я занят... Не приезжай! – грубо ответил Петр до сознания, которого уже не могли дойти простые и добрые человеческие слова и порывы.

– Я очень соскучилась! – с надеждой быть понятой до конца, повторила.

Лариса, но в ответ уже услышала короткие гудки...

Долго трезвонил телефон, который Хохрякову уже не был слышен. Прежде, чем выйти за дверь, Петр постоял несколько минут у порога квартиры. Уже полностью собранный и готовый выдвинуться в неизвестность, чтобы испытать себя. Он был полон решимости исполнить задуманное. Но эти последние минуты продемонстрировали, что в нем, где-то глубоко по-прежнему остается червячок сомнения.

Задвижка дверного замка щелкнула громче обычного. В коридоре дома Петр встретил нескольких соседей, с которыми, в прочем, не был знаком. Такое многолюдье ему навстречу объяснялось вечерним временем, когда все спешили с работы домой. Вот поэтому Петр решил направиться в то место, где в эти вечерние часы собираются те, кому некуда спешить за отсутствием оного.

В своем районе он решил не испытывать судьбу. Решил проехать в другой конец города. Путешествовать с оружием под мышкой на маршрутном такси было, по его мнению, совершенно безопасно. Окружная дорога была плохо освещена, поэтому, глядя в окно, Петр видел в стекле только свое отражение. Улицы города, даже в такое непозднее время были пустынными. Он направлялся к одному из известных в городе рынков, неподалеку от которого было множество мелких закусовых. Там он и решил выбрать себе мишень для проверки своей силы воли. Или чувств к той женщине...

Чтобы не привлекать внимания часто курсирующих и в этом районе города милицейских автопатрулей, Хохряков уселся за крайний столик в одной из кафешек и даже заказал себе

бутылку пива. Было еще не очень прохладно и поэтому его такой заказ не мог вызвать ни у кого подозрений. Тем более, что рядом с ним подобным занимались десятки людей.

Хохряков стал наблюдать.

За каждым из столиков суетились люди. Из обрывков доносившихся разговоров Петру было легко сложить мозаику человеческих проблем. Подавляющее большинство присутствующих делилось друг с другом впечатлениями о прожитом дне. Для большинства этот день был напряженным. Многие радовались мелкому успеху, и пили за это. Другие жаловались на неудачу и пили за то, чтобы повезло завтра. Пили водку, запивая ее пивом. Почти не закусывая. Быстро пьянели и заказывали еще. Большинство сидело до тех пор, пока не заканчивались деньги. Так прямо и заявляли, со скрипом отодвигая стулья: «У меня осталось только на проезд», или: «У меня не осталось даже еще на одну бутылочку пива».

Людей становилось все меньше. Все, кто покидал питейное заведение, уходил не в одиночку. Даже те, кто приходил вначале один, за считанные минуты находил себе собеседника за столиком, с которым уже позже не мог расстаться.

За столик к Петру за весь вечер так никто и не подсел.

Хохряков более чем за час выпил две бутылки пива и даже немного захмелел. Было уже около девяти вечера, когда он решил перебираться из этого кафе в другое место, твердо настроившись исполнить задуманное именно сегодня.

Едва переступив порог кафе, Петр вначале почувствовал прикосновение женской руки к своей шее. Ладонь была холодной. Он обернулся. Рядом с ним стояла и улыбалась незнакомая девушка. Точнее, совсем девочка лет шестнадцати, взгляд которой говорил сам обо всем. Ее рука оставалась некоторое время на плече у Хохрякова и даже несколько раз пальцы провели по волосам. Петр решил:

- Не с кем вечер провести?
- Да, красавчик! Может, ты выберешь меня?
- А что ты умеешь?
- Все, но за отдельную плату.
- Выпить хочешь?
- С удовольствием!

Хохряков остановил частника. Попросил подвезти на Левый берег. Там он знал одно местечко на берегу Днепра. С местом для выпивки, пустующим даже в праздничные и выходные дни. От дороги до кафе нужно было пройти по песку. Он был сухой и поэтому ноги глубоко проваливались в почву. Петр почувствовал, что за эти несколько шагов набрал немного песка в свои туфли. В этом месте, как он и предполагал, было малоллюдно. Лишь в отдалении от стойки шумно отдыхала кампания из нескольких девчонок и ребят.

Хохряков вошел в роль. Стал ухаживать за случайной знакомой. Постепенно разговорился и без умолку сыпал анекдоты и смешные истории. Девушка, которая назвалась Мариной слушала его и смеялась. Петру нравилось, что она реагирует на его шутки в нужных местах. После нескольких рюмок водки Петру уже началось казаться, что он познакомился с этой проституткой совсем для иного и, вообще, они старые знакомые. Но, как только такая мысль появлялась в его расплавленном алкоголем мозгу, он левой рукой через карман нащупывал ствол и сразу приходил в себя. После такого напоминания о цели этой вылазки уже говорить ни о чем не хотелось.

Последующие минуты этого необычного свидания Петр делал вид, что увлечен созерцанием природы. Они были на расстоянии двух десятков метров от кромки воды. Река была спокойна но напоминала о своем близком присутствии прохладой. Небо было темным и на нем нельзя было рассмотреть не единой звезды. Кушать Петру не хотелось, но он заказал все равно по две порции ухи из сома и шашлык. И еще бутылку водки. Молчал и старался не попадать своим взглядом в глаза девушке.

Хохряков окончательно решил сделать это. Ну, и что, что ему на пути к задуманному попался именно этот человек!? В конце концов, она сама напросилась и, вообще, занимаясь продажей своего тела, надо быть готовой на все...

– Может, я останусь с тобой на всю ночь? – доверчиво заглядывала ему в глаза Марина.

– Может быть... Посмотрим..., – отводил свои глаза в сторону Хохряков. – Ты почему так мало пьешь?

– Если я опьянею, то тебе это может не понравится!

– Почему? Ты становишься агрессивной?

– Нет, я становлюсь вялой и не проявляю должной активности, – улыбалась девушка.

– Как хочешь..., – не настаивал Петр. – Пойдем ко мне?

– Да, конечно! Я иногородняя и подходящего места у меня нет.

– А где же ты живешь?

– Где придется, в основном у подруг...

– Давно ты в городе?

– Приехала в мае...

– Сразу после школы?

– Да, а как вы... ты догадался?

– Просто угадал. Допивай, и поехали, уже поздно и холодно. До дна, до дна! – приказал Марине выпить из бокала оставшийся алкоголь. – Вот так, умница!

На удачу рядом с кафе по взмаху его руки скрипнул тормозами «Жигуль» – такси с желтым фонарем на крыше.

Они вдвоем сели на заднее сидение. От близости женского тела Петр стал согреваться. Только сейчас он почувствовал, что Марина пахнет. Не совсем чистым телом. Этот запах был кислым и неприятным. Сделавшим его решимость довести начатое до конца окончательной. Он отвернулся и не смотрел в сторону избранницы до самой остановки.

– Вот здесь, пожалуйста! – попросил он водителя. – Держись за руку! – предложил Марине свою помощь.

Их окутала ночь, черная и обволакивающая. Некоторое время он постоял на одном месте, соображая, куда именно направляться.

– Ты здесь живешь? – попробовала прижаться к нему девушка.

Хохряков оттолкнул ее. Грубо. Потому, что она прикоснулась к левому его боку, где оставалось готовым к работе ружье.

– Вот тебе и на! Уже начинается! – возмутилась Марина. – Все вы одинаковые, в первые минуты как нормальные, а потом, как дикие животные! Пошли скорее! Делай свое дело, отдавай бабки и расходимся!

– Помолчи! Пожалуйста, помолчи! – неожиданно сам для себя спокойно и, даже, ласково, попросил Хохряков. – Сейчас... Одну минуту. Что-то голова закружилась...

Он обнял Марину за талию и повел через дорогу. Туда, откуда раздавался лай собак. Это было село Пирогово и со стороны случайному прохожему могло показаться, что все у этой пары нормально.

Они часто спотыкались о неровности почвы. Смеялись, шутили, продолжая свой путь. Уже прошли последний дом этого небольшого пригородного села. Далее начиналась посадка, на фоне которой своей белизной в ночи выделялась большая береза. Стало тихо. Оглушающе тихо.

– Куда мы идем? – на самое ухо прошептала девушка.

От ее слов по спине Петра высыпали мурашки, и стало щекотно. Он поежился и ответил:

– Еще немного... Там, на горе...

– Я устала очень и... хочу в туалет...

Петр догадался, что девушка что-то заподозрила и таким способом захотела от него убежать.

– Я тоже... Подожди, доберемся и вместе сходим. Не оставишь же ты меня здесь одного! Я боюсь! – пошутил Петр.

Марина ничего не ответила, а только тихо вздохнула, продолжая держать своего кавалера под руку.

– Вот, и пришли!..

Петр бывал здесь один раз и помнил, куда именно он завел эту несчастную. Вокруг их должно было быть безлюдно. Ближайшее село осталось в нескольких километрах за их спинами. Рядом с ними, но тоже в недосыгаемости для звука их разговора был приют для бездомных животных. Именно туда он однажды приезжал с Сергеем Сергеевичем. Они тогда искали пропавшего у Колиушко пса породы ротвейлер и провели в этом месте добрые пару часов. Не хотели, а провели, удивившись необычности этого приюта. Единственного места в их убогом государстве, где по образу и подобию развитых стран пытались пригреть брошенных и несчастных друзей человека.

Свою собаку Колиушко здесь тогда так и не нашел, зато несказанно удивился тому, как можно развернуть подобное дело. Особенно его удивил стенд с фотографиями, на которых были запечатлены те моменты, когда это место и питомцев осчастливливали своим присутствием послы Америки, Германии, Великобритании. Еще он удивился тому, что даже собаки могут улыбаться...

Марина только один раз оглянулась и прошептала:

– Не убивай меня!

– От этих слов Петр вздрогнул. В мозгу у него была пустота. Мыслей никаких уже не было. Страх тоже. В этой крошечной темноте Петр ясно видел только лицо Виктории! И слышал ее последние слова: «Об этом узнаешь позже. От меня. Я тебя найду сама. А сейчас тебе надо уходить».

– Пожалуйста, не надо! – не по ситуации очень тихо молила рядом о пощаде.

Марина.

Странное дело, хотя он ее и не удерживал, девушка не делала попыток убежать, а стояла рядом с прижатыми к своей груди руками. Она даже не плакала. Хохряков посмотрел туда, откуда появилась на небе полоска света. Это всходила Луна. Необычно красного цвета. Огромная и величественная. Становилось прохладно и из его рта при дыхании стал заметен в слабом свете ночного светила легкий пар. Но Петр не ощущал понижения температуры. Он сейчас смотрел только на поднимающийся над головой и все разгорающийся небесный ночной диск. Правой рукой откинул полу куртки и притронулся к согретой своим телом стали. Нашупал ребристую кнопку предохранителя и легким движением перевел ее в положение «огонь».

– На колени! – попросил он девушку.

– Что!?

– На колени!!! – прорычал сквозь зубы Хохряков.

Марина, всхлипывая и продолжая молить о пощаде, повиновалась. Петр грубо оттолкнул ее голову, прильнувшую на мгновение лбом к его паху и достал ружье. Не раздумывая более не над чем, он приставил короткий ствол к голове девушки и не медля потянул спусковой крючок на себя.

Раздавшийся выстрел показался ему очень тихим. Чуть громче того звука, если бы он хлопнул в ладоши. Реальность выстрела подтверждал только яркий оранжевый зайчик оставшийся у него перед глазами. Да еще лай в отдалении десятков собак, затаивших свою неприятную песню.

От такой неожиданности Петр с недоверием посмотрел вниз, к себе под ноги, куда тихо стекло тело Марины. Ее голова самым краешком, только одной прядью светлых крашенных

волос касалась его обуви. Петр резко отдернул носок туфель в сторону. И присел на корточки. Притрагиваться к телу он побрезговал. Только стал прислушиваться. Девушка не дышала. Этот вывод подтверждало и полное отсутствие испарения изо рта и носа. Хохряков пересилил себя и прикоснулся несколько раз пальцами к ее шее. Сколько он не искал пульсирующее место, его он не обнаружил.

Петр привстал и осмотрелся. Все вокруг было спокойным. Даже собаки в приюте стихли. Он четким движением перезарядил ружье, вогнав в патронник второй и последний патрон. Притрагиваться стволом к голове жертвы он не стал, а нажал во второй раз на спуск не донося ружье к голове сантиметров на десять.

Второй выстрел он уже расслышал отчетливо. Это был настоящий грохот! «Эх, жаль, что не захватил еще патронов!», – пронеслось в его нездоровом в эти минуты мозгу.

Не обращая внимания на лай собак, в полный рост на фоне взошедшей красноватой луны, медленно, чтобы не упасть, Хохряков побрел в сторону своего временного дома. Не по дороге, а просто по полю, ломая при каждом своем шаге стебли сухого бурьяна. Продолжая удерживать чужое ружье в опущенной правой руке.

## Глава VII

Боль давно покинула его тело. Сейчас он чувствовал только тупое, ноющее стягивание всей своей кожи, которая не по дням, а по часам заживала. На теле не ощущалось не единого спокойного от процесса выздоровления островка. Не единого квадратного миллиметра. Пахло целым букетом лекарств, отчего его носу становилось внутри щежотно и очень хотелось чихнуть.

С тех самых пор, как к Сергиенко вернулось сознание, первыми словами на этом свете для него стали: «Сергей Сергеевич! Вы говорить можете?». Этот звонкий, с нескрываемыми нотками тревоги и переживаний, голос, как он догадался, принадлежал молоденькой женщине и, наверняка, очень привлекательной. Другой голос, убеждавший первый в том, что «все им показалось» и что он еще без сознания, исходил от мужчины и был совершенно ему не интересен.

Виталий понял сразу, почему его называют другим именем, но виду тогда не подал, а продолжал оставаться полностью бесчувственным, замотанным в бактерицидные и стерильные бинты, обоженным чурбаном.

Впервые он подал знак того, что может соображать только когда окончательно убедился в том, что его принимают за Сергея Сергеевича Колиушко. Именно эту фамилию называли у его койки при ежедневных обходах доктора, не перестававшие удивляться «результатам лечения и мощному здоровью их пациента».

Это случилось только через двадцать шесть дней после нападения на колонну.

Палатная сестра пришла делать ему капельницу. В вене на руке давно торчал катетер, поэтому с введением очередной иглы неприятно не было. Когда сестричка отрегулировала скорость поступления в организм живительной жидкости, Сергиенко пошевелил пальцами правой руки желая поманить хлопотавшую у его изголовья сестру одним указательным пальцем. Что там у него получилось на самом деле, он так и не понял, но сразу же услышал пронзительный радостный крик над своим ухом, означавший, что его возвращение в реальный мир должным образом замечено.

– Пациент пришел в себя! Доктор! Доктор! Пациент из шестнадцатой палаты пришел в себя! – кричала уже где-то в коридоре женщина.

Доктора ждать пришлось совершенно не долго. Для него Виталий тоже совершил членодвижения и даже на вопрос: «Вы меня слышите?» попытался сквозь раздираемую сознание боль в области шеи утвердительно кивнуть головой.

– Сообщите немедленно Виктории Владимировне! – приказал кому-то мужской голос и исчез.

Сергиенко услышал звук этих шагов от самой двери в конце коридора. И весь сжался. От неуверенности в своем будущем. Кем именно приходилась Сергею Сергеевичу Колиушко эта женщина он даже не догадывался. Но потому, что она бывала чаще других рядом с ним и именно ей в первую очередь доктор приказал сообщить о его полном возвращении в сознание, можно было предположить, что эта женщина тому, за кого его сейчас принимают, приходится не менее, чем подругой.

Зазвенели стекла на двери. Стук каблучков прекратился у его постели. Женщина тяжело дышала. Некоторое время она только вглядывалась в его неподвижные бинты. Странное дело, но Виталий ясно ощутил на себе ее взгляд! И даже увидел эти глаза: огромные и темно-карие! Затем к его руке прикоснулась ее рука. Он тоже почувствовал сквозь бинты и корку заживающей кожи эту маленькую, но очень теплую ручку. Даже не теплую, а горячую! Тепло тела этой женщины моментально наполнило всего его!

– Милый мой! Как я рада!!!

Сергиенко чуть ответил на эти слова движением руки.

Следом он услышал безудержное рыдание. Ему от этого звука стало тоже легко. Странное дело, но над ним еще никогда в жизни так никто не убивался! Это было чертовски приятно!

Когда женские рыдания прекратились, и он даже почувствовал запах дорогих духов, исходивших, по видимому, от платка, которым промакивались слезы на лице, Сергиенко весь ушел в слух.

– Послушай, родной мой! Ты двадцать шесть дней был без сознания! Но я верила, что все будет хорошо! Как не пытались меня убедить, что ты безнадежный... Шестидесят пять процентов ожога кожи, это за чертой земных сил. Но я верила! Верила! Самое страшное уже позади! Ты вернешься к жизни, я знаю! И все у нас будет хорошо!..

Прошло еще около трех недель, прежде чем с его глаз спала непроглядная пелена. Виталий стал различать розовый свет, и доктор разрешил ему открыть глаза. Точнее, приказал, так как сделать это было невероятно трудным делом. То, что ранее совершенно не ощущалось и выглядело, как невесомые веки с ресницами, сейчас превратилось в нестигаемые и раскаленные гвозди. Только через несколько дней мучительных тренировок Сергиенко удалось разорвать эту преграду и увидеть дневной свет. Он ворвался в его мозг мощным потоком и тоже причинил боль! От такой неожиданности встречи с дневным светом, Виталий прекратил подобные попытки на несколько суток и возобновил их только когда его об этом стала настойчиво просить Виктория.

Эту женщину послушаться было не в его силах! Голос ее был вкрадчивый и, одновременно, всепроникающий. Тем более, что она повторяла эту просьбу по много раз в день, точнее, в сутки, так как не оставляла его в одиночестве уже ни днем, ни ночью.

Со слов Виктории, звучавшими в перерывах между процедурами, Сергиенко уже знал о том, что из того бронетранспортера в живых остался только он один. От всех остальных мало что осталось, а водитель вообще превратился в пепел. Остальных охранников убили или тяжело ранили в перестрелке. Колонна вся без остатка тоже растворилась в приазовских степях. Кто именно это сделал, до сих пор неизвестно. Милиция только разводит руками и совершенно не старается найти нападавших. Все их партнеры по бизнесу и даже конкуренты принесли свои соболезнования и теперь она не может даже и думать, кто все это совершил. Поэтому ему необходимо как можно быстрее выздоравливать, чтобы с новыми силами браться за дело, тем более, что, кредиторы, совершенно, не, обращают, внимание, на, его состояние здоровья и не желают это нападение принимать за форс-мажор...

Сергиенко постепенно становился в курсе всех дел фирмы «Якорь надежды», но никак не мог выяснить, кем же именно приходится, точнее, приходилась испепеленному Колиушко эта мужественная женщина с действительно очень красивыми темно-карими глазами.

Здоровье и силы очень медленно возвращалось к Сергиенко. Несмотря на усиленное питание и на все возможные и невозможные медицинские ухищрения. Для него специально откуда-то из пустыни Гоби, далекой и, ставшей в последние годы совершенно нереальной Монголии, было доставлено целое ведро настоящего мумие. Эта, превращенная из мышинового помета веками и перепадами высокогорных температур, черная и густая мастика со специфическим запахом сделала свое дело. Для Виталия наступило то мгновение, когда он смог нормально открывать и закрывать глаза. Его кожа вновь становилась эластичной и упругой. Пелена постепенно растаяла и перед своим взором он рассмотрел ее лицо. Красивое! Исключительно привлекательное! Совершенно правильные формы и огромные темно-карие глаза, в которых он сразу утонул. От взгляда которых он отключился...

Сквозь сон он слышал, как доктор убеждал Викторию в том, что «под воздействием высокой температуры возможно изменение цвета сетчатки глаза и что такие случаи, определенно, уже известны медицине».

Он слышал, как рядом с его постелью вновь плакала эта женщина и без умолку шептала: «Ответь мне, это ты, Сереженька? Ну, ответь, хороший мой!!!».

Все повторилось, когда он впервые заговорил. Но о возможном изменении голоса в результате ожога верхних дыхательных путей уговаривать Викторию Владимировну доктору пришлось еще меньше времени. Виктория сдалась и окончательно поверила во второе рождение этого человека. И правильно сделала! Ведь Сергиенко тоже, изо всех сил, старался стать этим, другим человеком. Хотя, сделать это было для него сущим пустяком. От того, старого Сергиенко, практически ничего не осталось. Только скелет и мозг. Главные отличительные черты человека по фамилии Сергиенко навсегда исчезли вместе с телом настоящего Колиушко.

В минуты тягостных размышлений Виталий пытался угадать, как долго ему придется притворяться в своем беспомоществе и сможет ли он вообще убедить эту близкую женщину в том, что он действительно тот, за кого себя выдает. Пока ему было легче оставаться частично немым, хотя несколько раз во сне он вполне отчетливо разговаривал, о чем ему с радостью сообщала Виктория.

Деятельность фирмы с редким по красоте названием «Якорь надежды» была многоплановой. Несколько десятков человек под руководством Колиушко перепродавало продукты питания, нефтепродукты, черный прокат, уголь и древесину. Все то, на чем было можно сорвать набольший куш. Изредка фирма приторговывала автомобилями. Очень редко и то только для того, чтобы отмыть наличку.

Как раз, этот редкий случай и не стал для Сергея Сергеевича последним. Кто-то очень захотел завладеть его имуществом. Ну, и что эти автомобили были краденными? В умелых руках такое их количество, в любом случае, должно было превратиться в многие сотни тысяч долларов.

Чтобы быть последовательным в своей симуляции, Виталий решил играть по большому и стал демонстрировать, что он вообще ничего не помнит. И даже, как его зовут.

После каждого нового возгласа «ну, что не вспомнил?», он внимательно выслушивал и старался запомнить новую информацию: имена сотрудников, проведенные, начатые и задуманные покойным Колиушко операции, банковские реквизиты становившейся постепенно своей и десятков иных фирм-компаньонов. Запоминал все то, без знания чего бы никто не поверил в воскрешение Колиушко Сергея Сергеевича.

И когда он «вспомнил все», не поверить этому признанию было уже нельзя! Виталий почти полностью владел информацией исчезнувшего человека по фамилии Колиушко и своими словами и поступками не мог казаться никем иным. Так ему тогда казалось...

Со дня выписки из больницы прошло уже три дня, когда Сергиенко впервые остался с Викторией наедине и в довольно располагающей к близости обстановке. Все поведение этой женщины говорило ему о том, что именно должно было вскоре произойти.

Виталий был в том настроении, когда забываются любые опасения и тревоги. Он, попросту, полностью расслабился, не ожидая в эти минуты никакого подвоха и, тем более, целенаправленной проверки.

Первая же после его выздоровления с его одобрения финансовая операция прошла успешно. Его росчерк пера на документах «а-ля Колиушко», по памяти скопированный с ранее им виденых документов, ни у кого и, даже, в банке во время осуществления банковской операции, не вызвала и тени подозрения. Все располагало к полному спокойствию и отдыху. И даже, к нечто большему...

Они сидели рядышком в комнате отдыха просторного и шикарно обставленного офиса «Якоря надежды» и весело болтали. Было ближе к позднему вечеру. Стоящий в углу старинные часы-башня мелодично пробили двадцать три часа.

Она сидела на диване. Он в кресле рядом. Их колени соприкасались.

– А помнишь, как мы были в Испании? – тихо спрашивала Виктория.

Владимировна.

Ее глаза были полузакрыты. Ресницы чуть подрагивали. Блеск в ее взгляде был туманным и томным.

– Конечно, помню..., – привычно для подобного случая отвечал Сергиенко.

– ...Как мы тогда промчались по Европе! И как нам все завидовали!..

Чтобы не выдать себя в полном незнании предмета обсуждения, Виталий с глубоким вздохом, который должен был означать «помню и тоже, как и ты, млею от этих воспоминаний» закрыл глаза и откинул голову назад.

– ...Тогда и погода нас не подвела. Никто все равно даже не купался в океане!

В первый день нашего отсутствия никто и не заметил. А мы вечером вместо того, чтобы скучать в гостинице, уже во всю мчались к Парижу!.. Помнишь наш первый ужин в том замке... Как его, забыла! – в подтверждение своих усилий вспомнить, Виктория защелкала кончиками пальцев. – А ты не помнишь?

Колиушко-Сергиенко только слегка покачал головой.

– Ты тогда еще заказал омаров и шампанское! Вспомнил?

– Этот вкус помню, а точно название того замка нет, Виточка...

– Какую мы ночь там провели, правда? Как ты меня ласкал! Что я тогда испытала! – голос женщины неподдельно задрожал.

Когда Виктория взяла его кисть руки и положила себя на ногу, Виталий возражать не стал. Женщина стала вдавливать его руку в свою плоть. Ощущение молодого женского тела, даже сквозь ткань ее костюма, стало стремительно возбуждать мужское желание. Его рука медленно ползла по воле Виктории все вверх и вверх, пока не остановилась на ее детородном органе. Женщина чтобы его рука полностью легла на это горячее место, чуть раздвинула ноги. Ее рука еще сильнее вдавила его руку в себя. Виталию показалось, что еще немного, и его пальцы войдут глубоко вовнутрь...

– Поцелуй меня! Как тогда!.. – еле слышно просили его ее губы.

Голова Виктории была запрокинута назад. Она чуть привстала с дивана, оперевшись на выпрямленные ноги и не ослабевая своего давления на его руку. Дыхание ее стало прерывистым и частым. Грудь вздымалась и была готова разорвать любую ткань.

Не ожидая подвоха, Сергиенко наклонился над ее лицом и как мог нежно, стал целовать остатками своих губ.

– Нет... Не сюда..., – прошептала Виктория и стала наклонять его голову к животу, одновременно второй рукой задирая одежды и срывая со своего тела белье.

Он понял, что от него сейчас ждет эта женщина. Ставка была слишком высока и поэтому выбирать не приходилось. Но как только он прикоснулся к незнакомому телу губами, его голова была отторгнута сильнейшим рывком.

– Кто ты!? – выкрикнула Виктория, вскакивая с дивана и натягивая на себя одежду.

Виталий попытался разыграть искреннее непонимание ситуации и свое удивление таким оборотом.

Наверное, он был очень смешон в своих этих попытках, что даже не выдержала Виктория, улыбнувшись одними уголками губ. Последовавшие за этим подобием улыбки слова, вывели Сергиенко из оцепенения и рассеяли все сомнения в его дальнейшем поведении. Он понял, что обманывать эту женщину более нет смысла. Что он выдал себя окончательно и может рассчитывать на что-то для себя приемлемое, только если примет ее правила игры:

– Я не тот, за кого себя выдаю. Ты правильно догадалась...

Голос его звучал твердо и уверенно. Он в упор смотрел в глаза этой женщины и продолжал:

– ...Но о том, кто я на самом деле, ты не узнаешь! Пока... Пока этого не захочу я сам!..

– Ты уничтожил себя, мерзость! – злобно прошептала Виктория.

Владимировна, сжимая свои руки в кулачки. – Я уничтожу точно также, как ты когда-то Сергея!

– А вот, ты и не угадала! – ничуть не теряя своего самообладания, продолжал.

Сергиенко-Колиушко. – Я не причастен к смерти Сергея Сергеевича! А если ты так поступишь, то исчезнешь вместе со мною! Это так же однозначно, как и то, что сегодня банк принял мою подпись! Тебе никто не поверит, дурочка! Ну и что, что ты расскажешь об этом? Ни-че-го! Врач же тебе говорил, что с такими травмами с сознанием может случиться все, что угодно! Не говоря о цвете глаз и тембре голоса... Прошу тебя, не делай глупостей! – прикоснулся он к ее лицу, отметив, как напряглось женское тело в порыве перейти к более решительным действиям.

– Не притрагивайся ко мне! – отшатнулась Виктория от его ладони, оставаясь, между тем, на прежнем своем месте.

– Вот и умница! Я не перестаю удивляться тебе! И еще раз прошу, давай закончим все это нормально... Для нас обоих... Пока в руки идут деньги, заработаем сколько сможем и тогда разбежимся. Кстати, а кем вы были друг другу? Ты пока об этом не обмолвилась не единым словечком!

Только теперь Виталий опустился на свое прежнее место в кресле и стал ждать.

Виктория не стала следовать его примеру и стала шагать из угла в угол этой просторной комнаты. Она тяжело дышала и постоянно кидала в сторону сидящего мужчины свои разъяренные взгляды. Виталий делал вид, что не замечает этого. Он ждал, надеясь на полную ясность рассудка своей компаньонши.

Сергиенко уже начал терять терпение, когда Виктория остановилась и спросила:

– Какие твои условия?

– Это мы должны обсудить вдвоем! Я не собираюсь тебе ничего диктовать!

Тем более требовать или принуждать к чему-либо для тебя неприемлемому. Зачем? – он пожал плечами. – Тем более, что ты мне очень нравишься... Так кем вы приходились друг другу?

– Не смей, урод!!! Память о Сергее для меня святая! Не смей, и думать об этом! – взорвалась женщина. – Бизнес сообща – да! Все остальное – никогда!!! – женский взгляд метал молнии.

– А как же вкус твоего тела на моих губах? Я его не смогу тоже забыть. Ладно, ладно! Согласен! Об этом позже! – пошел на попятую Виталий, заметив, как взгляд Виктории вновь наливается ненавистью, готовой еще через мгновение перерасти в более сильный, чем первый,

взрыв. – Извини... Пожалуйста и присядь. Вот и молодец! Подумай и согласишься, что я все-таки прав! К слову об «уроде»..., Если бы Колиушко остался в живых, его бы внешний вид не во многом отличался от моего теперешнего...

– Извини... Но какая же я дура, что не стала тебя изобличать еще там, в больнице!..

– Извинения принимаю с радостью! – просиял хотя бы такому их сближению.

Виталий. – Да, ты права. Там бы тебе это удалось несравненно легче, чем теперь, когда ты меня признаешь при всеобщем обозрении уже на протяжении нескольких месяцев! – стал комментировать Виталий. – Кстати, ты там еще об этом догадалась, когда и лицо-то мое было под бинтами. Если не секрет, как?

– Я чувствовала, что ты не Сергей... Не знаю как, но ясно это видела! – подавленно поддержала разговор Виктория.

– Ранее за собой такого не замечала? Я думаю, это серьезно и требует своего осмысления! Сквозь бинты я тоже видел тогда твои глаза! А когда ты касалась руками, мне становилось тепло...

– Прекрати и не обманывай...

– Честное слово!

Когда Виталий вновь прикоснулся к ее руке, реакция Виктории была совсем иной:

– Хорошо! Эта способность влиять на волю других людей у меня от моего отца. Он был необыкновенным и даже после своей смерти кое-что сумел мне передать. Вот смотри! – и Виктория уставилась в глаза Виталию. Еще через мгновение спросила: – Ну, что ты почувствовал?

– То, что ты согласна?

– Да. Правильно. А еще?

– И еще я услышал твой голос о том, что от этого должны выиграть мы в равной степени!

– Тоже правильно! Кстати и чтобы больше не возвращаться к этой теме... Не знаю почему, но я не стала никому показывать документы и говорить о том, что у Сергея совсем другая группа крови...

– Это меня уже обнадеживает в вере в твою полную искренность! Спасибо!

Буду тебе благодарным, сколько мы еще будем вместе! А когда ты говоришь о «равной степени», что ты имеешь в виду?

– То, что я не собираюсь после твоего исчезновения идти по миру! Все счета фирмы ведь только на твое имя!

– Понял и уже согласен! Ровно пополам, идет? И долго с этим затягивать не будем. Я думаю, еще одну операцию провернем и все, как ты думаешь? – заглядывал смело в глаза женщине Сергиенко.

– Решим чуть позже, – уже совсем спокойно отвечала ему Виктория. – Надо будет подумать о том, как лучше заработать...

– И еще старые кредиты умудриться не отдать! Я когда лежал в больнице долго думал о том, что я смогу предпринять, если наступит такая, как сейчас, минута...

– Ты предполагал такое? – удивилась женщина.

– Чему ты удивляешься...

– Тогда ты планировал все заранее!? Кто ты!?

– Да нет, успокойся! Все было не так, как ты думаешь! Совсем не так... Все случилось совершенно случайно, словно, по чьей-то чужой воле. Я не могу сейчас об этом говорить... Тем более, поверь, для меня и самого в этом много непонятного... Так вот. Я думал, думал, и вроде бы, нащупал один вариант. Я уверен, что у нас все получится!

– А «подъем» какой?

– За несколько тысяч процентов!

– !!!

– Вот увидишь! Когда ты будешь готова к полному сотрудничеству, я тебе все расскажу.

– А говоришь, что уже доверяешь мне... – с притворной обидой в голосе сказала женщина.

– Ладно, слушай! Вы как поступали с автомобилями? Пригоняли и сразу продавали, правильно?

– Да. И как можно еще иначе делать?

– Очень просто! Надо попробовать пригнать еще одну партию и умудриться продать каждый автомобиль несколько раз...

– Это невозможно!

– И еще как! С нашим доверчивым и обожающем халяву народом? Все будет как надо! А если еще учесть, что продавать-то мы будем чуть дешевле, чем на рынке, то эта схема будет работать столько, сколько мы сами захотим. Главное, поверить в задуманное и еще... еще найти нормальный кредит. С моей рожей в банк нечего соваться, поэтому, денежки на операцию с тебя!

– Одна я не справлюсь...

– Справишься! Ты так говоришь, Виточка, пока не знаешь всех тонкостей придуманного мною способа! А если ты еще потренируешь свои возможности, то мы сможем зарабатывать только одним этим! Шутка, конечно! А можно я задам еще один вопрос?

– Смотря какой!

– По моему, смелый и откровенный!

– Хорошо...

– Как ты догадалась сегодня о том, что я не Колиушко?

– Бессовестный! – лицо Виктории вмиг залилось румянцем. – Я так и знала, что ты об этом спросишь!..

– Скажи, пожалуйста! Мы же с сегодняшнего дня, не смотря ни на что, единомышленники!

– Ты начинал не с того... – после некоторой паузы тихо вымолвила Виктория.

– Все, хватит на эту тему! Дура, я дура!.. – смешно причитала Виктория, от стыда прикрыв лицо ладонями.

– Не с того места?

– Прекрати!

– Ну, пожалуйста! – умолял Виталий.

– Не тем местом... Все, точка!

Тон, с которым были сказаны эти слова для Сергиенко не оставил никаких сомнений. Виктория не желала более обсуждать эту интимную тему. Испытывать на сегодня судьбу было достаточно. Он смирился, но так и не понял своей одной-единственной ошибки...

Этот вечер, точнее, ночь была окончена под бой курантов. Часы показывали три часа ночи. В начищенной до блеска тарелке маятника отражались две человеческие фигуры, которые без усталости качались из стороны в сторону. В точности повторяя продемонстрированные только что в этой комнате человеческие отношения. От ненависти – к полному пониманию. От большой любви – к неприятию...

А еще через неделю план Сергиенко был принят за основу. Без замечаний и уточнений.

Виктория Владимировна, выслушав Виталия, даже захлопала в ладоши:

– Это настолько просто, что я боюсь в реальности нами задуманного!

– Все великое – на самом деле просто... – с подчеркнутой скромностью ответил Виталий всем известной крылатой фразой и почти афоризмом.

## Глава VIII

«Тридцать седьмая» колония строгого режима расположилась по воле ее создателей на самой вершине холма. В этой, выжженной солнцем степи, выше ее серых, шлакоблочных стен были только терриконы у многочисленных, в этой округе, шахт. Их черные, размытые разогретым воздухом, очертания создавали видимость полного окружения. В какую сторону не посмотри – всюду взгляд натывается на высоченные, конусообразные преграды, сложенные из шахтных отвалов.

У многочисленных обитателей этого пенитенциарного заведения особое уныние вызывало именно это обстоятельство – видимость полной отрезанности от свободы.

Их, осужденных, более огорчало не то, что в колонии не было воды и все зависело только от ее завоза на единственной колонистской водовозке. И не то, что вся промзона была завалена заготовками и уже готовой продукцией, что не давало им и мысли об отдыхе от рабского труда в три смены. И, даже, не появление на должности заместителя «хозяина»<sup>26</sup> по оперативной работе а, попросту, старшего кума, какого-то новенького с плохой репутацией.

Самым ненавистным было то, что откуда не взгляни: окна барака или столовой, дворики или цеха, всюду взгляд упирался в двойную стену. И если где-то, на необъятных просторах Родины, за основным ограждением можно было увидеть даже живописные просторы с пятнами лесов и водоемов, то в этой степи, и с этого холма за забором постоянно, год за годом, весь срок был виден только этот, еще один, кажущийся непреодолимым, рубеж. Черный и с острыми вершинами. Отгораживающий это проклятое место от всего белого света!

И так уж повелось здесь, что никто не пытался смотреть поверх кокард начальников. Чаще все смотрели себе под ноги или вверх, в самое небо. Вот, что оставалось тем единственным для осужденных, за что они не должны были платить. И еще тем, что давало возможность мечтать о будущем. Облака ведь всегда уплывали вдаль! Темные, тяжелые и низкие – словно тревоги прошедших дней. Белые и высокие – в точности, как опьяняющие мысли о далекой свободе!

В любую погоду свободные от работы и предоставленные сами себе в локальных зонах люди в этом месте смотрели только вверх. До чего были схожими в эти минуты их взгляды! Устремленные ввысь. На вытянутых до предела худых шеях с острыми кадыками. С немигающими глазами. Часто, наполненными слезами... Во всех отрядах одинаково грустно.

Для того, кто бы в первый раз попал в это место, преобладающим цветом мог показаться рыжий цвет ржавчины. И это было не обманом. Ржавыми были штабеля листовой стали, предназначенной для производства основной продукции здешнего производства. Ржавыми были многотонные емкости, напоминающие сигары дирижаблей, для нефтепродуктов, изготавливаемые «населением» колонии по заказу министерства обороны. Ржавыми были стены производственных цехов, обшитые более тонкими листами никогда не крашеного железа. Ржавыми оставались бесчисленные квадратные метры решеток на всех, без исключения, окнах, дверных проемах и прогонах между «локалками».

Еще в этом месте резало бы взгляд постороннего то, что вся территория колонии была вдоль и поперек поделена на маленькие и побольше кусочки. Это и были многочисленные локальные зоны, позволявшие администрации без труда держать спецконтингент маленькими, лишенными связи друг с другом, группками. Малочисленными, и потому легкоуправляемыми...

Новый заместитель начальника колонии по оперативной работе майор Островский делал свой первый обход территории в сопровождении старшего опера Щеткина. Эти два офицера

---

<sup>26</sup> «Хозяин» – на блатном жаргоне начальник исправительно-трудовой колонии.

шли неспешно, не смотря на то, что появление в зоне нового лица вызвало не скрываемый интерес среди заключенных. Многие из них даже не выдерживали и подходили из любопытства к решетчатым дверям обнесенных заборами дворики перед бараками. Смотрели на новое в зоне лицо пристально и тяжело.

– Почему так много не на работе? – не скрывая своего раздражения от уставившихся на него физиономий, спрашивал Островский.

– Это выходной отряд... Чтобы задействовать всех зеков <sup>27</sup> нам пришлось идти на это...

– Что, здесь тоже «выходные»? – еле выдерживая немигающие взгляды заключенных, продолжал сердиться майор при виде еще одной группы отдыхающих.

– Нет... Это смена после ночи... Несмотря на то, что они пашут всю ночь, все равно не спят!

– Чифирят, поэтому и не спят! – сделал вывод Островский.

– Нет, товарищ майор... Чая в этом отряде уже не видели больше месяца...

Это я точно знаю... Последний раз я сам передавал... – раздражающе спокойно отвечал капитан.

– А почему тогда не спят?

– Свободы ждут, наверное...

– Побег были? – изменил тему разговора заместитель начальника.

– А как же! Только давно уже...

– Когда в вагоне ушли под вторым дном?

– Да... Прославилась тогда на весь Союз наша «тридцать седьмая»...

– Осудили их?

– Да... Как положено, по три накинули... Один продолжает отбывать у нас...

– Как фамилия? В каком отряде? – остановил свой взгляд на старшем оперативном уполномоченном майор Островский.

– Семушкин... Из двеннацатого... Но он уже полгода из ШИЗО <sup>28</sup> не выходит...

– Правильное решение! Там его и сгноить надо! Он, небось, организатор?

– Нет... Он только стенку подваривал... Организовывал и уходил второй...

– Ну, и что? Какая разница! Этому тоже не жить! А как же упустили? Почему отряд перекрыт не был?

– Был перекрыт отряд... Как положено, Сергей Александрович... Но каждому ночью под одеяло ведь уши не положишь... А они спали рядом. Иногда, даже, конфликтовали. Для вида, мы потом уже это поняли...

– Значит, товарищ капитан, – подчеркнуто по-деловому отметил майор, – будем работать по иному! Если не хватает ушей, будем их размножать! Сколько по лимиту <sup>29</sup> в колонии?

– Одна тысяча семьсот...

– А по списку?

– Четыре тысячи двести...

– Понимаю... Но это не должно быть причиной для того, чтобы у нас были «выходные смены»! Во время безделья они как раз и обдумывают свои штучки, понятно!?

– Работы и так не хватает... Даже метла в три смены метет... Выполняем все заказы в максимальном объеме. Придумать что-то кардинальное, по-моему, уже не возможно... Так и начальник считает..., – также спокойно рассуждал капитан Щеткин.

– Ну, это мы еще посмотрим! – как-то по мальчишески задорно заявил.

Островский и зашагал быстрее.

---

<sup>27</sup> «Зек» – на блатном жаргоне отбывающий наказание в виде лишения свободы, заключенный.

<sup>28</sup> ШИЗО – штрафной изолятор.

<sup>29</sup> Лимит наполнения – установленное для данной исправительно-трудовой колонии количество заключенных.

– Вы куда, товарищ майор? – зачастил вслед за своим начальником капитан.

– Там, – майор указал рукой нужное направление, – «коня»<sup>30</sup> тянут! Пойдем быстрее!

Капитан Щеткин быстро увидел то место, куда спешил майор. Одну локалку от другой отделяло метров восемьдесят. И это расстояние было бы можно без труда перекричать. Но между этими двумя скоплениями спецконтингента, как раз над ними, возвышалась наблюдательная вышка. Крик по звонку оттуда вмиг был бы пресечен оперативной группой. Да, и информация, по-видимому, была не для посторонних ушей...

Щеткин видел, как в зарешеченной клетке быстро исчезла стрелка с запиской. Белая нить между «локалками» еще продолжала двигаться, когда два оперативника подскочили к решетке облепленной руками заключенных.

– Стоять! Не двигаться! Быстро ко мне! – властно отдавал команды майор невидимому получателю «корреспонденции».

Тот, кому предназначалась записка, и слова оперативника исчез в толпе навсегда. Его товарищи по бараку дружно сомкнули тела и загородили того, в чьих руках еще с пару секунд оставалась нить. Пальцы на прутьях решетчатой двери побелели от напряжения.

Когда Щеткин, высоко подпрыгнув, достал нить и начал тянуть к себе, ее конец уже никто и ничто не удерживало. Записка попала точно по назначению. Капитан тяжело вздохнул.

Этот, новый его непосредственный начальник, показался ему тупым и карьеристки настроенным. Сколько таких прошло мимо него в этой заброшенной колонии. Большинство, конечно, «уходили» наверх, навсегда забыв его помощь и советы. Некоторые были раздавлены грузом ответственности до полного нездоровья. Единицы ушли из системы навсегда. Один, даже, геройски, принимая участие в тушении пожара, спасая зеков и оставшись под обвалившейся крышей барака...

«Этот будет рвать и метать... По всему видно... Тем более что записку не сорвали... Будет грузить за это на меня, как исполнявшего обязанности и не добившегося в колонии неконтролируемых связей между спецконтингентом... Кто же это мог быть? Петров? Нет... Тому два месяца до конца срока и досиживать их в штрафном изоляторе он не будет... Костромской? Или Сикорский? Чего гадать, глянь лучше в глаза новому начальнику...», – развел руками с отпущенным концом нити в одной, Щеткин.

Майор Островский зло выругался и плюнул себе под ноги. Вплотную подошел к решетке. Несколько мгновений помолчал. Не оглядываясь на Щеткина начал говорить со спецконтингентом:

– Я ваш новый заместитель начальника по оперработе...

– Знаем, гражданин начальник! – выкрикнуло недружно несколько голосов.

Но не из первых рядов, а откуда-то сзади...

– Считайте, что с вашим отрядом я познакомился как с первым! Но ничего хорошего не увидел. К сожалению. К вашему сожалению! И поэтому даю вам одну минуту для того, что бы эта записка появилась у меня в руках, и желательно, чтобы ее мне принес тот, кто ее получил за вашими спинами!

– И что тогда? – раздался голос из толпы.

– Тогда, считайте, что я с вами еще не знакомился! – все более зло говорил майор, одновременно переписывая в свой блокнот с нагрудных бирок<sup>31</sup> первой шеренги заключенных, чьи плечи скрывали закулисных действующих лиц, фамилии.

– Та, видали мы такого! – выкрикнул все тот же голос за спинами.

---

<sup>30</sup> «Конь» – на блатном жаргоне средство для осуществления связи между заключенными. Здесь, передача записки с помощью переброшенной нити.

<sup>31</sup> Бирка – специальная нагрудная табличка на верхней одежде заключенных, предусмотренная Правилами для отбывающих наказание в виде лишения свободы, на которой написаны фамилия, имя заключенного и отряд, в котором он отбывает наказание.

По тону сказанного можно было безошибочно определить выражение лица говорящего: искривленное в презрительной улыбке, тоже злое и к тому же с изрядной долей ненависти.

– Вы все об этом пожалеете! – очень тихо процедил майор Островский и со всей силы провел по решетке, отделяющей его от заключенных, увесистой связкой ключей.

Звон щелчков стали об сталь часто перемешивался с мягкими ударами по живой плоти рук...

Тревожный звонок из «тридцать – семерки» прозвучал в самое подходящее для тревоги время – половину второго ночи.

Рота специального назначения была поднята в ружье уже через полчаса после сигнала оперативного дежурного областного Управления внутренних дел.

Все ее служащие сейчас повторяли во множестве раз повторенное во время учебных тревог. Без особой суеты покидали разогретые снами постели, вскакивали в форму, вырывали из пирамид в оружейке свои автоматы, тянули на поводках овчарок и без прогрева выводили технику из ангаров. Большинство из занимающих свое место на плацу перед казармой были уверены в том, что это очередная проверка их боеготовности.

– Равня-я-яйсь! См-рна! Товарищ полковник! Личный состав второй отдельной... – отдавал рапорт дежурный офицер прибывшему из дома командиру полка. – Кроме личного состава роты по тревоге подняты курсанты училища внутренних войск находящиеся на практике!

Уставшего вида старший офицер до конца выслушал обращенные к нему слова. Некоторое время он еще о чем-то раздумывал, низко опустив голову к асфальтированному плацу и широко расставив ноги, обутые в хромовые сапоги гармошкой из-за мощных икорных мышц. Плечевой ремень португали отвис от груди дугой.

Первые его слова обращенные к строю выдали его волнение:

– Для большинства из вас сегодняшняя ночь запомнится надолго! И я очень хочу, чтобы она запомнилась вам! Всем без исключения! Потому, что только живые могут помнить! Поэтому, впервые отдавая вам команду на проведение боевой операции, прошу вас всех до единого вернуться назад в казарму! Да, вы не ослышались! Сегодня тревога настоящая! Боевая! Мы выдвигаемся на подавление бунта. Колония тридцать семь строгого режима. Более четырех тысяч наполнение. По последним сведениям большинство заключенных вышло из барачных и, сменя локализацию, подошло к основному ограждению. Среди личного состава колонии есть жертвы. Над заключенными полностью потерян контроль. Ситуация усугубляется еще и тем, что мы выдвигаемся без ожидания поддержки. До подхода основных сил не менее пяти часов. Но обстановка не позволяет ждать! Командиров взводов прошу действовать по обстановке и не идти на провокации ради одного – сохранения личного состава. Связь поддерживать по рации. Применение специальных средств и оружия санкционирована прокурором области. Все! По машинам!

Ефрейтор Петр Хохряков тоже слышал слова командира. Но из кабины своего «сто тридцатого ЗиЛа»<sup>32</sup> для него прозвучавшие откровенные слова остались за чертой полного понимания. Солдат оставался спокойным. А, как иначе? Он один в рукопашном бою мог уложить с десяток зек. Так, по крайней мере, его убеждал его инструктор, добряк-молдаванин, мастер спорта по самбо Виктор Снигур. Но всем было понятно, что только если они невооружены. Если зек получал в свое распоряжение ножи, не говоря уже об огнестрельном оружии, их шансы сравнивались. Но и в настоящем бою на поражение они были сильнее! Бронежилеты, каски, титановые щиты не оставляли бунтующим шансов. Оставалось одно «но». Их было только две сотни... Как сказал полковник? На четыре тысячи?

---

<sup>32</sup> «Зил» – грузовой автомобиль производства автомобильного завода им. Лихачева, г. Москва.

Задача была понятна до конца: удержать колонию от прорыва до подхода основных сил. Любой ценой. Хоть самой смерти! Конечно, вначале зеков, а затем, уже своей...

Полковник был прав. Эта тревога и в его службе первая боевая. Прошлые были только приближенные к боевым. Когда роль бунтующих играли его же сослуживцы и он сам надевал зековский бушлат в свою очередь по команде. Били они тогда друг друга, конечно, в полсилы. Только собаки кусали во всю. В общем, все было почти не по нарошку. Все, кроме применения оружия...

Лишь однажды он стал свидетелем настоящего вмешательства спецназа в дела тюремные. В том случае восстала не вся колония. Основная масса зеков при их вхождении в зону лишь пугливо выглядывало из-за зарешеченных окон. Бунт там подняли узники штрафного изолятора. Их была всего горстка. Тогда все закончилось, когда двухметровый здоровяк Дорофеев, схватив одной лишь правой предводителя возмутителей спокойствия за грудки, одним плавным движением опустил того, тоже не маленького ростом и весом мужичка, перед собою на колени.

Хохряков видел, как сопротивляется воле и силе спецназовца тот зек. Синие вены вздулись на его шее и дрожали от напряжения ноги в коленях. Они, заключенный и сержант, только непродолжительное время смотрели друг другу в глаза. Затем зек стал плавно опускаться, все еще сопротивляясь чудовищной силе, вниз. А когда Дорофеев на глазах всей зоны помочился на распростертого у своих ног человека, Петр видел, как лежащий заплакал...

Он служит водителем штурмовой машины. В принципе, это обыкновенный грузовик, но только оборудованный вот для таких целей. По бокам, спереди и сзади металлическая защита от бутылок с зажигательной смесью. Колеса снабжены системой аварийной подкачки воздуха. На стеклах кабины защитная металлическая сетка. За кабиной обшитая стальными листами будка для его отделения. Над его головой на кабине укреплен ствол брансбойта, который легко и быстро может быть заменен ручным пулеметом.

Ему, водителю, было легче, чем остальным ребятам из его отделения. Он оставался во время контакта со спецконтингентом в кабине. И оттуда могло его попросить выйти только одно-единственное обстоятельство – спасение товарища. Так было написано в их инструкциях...

– Заводи! – коротко бросил заскочивший в кабину командир отделения, сверхсрочник, старший сержант Дорофеев.

За старшим сержантом, увешанном спецснаряжением, неумело, подпрыгивая на ходу, в кабину взобрался с каской на самых глазах незнакомец в желтых, из-под бронежилета, по периметру погонах.

Петр завел двигатель но не трогался, уставившись на незнакомца.

– А-а-а! Это курсант... Нам в довесок! – зло представил пассажира командир отделения водителю. – Сказали, если что с ним случится – голову нам всем оторвут!

– Выходит, не на дело едем, а в детский сад? – предположил Хохряков, втыкая первую передачу.

Дорофеев раздраженно промолчал.

Их грузовик ехал первым в колонне. Следом за командирским УАЗом. Значит, и в ворота колонии первыми пойдут именно они. Если обстановка не внесет свои коррективы.

Хохряков, понимая это, был спокоен. Как и его формальный командир. Отношения в его отделении между срочниками и сверхсрочниками были братскими. Без преувеличения смысла этого слова. Все понимали, что случись что, незаслуженно обиженный в боевых условиях тоже будет иметь право голоса своим автоматом...

– Командиром, значит, скоро будете, товарищ курсант? Офицером? – поддельно заискивающим тоном спрашивал ефрейтор Хохряков у приникшего к двери курсанта.

Тот молчал и даже не повернул головы.

– Меня, вот, Петей зовут! Командира отделения нашего, дай Бог ему здоровья, Ефимом. Тоже редкое и не менее красивое имя, правда?

Курсант, казалось, оглох. От его дыхания на стекле вырос круг испарения на котором его ухо, торчащее из-под каски, на неровностях дороги рисовало кривую линию.

Дорофеев стал толкать водителя, демонстрируя выражением своего лица, что курсанту страшно. Петр прекрасно понял мимику и возмутился:

– А на хер он с нами вообще поехал!? Сидел бы в казарме и отчеты писал о пройденной практике!

– Да, замолчи ты! Не видишь, человек растерялся! – взмолился старший сержант.

– Что тут такого, – тихо проговорил курсант. – Конечно, испугался! Только дурак не побоится ехать на такое дело!

– Что!? – оскалился ефрейтор.

– Ну, не дурак, пусть, а опытный... Я не так выразился... Вы же не в первый раз?

– Представь себе в первый! – рявкнул Хохряков. – И фильтруй свой базар, парень!

Курсанту стало жарко и он снял каску с пилоткой. Тяжело вздохнул и спросил:

– И стрелять будем?

Тон, с каким были произнесены эти слова вызвал громкий хохот всех присутствующих в кабине.

– Вот, и ты тоже проснулся! Конечно, будем! И давай договоримся, корешок.

Не высовывайся! И даже не выходи из кабины! Сиди и смотри! – тон Дорофеева был непререкаем и действительно смахивал на приказ.

– Есть, товарищ старший сержант! К тому же, у меня и автомата нет! – уже без обиды сказал курсант, вновь напяливая на голову стальную полусферу.

– Лучше бы до них дело не дошло..., – себе под нос пробурчал Хохряков.

Близость колонии выдали милицейские посты на перекрестках дорог и рвущие черное небо впереди лучи прожекторов.

В свете автомобильных фар янтарем отливали наливающиеся соком яблоки в саду прямо напротив забора основного ограждения. Отяжеленные плодами ветви свисали над дорогой и делали эту ночную тревогу и вовсе нереальной.

Грузовик с шумом стравил воздух из тормозной системы.

Еще громче ночь раздирал рев тысяч мужских глоток.

Хохряков приоткрыл свое окно и чуть выставил ухо. Нет. Это не был рев полного до отказа стадиона при неправильно назначенном пэнэле в ворота своей команды. И даже не при забитом долгожданном голе. Рев зоны ставил дыбом волосы на голове. Слушать это было жутко и невозможно. Инстинктивно голова водителя подалась в кабину.

– Полный пиз...ц! – уверенно прошептал ефрейтор.

– Не дрейфь, зема! Под пулями не один не захочет с нами спорить! – веско опроверг прозвучавшее предположение старший сержант, поглаживая ствол «калаша». – Слушай и смотри, лучше, за командами!

Впереди, в свете фар о чем-то советовались их офицеры. Когда к спецназовцам подбежало несколько перепуганных сотрудников колонии, даже начался спор. По всему было видно, что вновь прибывших уговаривали выступить в взбунтовавшуюся зону без предупреждений. Растревоженные колониетские сотрудники горячо доказывали свое, делаясь от этого еще смешнее. Их внешний вид мог сказать только об одном – о царившей в их головах панике.

Полковник не поддался на уговоры. К воротам колонии он пошел один. С мегафоном в руке.

За воротами стояли они. В распираемых толпой створках ворот уже блестели их глаза. В образовавшуюся щель протискивались пальцы их рук.

Между ними, пока в зоне, и спецназом оставался один полковник. Не считая почти выдавленной людским напором последней перед свободой зыбкой перепонки-ворот.

Так же широко, как и на плацу перед своими подчиненными час назад расставил ноги. Усиленный электричеством батареек голос прорезал пространство по эту сторону основного ограждения:

– Граждане осужденные! Вы нарушили закон и будете наказаны в случае продолжения неповиновения! Требую немедленно отойти от основного ограждения и занять поотрядно свои места в жилой зоне! В противном случае мы будем стрелять! Применение оружие санкционировано прокурором области!

Упоминание о страже местной законности вызвало дикий рев толпы. До слуха сидящих в первом грузовике донеслись в основном нецензурные фразы, смысл которых сводился к одному: «дайте нам его всего на пять минут». При этом обе половинки ворот каким-то чудом остались запертыми, хотя в одно мгновение уже показалось, что они не сомкнутся уже больше никогда.

После этих выкриков полковник взял в руку микрофон радиостанции и поднес его к губам. В автомобильном приемнике раздался треск и следом его команда:

– Я «первый»! Я «первый» Слушай приказ! Первым по воротам бьет «тридцатый»! Повторяю: «тридцатый»! За ним работаем по команде «три»! Как поняли: по команде «три»! Команду командира повторили командиры взводов.

Дорофеев доложил в эфир о готовности своего отделения и тут же по громкой связи продублировал вводную своему отделению, ожидающему развязки события в будке за спиной.

– Поехали!!! – разорвал эфир крик командира.

Тут же, следом за этим словом раздался гул газующего «тридцатого». Петр видел его появление в боковое зеркало заднего вида. Бронетранспортер обогнул колонну и по дуге стал приближаться к воротам. Все набирая и набирая скорость! На пределе мощности своих двигателей! Оставляя за собой синий шлейф не сгоревшей до конца в цилиндрах двигателя горючей смеси. Стремительно и поэтому неправдоподобно! С сильным свистом из выхлопных труб. Одним броском сближаясь с отражающими свет его фар в створках ворот десятками глаз. Навстречу с бунтующими руками и душами!

Хохряков прогазовал до самых максимальных оборотов свой автомобиль. Выжал сцепление и включил первую передачу. Но пока не трогался с места, сжигая накладки сцепления. Время приближения к воротам колонии бронетранспортера казалось ему неправдоподобно медленным. Как в замедленном кино. Таким плавным и, даже, стоящим на месте, что он даже не обратил внимание на сильный запах горящего сцепления.

Оторвавшись от зеркала когда туша БэТэРа промчалась рядом, Хохряков стал медленно отпускать левую крайнюю педаль. Для него это было словно в первый раз. Будто во сне, а не наяву. Его разум отказывался воспринимать происходящее реально и правдоподобно. Время вокруг него остановилось.

Звука удара брони о железные ворота слышно не было. Уши заложило сильное волнение и поднявшееся от этого артериальное давление. Его «Зил» постепенно набирал скорость и подкатился к стоп-сигналам броневика в тот самый момент, когда обе части тяжелых, кованых заклепками по толстым стальным листам, ворот распахнулись и, оборванные с петель, стали опадать на беснующуюся по ту сторону толпу.

Приближающийся к зияющему чернотой и неизвестностью жерлу кратера колонии строгого режима вплотную к острой броне бронетранспортера грузовик первого отделения с обеих сторон с автоматами наперевес огибали две колонны спецназовцев в полной экипировке штурмующих бунт...

Сразу за воротами Хохряков увидел их: тысячи горящих ненавистью ко всему, что осталось за пределами этих стен, глаз. Их сжатые кулаки. Каждый человек что-то выкрикивал в

его сторону. Ближние к упавшим воротам безуспешно пытались вытащить задавленных тяжелой сталью. Кто-то пытался поднять руками ворота с земли и с тел. Кто-то тянул за руки или ноги. Кто-то еще наклонился над кем-то и уже попрощался навсегда.

Сразу за воротами начинался ад! Темный и испепеляющий ненавистью! Рвущий слух и здоровое, человеческое понимание действительности!

Слух Хохрякова разорвали первые автоматные очереди. Вначале стреляли поверх голов. Но уже вторая очередь, почти слившаяся по звуку с первой, была прицельной и скосила несколько рядов обступивших прорвавшийся сквозь живой их строй бронетранспортер.

Из утробы БЭТЭЭРа на свидание с обезумевшими узниками стали горохом высыпаться ребята из третьего отделения их взвода. Не успевая выпрямить после прыжка свои ноги и распрямить плечи, стесненные тяжестью жесткого снаряжения, они падали на землю, растаптываемые толпой даже не обратившей внимание на первый залп. Упавших солдат добивали кусками железа фигуры в черной одежде уже без бирок на груди...

Старший сержант Дорофеев снял автомат с предохранителя и передернул затвор, приказав курсанту:

– Выпусти меня, сынок!

– Вы же сказали мне не выходить! – жалобно промяукал третий в кабине.

– А, ну, е... твою мать!!! – Дорофеев дотянулся до ручки, распахнул дверь кабины и перелетел через курсанта в преисподнюю.

Одновременно с первым своим шагом старший сержант выбросил вперед себя приклад автомата. Расчетливым ударом в лоб ближайшего зека он опустил в этой схватке первого своего на землю. Падал тот зек уже, бесспорно, мертвым. Взгляд его после удара вмиг потускнел и потерял свой живой и взволнованный блеск. Петр провел взглядом этого, уже преклонных лет, человека до самой земли и удивился тому, что глаза его так и не закрылись...

Старший сержант то бил автоматными штыком и прикладом, то стрелял в упор одиночными. Наклонившись телом вперед он валил и валил себе под ноги набегавших.

Еще через секунду за спину к Дорофееву примкнули бойцы его отделения, орудуя наотмашь автоматами и саперными лопатками. Многие из них были без щитов. Скорость, с которой наносились ими удары по телам разъяренных заключенных заменяла простой кусок железа и из пассивных обороняющихся превращала их всех в наступающих. Причем, в соотношении минимум один к пятидесяти! Заключенные в своем стремлении прорваться сквозь их строй мешали друг другу. Самые настырливые в своем желании дотянуться до тел в военной форме куском заточенной стали кончали с пулей в своем...

Хохряков помалу тянул свой грузовик за бронетранспортером не давая шансов толпе протиснуться между машинами и перебраться на другую сторону раздирающего бунтующих пополам клина. Задней машины ему не было видно, но он был уверен, что там, у него за спиной, тоже все в порядке.

Петр не обращал никакого внимания на ненавистные взгляды в свою сторону. Ему лично что-то кричали и тоже угрожающе размахивали кулаками. Изредка в его кабину бессмысленно бились камни и куски металла, которые пока бесследно отскакивало.

Курсант от страха провалился куда-то под торпеду. От каждого звука удара камней по кабине его тело вздрагивало и становилось еще меньше.

Тревожно ефрейтору стало только когда его автомашина уперлась в остановившийся бронетранспортер. Его «Зил» заглох и остановился. Петр впервые за все это время испугался и стал лихорадочно пытаться разобраться в ситуации. По всему было видно, что силы его сослуживцев тают. Спецназ уже не наступал. Солдаты вплотную спинами прильнули к автомашине и только отбивались от сыплющихся на них со всех сторон ударов. Было очевидно, что у всех уже закончился боезапас...

Сколько может выдержать нормальный, пусть даже и натренированный, мужчина, в таких условиях? Полчаса максимум... Они все этим занимались уже сорок минут.

Рация разрывалась от бессвязных команд и приказаний. Разных и противоречивых. От «давай, вперед!» до «тпру, назад!». Их попытка войти в зону, судя по всему, захлебывалась...

Первое тревожное движение за зарешеченными автомобиля Хохряков определил еще через минуту после остановки его автомобиля: бойцы его отделения пятились к его кабине. Сзади их никто не прикрывал! Зеки обтекали их автомобиль уже с тыла.

Петр смахнул выступившую вмиг испарину со лба. Они были вторым отделением из числа вошедших в зону и последним! Что случилось там, сзади за ними было трудно и предположить. Все, что угодно! Но мысли об этом только еще более пугали. Было необходимо найти выход и во что бы то ни стало помочь своим!

Хохряков скороговоркой пробормотал подобие молитвы и крутанул ключ зажигания. Двигатель сразу завелся. Взревев несколько раз на максимальных оборотах, машина под его управлением чуть отъехала назад. Ровно настолько, чтобы не дать слиться в одно целое зекам и не отрезать его автомобиль от броневика.

Его решение ускорило и то, что именно в эти секунды впереди стоящий БэТээР облился ярким пламенем. Толпа взревела еще сильнее. Это было последним сигналом к отступлению. На мгновение ослепленный жарким огнем, Петр сомкнул глаза. Его решение разделить участь своих ребят пришло само собою и очень легко...

Ефрейтор приоткрыл стекло форточки и одновременно со стволом своего автомата высунул и голову:

– Командир! Сержант!!! Уходи направо!!! Я сделаю щель!!! – орал он.

Дорофеев рубящий воздух вокруг себя саперной лопатой, все лицо и руки которого были в крови, казалось, уже ничего не слышал.

Хохряков изо всех сил повторил свое предложение и ему показалось, что в промежутках между наносимыми ударами Дорофеев кивнул ему понимающе головой. Сразу за этим кивком понимания Хохряков сдвинул свой грузовик назад, ровно настолько, чтобы между ним и броневиком смог протиснуться человек.

– Слышишь, ты! – рявкнул, не оборачиваясь к предмету разговора Петр. – Ты автомобиль водить можешь?

Курсант лихорадочно закивал головой.

– Лезь под меня! Перехватывай педали и по моей команде трогай!

– Куда? – промямлил бледный курсант.

– Вперед, братишка! – уже ласковее попросил Петр. – И правее! Ну, я пошел!

– Хохряков сказал эти слова уже спрыгивая к своим. И перед тем, как захлопнуть за собой дверь рявкнул: – Давай!!!

Двигатель грузовика взревел так, словно это был самолет перед самым взлетом. В отблесках пламени в лобовом стекле можно было рассмотреть перекошенное от ужаса лицо курсанта, уцепившегося за рулевое колесо. На него несколько раз Хохрякову удалось оглянуться. С каждым новым выстрелом из автомата он все время кричал одно и то же слово «давай!!!». Мотор ревел, а автомобиль оставался на своем месте. Голос у Петра пропал через минуту его стараний докричаться в свою кабину. Сейчас голос его только сипел. Его муки усилились еще больше, когда он понял, что вернуться в кабину и завершить им задуманное ему уже не удастся. Его отгеснили далеко вперед от двери кабины и возвращаться назад ему было возможно только расстреляв все до единого оставшиеся патроны. Этого было делать нельзя. Он один пока сдерживал рвущуюся к ним толпу, методично всаживая пулю за пулей в очередного обреченного своим к нему и товарищам за его спиной приближением.

Как ни странно, убивать людей в те минуты Хохрякову показалось даже забавным! Мысль об этом пришла сама собой. Вслед за тем, как он еще раз увидел с близкого расстояния, что

делает автоматная пуля с человеческой плотью, что-то надломилось в нем. В одно мгновение между его первым и вторым выстрелом человеческая жизнь перестала быть для него чем-то священным. Навсегда...

Понимая, что он подводит товарищей, Хохряков в эти мгновения только и молил неконкретного бога о том, чтобы все закончилось хорошо и все его сослуживцы смогли выбраться отсюда хотя бы живыми. Еще Петр, уже не оборачиваясь, одной спиной умолял того придурка выкрутить руль максимально вправо и немедленно тронуться с места в направлении в ворота колонии...

Он боковым зрением увидел как его «ЗиЛ» высоко подпрыгнул от резко отпущенного сцепления. Но мотор чудом не заглох! Видимо, от испуга курсант случайно повторно придавил нужную педаль.

На тех же максимальных оборотах двигателя и на первой передаче грузовик стал вклиниваться в толпу, тяжело переваливаясь через беспорядочно наваленные тела. Выражение лица курсанта за рулем не изменилось и, даже, наоборот, стало еще более трагичным: брови его высоко взметнулись от переносицы вверх, нижняя челюсть и губа тряслись в лихорадке, костяшки пальцев рук побелели на руле от бескровия. Широко открытые глаза смотрели только прямо перед собой!

Ему бы было необходимо вывернуть руль до упора вправо, но перепуганный до истерики, курсант стал вести автомобиль по широкой дуге, не приближаясь к воротам колонии а, наоборот, удаляясь от них. Это была катастрофа! У оставшихся в порядке солдат уже не оставалось сил проделать этот заданный грузовиком путь. А без его прикрытия двигаться по прямой к месту спасения у них все равно уже не было сил. Им всем пришлось передвигаться, подчиняясь безволию молодого человека за рулем...

Вот, патроны кончились и у Петра. Он в сомнении еще несколько раз надавил на спусковой крючок. Сухие щелчки спускового механизма повели отсчет времени остатка его жизни...

Отбиваться от ударов со всех сторон уже не было сил. Руки, да и все тело стали ватными и беспомощными. Каска на голове, бронезилет, наплечники и щитки на руках с ногами давали Петру возможность не обращать особо внимание на удары нападавших на него с боков. Он только старался мягко уходить от них в направлении их же вектора усилий. Но не в коем случае, не на встречу! Так учил его инструктор...

Свои последние силы Хохряков оставлял на встречу нападавшего на него в лоб. Сейчас это был почти его сверстник, молодой и сильный. Его глаза не излучали страха. Он сходил с эфрейтором смело и дерзко. С одним куском арматурины в правой руке. Не теряя равновесия на телах поверженных ранее зеков-одноголазников, он, подгоняемый движением сзади себя неумолимо приближался к Петру.

Его первый удар металлическим прутом Хохряков отбил автоматом, зажатым обеими руками впереди себя. И тут же двинул изо всех сил, чтобы наверняка, отстегнутым прикладом ему в голову. Метил в висок, но удар лишь скользнул по челюсти. Брызнула кровь из-под рассеченной кожи. Петру показалось, что нападающий даже не обратил на причиненное повреждение внимания. И продолжал напирать, занося руку для очередного удара.

Для солдата все было, как при замедленном воспроизведении киноплёнки: медленно и плавно. Так, что улавливались все мельчайшие и самые быстротечные детали схватки. Медленно опускалась на его голову в очередной раз рука с куском тяжелого железа. Медленно, но на опережение этого удара вперед ребром тяжелого ботинка ушла его правая нога. Также замедленно окованная железом подошва стала глубоко и с хрустом погружаться в незащищенное тело в районе грудной клетки. Еще медленнее из рук нападавшего выпал прут и стал опускаться вниз. Как осенний лист...

Это было последним, что запомнил в том светопреставлении ефрейтор Хохряков. Увлеченный схваткой за выживание, он не смог услышать предательское приближение за своей спиной своего же «ЗиЛа».

В последнее мгновение Петр только успел подумать о том, кто же это такой сильный навалился на него...

## Глава IX

Витка была самой красивой девчонкой во дворе! Часто из-за нее мальчишки дрались. До крови из носа и выбитых зубов. Чернявая, с густыми бровями и карими, огромными глазами в опушке густых и длинных ресниц. Ее еще любили не только за притягивающую взоры красоту. Она сама была как мальчишка. Причем, всегда как самый отчаянный. Лучше нее во дворе никто не лазал по деревьям и не стрелял из рогатки. Точнее не метал палку в игре в «пекаря». Ее острые локти и колени красовались всегда пятнами свежей бриллиантовой зелени. Ее имя громко звучало во дворе в самую последнюю очередь из всех соседских имен подружек. Она шла домой спать только одновременно вместе с самым поздним мальчишкой.

Такое имя ей дала мать. Только через полгода после ее рождения. В нарушение всех возможных правил, предусмотренных законодательством о браке и семье. Одна. Как мать одиночка. Написав в заявлении о регистрации своей дочери, что ее отца зовут Чипилин Владимир Сергеевич. На самом деле, человек с таким именем был всего лишь маминым школьным товарищем-первой любовью и никак не мог играть роль отца девочки, так как давно умер от цирроза печени. Виктория об этом узнала много позже, когда вместе с матерью ходила на встречу учеников ее школьного класса.

Еще позднее, но уже от самой матери, ей стало известно о том, кто ее настоящий отец. Это была, по словам мамы, настоящая романтическая история. С очень хорошим началом, но неважным по содержанию концом.

Отец Виты был иностранцем. Не таким, чтобы уж очень по тем временам. Но, все же...

Как рассказывала своей дочери мать, все случилось «красиво и с расстановкой». Когда ее, активную комсомолку послали в заводской Дворец культуры на встречу с югославской делегацией она очутилась за одним столом с ним. Языковой барьер совсем не стал в тот вечер для молодых людей непреодолимой преградой. И еще стремительному развитию отношений послужило полное отсутствие интереса у них обоих выслушивать многочасовое повествование многочисленных на встрече парторгов и комсогов о силе дружбы их братских народов.

Они сами тогда не поняли, как точно воспроизвели практически высокую идею интернационализма, сначала напившись до чертиков водки за углом ближайшего гастронома, а затем очутившись в одной постели в гостинице в номере у Иво.

– Он был очень красивым? – часто спрашивала после такого неожиданного открытия Вита у своей мамы.

– Очень... Красивее твоего папы нет мужчины! – твердым голосом убеждала мать. – Да ты и сама можешь всегда убедиться, глянув на себя в зеркало! Ух, глазищи! Как у него! – проводила по голове дочери ладонью женщина и глаза ее наполнялись туманом...

Мать, правда без особого желания, еще ей рассказывала, что когда Вите было полтора годика Иво прислал свое заявление, в котором говорилось, что он совсем не против признать девочку своей дочерью. В том документе было прямо так и написано: признаю себя отцом и прошу произвести соответствующее изменение в актовой записи Ленинского ЗАГСа.

Но ничего из той его затеи не вышло. Время было веселое, комсомольское, а мама Виты была очень активной. Когда она понесла это заявление из Югославии в ЗАГС, очень скоро об этом стало известно в ее цехе, где она работала гальваником. В ее честь даже было собрано ком-

сомольское собрание, на котором разбиралось ее персональное дело. Мамина «персоналка» была еще похлеще иных дел за крещение новорожденных в церкви!

Парторг цеха все никак не мог добиться от Витиной мамы признания своей ошибки и собственноручном возврате письма обратно, в Югославию. Точка зрения местного партийного вождя оставалась непоколебимой, даже когда ему доложили на собрании защищавшие нарушительницу нравственных устоев подруги о том, что, вообще-то, Югославия страна из социалистического лагеря, а записанный в свидетельстве о рождении Виты якобы отец уже давно почил в бозе. В ответ на такую глухую защиту парторг Сергей Сергеевич Ковалев, худющий неврастеник, проживший всю свою жизнь в коммунальной квартире и зарабатывавший себе отдельную рвением на общественно-партийной работе, тогда вспомнил чем именно молодая мама занималась в комитете комсомола цеха. И за что отвечала...

Крыть снижение активности комсомольцев, выражающееся в несвоевременной уплате членских взносов Витиной маме и ее друзьям было нечем. Действительно, в молодежной среде поднимался вихрь иждивенческих настроений. Хотя все прекрасно помнили, как ответственная за сбор взносов стояла в свои выходные дни – дни выплата рабочим зарплаты и даже на морозе в легком пальто у цеховой кассы в ожидании проявления активности, уговаривая нерадивых сдать положенное всесоюзному союзу. Как подолгу губами, свернутыми в трубочку, дула теплым своим дыханием на замерзший прямоугольный штампик, отогревая на резинке мастику, чтобы поставить редкому сознательному комсомольцу оттиск-индульгенцию в комсомольский билет еще на один месяц спокойной жизни.

Одним словом, на том памятном собрании маму Виктории «за аморальное поведение и невыполнение комсомольского поручения» отлучили навсегда от комсомола.

Позже, понимая в душе, что дочке нужен настоящий отец, мама Виты пыталась восстановить справедливость. И даже обращалась за помощью к адвокатам.

Юристы помогали ей недолго. До тех пор, пока у нее не закончились деньги, а от Иво больше уже не доходило. Все мамины старания уперлись в глухое непонимание соответствующими структурами сложившейся ситуации, которые никак не могли понять, почему отец девочки не желает приехать и лично засвидетельствовать свое родительское желание.

Когда женщина окончательно поняла, что заявление из Югославии не соответствует действующим в стране нормам и требованиям, Виктории уже исполнилось четырнадцать лет.

Иво изменил место своего жительства и более не связывался с когда-то полюбившейся девушкой и почти своей дочерью. Что и послужило причиной короткой о нем памяти. Тем более, что в их доме даже никогда не было его фотографии...

Еще через пять лет мамы у Виты не стало. Женщина умерла в сорок три года от рака горла. На похоронах девушка слышала приглушенные голоса маминих коллег и подруг о том, что маму погубила работа и она сгорела на производстве. Все ругали администрацию завода, не пожелавшую оформлять мамину болезнь, как профессиональное заболевание. Но ругались все тихо. Эти слова были только для внутреннего употребления и не могли даже и показаться чем-то похожим на протест...

Что за возраст для девчонки девятнадцать лет! Особенно, когда за тобой никто не следит и не опекает! Свою единственно близкую родственницу, мамину двоюродную сестру, Вита видела все реже и реже. Жизнь закружила ее как вихрь и унесла в неизвестность, если бы...

Маленькая однокомнатная квартирка на окраине города, это было все, что осталось от маминой трехкомнатной. Первый размен произошел по требованию тетки, которая желала от своей племянницы возврата затрат на похороны сестры. Вторую, предпоследнюю комнату продала уже сама Вита, когда жить стало невмоготу и она навсегда решила порвать с подружками на панели.

Вначале это был легкий отрезок времени ее самостоятельной жизни. Все началось и продолжалось само собою. Лучшая подружка пригласила сходить вместе на дискотеку и как-то

особенно улыбнулась. Значение этой улыбки для Виктории стало понятным когда подруга Яна предложила ей одеться посексуальнее и даже отдала один из своих нарядов. Сразу же после их появления в полутемном зале к ним за столик подсело двое молодых людей, которые сразу сделали им не двузначное предложение весело вместе провести вечер и дальше, как получиться.

Янкин взгляд был настолько пронзительно уговаривающим, что Вика сдалась, лишь слегка в согласии кивнув головой. Их тогда увезли на какую-то загородную дачу и продержали там два дня. Ничего страшного тогда за городом не произошло. Просто, ровно двое суток этим, так и оставшимся для них незнакомыми, ребятам хватило на удовлетворение своих самых сокровенных желаний. Мальчишник, так сказать, устроили.

Обратно в город они возвращались в электричке. Яна все время обнимала Викторию за плечи и страстно шептала в самое ухо о том, какая она молодец. Еще бы! Расплатились-то мальчишки с ними по-рокфеллеровски. И разделили они заработанное по-сестрински поровну, хотя «работала» больше Янка. У каждой из них упругой кожей груди ощущались по две зеленых, сотенного достоинства, купюры.

Дальше было еще проще. Деньги посыпались как из ведра. Первый опыт с его отвращением к чужому запаху тела и поту, быстро прошел. Увлечение, а именно так думала Вита о своем занятии, скоро превратилось в желанное времяпрепровождение. Очень часто с алкогольными переборами и, даже, синяками на нежных частях своего тела.

Пока не пришла первая серьезная, «профессиональная» болезнь, лечение которой не вытянуло все до последней копейки. Ни в больницу, ни уже домой к ней не единого раза не пришли ее подруги. И даже лучшая из всех – Яна.

Она лежала и подолгу думала о своем молодом, но несчастливом житье-бытье. Которое, в любом случае, необходимо было продолжать и не обращать внимание на участвовавшие в городе среди ее знакомых случаи суицида.

Как ей не хотелось, но остатки маминой квартиры ей пришлось разменивать уже по собственной воле. Вначале деньги согрели ее. Появился даже парень. Который ровно через два месяца оказался говном. Он украл почти всю сумму, вырученную от продажи одной комнаты и исчез навсегда.

В милицию Виктория о краже денег не заявляла. У нее был свой личный опыт общения с силовыми структурами.

Тогда ее «взяли» как раз на Международный женский день. Менты представились клиентами, вели себя обычно и даже одеты были подобающе. Ничто тогда в Вике не шелохнулось. Особенно после того, как ее поздравили веточкой мимозы с Восьмым марта. Сняли – так сняли, сразу двое – какая разница и ей это было не в первой! Когда они вытянули свои красные удостоверения и начали составлять протокол, Виктория даже опешила. Она очень долго не могла прийти в себя от того, что очень скоро могла стать официально проституткой и даже попасть в республиканский список для соответствующего компьютерного учета. Она тогда молила и клялась не делать этого больше. Заламывала руки и портила свою прическу, вырывая клоч за клочком поредевшие волосы. Говорила правду о том, что она сирота.

Ее старания возымели действия только после слов «я согласна на все».

Эти двое тогда переглянулись и утащили ее на квартиру, где не трахали, нет! Они пытали ее и по очереди, и вдвоем одновременно, часто названивания между делом и необходимым отдыхом своему руководству и, сообщая о том, что «они попрежнему сидят в засаде».

На ее первое предложение пользоваться презервативами те двое зло выругались и один, тот, что был выше в звании, в ответ на прозвучавшую просьбу ткнул кулаком в полсилы ее в грудь. Она этот жест отметила для себя как отметину на память. Даже спустя больше месяца это место у нее продолжало болеть и там она однажды случайно нащупала пока еще маленькое уплотнение...

После этого ее не отпустили и отвезли в еще одно место. На стене того здания она без труда прочла надпись под малым гербом ее государства на голубом фоне: «Прокуратура». Было уже поздно и все окна в этом доме уже были темными. Кроме одного.

Оставив ее одну в пустой комнате, с пристегнутой к трубе отопления наручниками рукой, те двое зашли в кабинет и о чем-то там долго шептались. Виктория смогла услышать лишь несколько слов: «она клевая девчонка», «совсем одна без родаков», «пихается во все дыры» и что «они в расчете».

Выходили менты широко улыбаясь ей, приговаривая:

– Поработай еще немного, дуреха! Ты же сама согласилась!..

Тот, к кому ее привезли был уже не ментом. Она успела разглядеть в его кабинете на тремпеле висящий форменный костюм другого, не милицейского цвета.

Он вышел к ней и отстегнул руку от трубы своим ключом.

– Вот, сволочи! Что же вы не звали на помощь! А как их зовут вы не запомнили? А где они служат, не знаете? – тарыхтел скороговоркой новенький ее клиент.

И почти сразу за ее отрицательным киванием головой другим голосом и уже расстегивая свои брюки, рявкнул: – На колени, сука! Соси!..

Тот, третий не отпускал ее целую неделю. Кроме своего сексуального удовлетворения всеми возможными животными способами Толя, как он сам себя назвал, заставлял ее стирать, мыть полы и готовить ему жрать. И отстегивал ее от уже своей батареи только для этого. И еще, чтобы в очередной раз избить. Ему нравилось это делать. Особенно кулаками в ее грудь, где уже и без того очень болело. Ему это нравилось больше, чем ее насиловать. Вита это поняла наверняка.

Спала она на полу под окном, проглатывала брошенные со стола обеды там же. И не известно чем бы это для нее закончилось, если бы однажды Толя не вернулся вечером в стельку пьяный. Она поняла, что он обмывал свое новое звание.

Отпустив ее в туалет, он, засыпая на ходу, совсем не защелкнул кольцо наручника на батарее. Как она освободилась и выскочила за порог его квартиры, он тоже не слышал...

Когда у Виктории не осталось в карманах более не единого рубля, она пришла в отчаяние. Сразу ее посетила мысль о том, что еще можно раз разменять квартиру. Но, оглянувшись на обшарпанные стены, она поняла, что сменять их на еще что-то более худшее уже невозможно и отогнала эту мысль навсегда. Тогда она схватила как соломинку в свои руки газету с объявлениями. Ничего более подходящего, чем договориться и в этот же день сдать все свои модные женские журналы за несколько лет скупщику старья, она не смогла. Этой «тридцатки» ей хватило на следующие две недели. Потом в дело пошли пустые бутылки, некоторые безделушки память о маме и, наконец, единственный в доме настенный ковер.

Вернувшись к себе домой в очередной раз с рынка, где Вика поняла, что там, среди обилия съестного среди которого она побывала, скорее всего, в последний раз, и увидев совершенно пустую свою единственную комнату, она упала прямо на пол и горько разрыдалась.

Ей очень не хотелось вновь браться за испытанный и верный способ зарабатывания средств к существованию. Несмотря на то, что даже и сегодня к ней все так же, как и ранее приставали мужчины.

Но вспоминая, сидя на холодном полу свою маму, на могиле которой из-за безденежья она не появлялась вот уже восемь месяцев и почему-то уже проданный почти задаром ковер, на какое-то мгновение пришла в себя и громко произнесла:

– Папа! Папочка! Где ты, родной!? Как мне без тебя плохо!!! Если бы ты был сейчас рядом, все бы было иначе!..

Голос ее эхом несколько раз облетел неприкрытые стены комнатухи и замер в ее собственной голове. Виктория еще долго оставалась замерзшая на полу, где так и уснула...

Голодная и больная от холода и боли в желудке, Вика одевала свое лучшее платье. Стояла перед единственным своим зеркалом и рассматривала себя, приговаривая слова о том, что все у нее сегодня получится. А как же иначе? На нее смотрело отражение высокой, стройной, по-прежнему привлекательной и, как говорила Янка, ярко-сексуальной молодой особы с горящими от желания глазами. Правда, сейчас это был блеск не совсем того желания, но все же...

Виктория в тот поздний вечер истратила все свои деньги. Подкатила ко входу в ресторан на такси и даже дала швейцару на чай!

Она шла под оценивающими взглядами шикарных мужчин по переливающему гляncем фойе.

Ее глаза в эти минуты сверкали от счастья! И не один в этом городе, не то, что в зале, мужчина не подумал бы даже, что это все блеф.

При ее появлении в зале у стойки бара произошло некоторое оживление. Там на нее уставились одетые в смокинги трое мужчин. Их вмиг приподнятые над безупречно стоящими бабочками подбородки повернулись, как при устойчивом ветре флюгер, на нее одну. Все они были уже очень давно в расцвете своих сил. Но что-то еще имели в своих запасниках потому, что дружно, не сговариваясь, раздвинулись и освободили между собой одно кресло. Виктория поняла, что это сделано ими именно для нее и поэтому смело шагнула в свой последний в жизни водоворот.

Это были иностранцы. Все трое участники международного симпозиума то ли магов, то ли экстрасенсов. Виктория этого так и не поняла, хотя сама и ее новые знакомые неплохо общались на русско-английском. Их врожденная галантность и такт дали нашей героине полностью опомниться и вновь собраться с силами. Виктория блистала! Своим интеллектом и эрудицией. Молодостью и красотой. Искрометным юмором и остроумием. Иногда, после своих особенно удачных фраз, она удивлялась сама себе. И ее окружение приняло ее! Через два часа, уже сидя за шикарным столом в отдельном кабинете, ей пришла в голову мысль, что этот вечер так и может закончиться для нее не тем, зачем она здесь появилась. Но ее опасения были преждевременными.

Она даже не заметила, как ее великовозрастные друзья договорились между собой. Двое – финн и немец, уже совсем скоро распрощались и ссылаясь на свою усталость, оставили ее с самым ей понравившимся и самым моложаво выглядевшим иностранцем. Он был югославом. Точнее, в силу недавнего переустройства Европы, это был уже только хорват по имени Иванко или по-русски Иван.

Его глаза-маслины весь вечер непрерывно сверлили и жгли взглядом девушку. Иногда он волновался и даже несколько раз прерывал свой рассказ, забывая о том, что только что говорил. Они вдвоем смеялись над его забывчивостью. Пили вино. Слегка между словами закусывали.

Виктория знала, каким будет продолжение этого вечера. Но уже, вот подряд несколько часов, ошибалась в своих предсказаниях насчет времени поступления к ней конкретного предложения. Пока этот юг, вопреки всем ее ожиданиям, лишь однажды прикоснулся к ее правой руке своими пальцами. И то, лишь случайно. И совсем не наигранно.

В большей части их встречи Вика молчала, больше слушая о его стране тысячи островов, о прекрасной Адриатике и его родном Загребе. Собеседник очень старался быть полностью понятным и поэтому говорил почти без акцента. По всему было видно, что этот мужчина очень желает ей понравиться.

Им на стол подали уже десерт. Какое-то невиданное ею ранее, но очень невкусное пирожное и кофе.

Виктория стала уже нервничать, несколько раз ответив собеседнику невпопад. И тогда ее мужчина на вечер развеял все до единого ее сомнения:

– Виктория, извините меня за крайней степени откровенность... Но я чувствую, что вы ждете от меня этих слов... Я прекрасно понимаю, что буду говорить пошлость... Но я должен это вам сказать!..

Его голос втекал в ее разум нежным ручейком, которому она не могла противостоять и сопротивляться, давая оценку каждому слову. Девушка с содроганием отметила, что от этого голоса ей становится тепло и спокойно...

– ...Извините меня еще раз... Но я догадываюсь зачем вы здесь... И смею вас успокоить! Мне понятно, что не ваша в этом вина. Вы очень много сомневались, перед тем как встретиться со мной... С таким, как я, в этом месте. И я благодарю судьбу за это! – дрожащим голосом произнес мужчина, взяв в свои обе ее руки.

Виктория молчала и смущенно слушала, уже даже не предполагая, чем же закончится для нее сегодня. Она только с наслаждением внимала его словам и совсем не пыталась вникать в их смысл. Ей и так было очень хорошо!

– Поверьте мне, что мои слова не блажь! Я взрослый мужчина и уже достаточно повидал женщин в своей жизни. И каждая из них оставила вот здесь, – мужчина рукой прикрыв ладонью свое сердце, – свой след... Но увидев вас сегодня, я был поражен! Честное слово, это правда! И поэтому прошу вас изменить свои желания. Пожалуйста, я вас очень прошу! Не надо, Вита, сейчас, рядом со мною думать о том, зачем вы сюда пришли! Поверьте, вы не ошибетесь, послушав меня. Я, конечно же, не буду вам сейчас делать предложение... Это было бы глупо. Самое большее, что я могу сейчас предложить, не обидев вас, это пригласить съездить вдвоем на ваш самый лучший курорт. К себе, в Хорватию невозможно... Оформление документов и виз займет уйму времени. Не обижайтесь! Так, что, в Крым?

Виктория не понимала услышанного! Ей казалось, что она уже давно знает и этот голос и этого человека! Она сейчас ни в чем не сомневалась, а только растерянно повторила несколько раз слово «Да!» этому, не сводящему с нее своих глаз, уже немолодому мужчине.

Вечер закончился не в том месте и не так, где и как она ожидала. Этой ночью она уснула одна. В отдельном номере, рядом с апартаментами своего... Она сейчас не знала, как именно относиться к этому человеку. И как его называть по отношению к себе... Тем более, что он не остался с ней спать, а выходя из ее комнаты лишь единожды поцеловал в щеку.

Виктория, оставшись одна, еще очень долго сидела перед зеркалом трельяжа и тупо смотрела в одну точку. Она ничегошеньки не понимала. Да, если честно, и не хотела...

Уже на следующий день на автомобиле с красными дипломатическими номерами, принадлежащим товарищу, работавшему в консульстве, что на улице Артема, которым управлял сам Иван, они отправились к морю. Эта встреча с морской стихией для Виктории была только второй в ее жизни. Она безумно радовалась этому обстоятельству, но старалась не давать об этом Ивану знать.

Многочисленные остановки нравились ей. Спутник был таким же вежливым, как и в первый их вечер. Максимум, что он позволял, так это поддерживал девушку под руку. От этого Виктории было весело и вскоре она уже и не представляла себе, что все могло быть намного иначе.

Половина ее государства промелькнула за окном их иномарки. Умань с ее Софиевским парком, Одессу, Николаев, Херсон и весь Крым они посетили за четыре дня! Виды, пейзажи, города и селения, поля и горы – все слилось для девушки в одно целое!

Все, кроме их последнего вечера...

Ее разбудил легкий стук в дверь. Это был, конечно же, Иван! Вчера они много купались в море и поэтому Виктории было трудно раскрывать глаза. Хотелось еще спать.

– Да, да! Открыто! Я не сплю! – тем не менее крикнула девушка.

Вначале дверь распахнулась лишь для того, чтобы было лучше слышно его голос:

– Вы одеты, Виточка?

– Да! Входите, не стесняйтесь! – прошептала, уже ничуть не удивляясь такому их взаимоотношению, девушка.

В проеме появился Иван. Он был в комнатном халате и держал в руках поднос, на котором стояла ваза с цветами. Это был его первый букет за время их пока краткого знакомства. Вика улыбнулась, как улыбалась очень давно, в счастливом, но очень коротком детстве:

– Спасибо большое! Они такие красивые!

Мужчина вошел и сразу поставил вазу на тумбочку у ее кровати. Присел в кресло напротив. Тоже улыбнулся.

– Виточка, к сожалению, сегодняшний день самый последний... Мне необходимо ехать на родину. У меня действительно очень много неотложных дел... Я специально начал этот день пораньше, разбудив вас, чтобы многое успеть сделать. Я очень хочу, чтобы этот день запомнился вам на всю жизнь!

– Что же вы предлагаете? – наигранно и уже забавляясь, спросила девушка.

– Во-первых, сейчас же отправиться завтракать! В самый лучший ресторан!

Во-вторых, мы сегодня будем кататься по морю! В-третьих, у нас будет шикарный обед!..

– Потом ужин, да? – с грустью в голосе перебила Виктория. – А вечером мы вновь расстанемся в коридоре?

Иван прекрасно понял скрытую в словах его подруги мысль. И, по всему было видно, с трудом решился:

– Не совсем так...

– Говорите! Я готова выслушать все что угодно!

– Я очень боюсь переступить эту грань, поймите...

– Давайте, Иван, называйте меня на «ты»! Так вам будет легче! – расправляя обеими руками на себе одеяло, попросила девушка.

Иностранец громко выдохнул воздух:

– Я хочу именно сегодня сказать вам что-то очень важное... Для меня... И, может, и для вас... тебя тоже...

Руки взрослого мужчины рвали на собственном халате узел пояса и, вообще, не находили себе места. Все выглядело комично и вполне естественно. Виктория даже и не думала смеяться:

– Хорошо! Я согласна!

Ее внезапное появление из-под одеяла остановило Ивана во всех его движениях. Виктория в этой коротенькой, чуть ниже ягодичных складок, полупрозрачной пижамке-разлетайке была просто прекрасна!

Своими появлением перед утренним гостем в таком виде Виктория растворила все сомнения, если таковые еще и оставались! Их обоюдные сомнения растаяли прошлогодним снегом относительно конечных результатов этой поездки. Но было все-таки еще необходимо короткое время дособлюдать внешние проявления степени их отношений:

– Иван! Отвернитесь сейчас же! Мне необходимо переодеться! – звонко и снопами выбрасывая искры из своих счастливых глаз, одернула смелый и откровенный мужской взгляд девушка. – Еще не вечер!

Мужчина остался сидеть в кресле. Он улыбнулся только той улыбкой, которой улыбаются люди в преддверии необычного, волшебного, но вполне реального события. И немедленно после прозвучавшей просьбы прикрыл веки...

Этот день растянулся до неестественных размеров! Прав был Эйнштейн со своей теорией. Главное, знать, что именно ты ждешь. И тогда на себе и совершенно реально ощутишь полную материальность этой обыкновенной физической величины – времени.

Все, кого они встречали на своем пути, обращали на них внимание! Потому, что не было краше пары на всем этом райском берегу! И разница в их возрасте только придавала их близости необычной бархатистости шарм...

Завтракали в кафе у Воронцовского дворца, обедали на скале рядом с Ласточкиным гнездом. Все время болтали. Виктория долго рассказывала о своем пионерском детстве, о самом смешном из тех лет, проведенных в школе. Они вдвоем долго и тщательно привязывали свои ленточки к металлу символа города Ялты на Севастопольском шоссе. До боли в животе смеялись над обезьяньими ужимками в зоопарке. Просто бродили по прекрасным паркам этого места на земле.

Девушке нравился этот взрослый, сошедший с ума рядом с нею, человек. Ее совершенно не волновало, что это был иностранец. И даже реальность их разницы в возрасте. Она успела почувствовать за эти, проведенные вместе, несколько дней силу его рук и была приятно удивлена его телосложению и крепости мышц в первое их купание на пляже.

До их появления на берегу моря Иван уже смог полюбоваться телом Виктории. Когда, в одном из магазинчиков, сразу по приезду к морю, она выбирала себе купальник. Тогда она с десяток раз зазывала Ивана к себе в кабинку и подолгу нежилась, подставляя под его испепеляющий взгляд почти всю себя...

Ужинали они в одном из ресторанчиков на набережной в Ялте. Иван в этом месте стал учить Викторию пить текилу. Правильно и по-мексикански:

– Обязательно надо пить этот напиток с солью! Ее вкус удесятерит вкус этой водки! Всего удобнее слизывать соль с левой руки, предварительно притрусив это место за большим пальцем. Вот так! – и Иван опрокидывал в рот очередную рюмку.

Он был уже пьян. Впрочем, как и сама Виктория. Их разговор уже был больше похож на беседу давно близких друг другу людей. Знавших о себе все до мельчайших подробностей. Они в эти минуты уже не говорили ничего второстепенного. Подолгу, замерев, смотрели друг на друга. Изредка бросали свои взгляды на окружающих и в сторону близкого ночного моря. Больше молчали и слушали, доносившуюся из соседнего кафе, музыку.

Подносившая во второй раз к их столику большую бутылку текилы официантка так и подумала о них, как об отце с дочерью или как о дедушке с внучкой. Их ласковые жесты и свет в глазах не давал никаких сомнений – это были близкие по крови люди! Особенно, своей внешностью. Правда, большие любители выпить...

– Вы мне хотели сегодня вечером что-то сказать..., – не выдержала Вика.

Иван от ее слов замялся и еще раз зачем-то позвал официантку, которая, так ничего и не поняв, отошла вскоре от их столика без заказа. Мужчина волновался и не знал что сказать...

– А, давай, чуть позже..., – буквально взмолился он. – Ведь еще так рано...

– Наливай! – весело согласилась девушка...

Когда они добирались к своему пансиону, то любой сотрудник автоинспекции, без сомнений, остановил бы этот, безобразно виляющий из стороны в сторону по всей дороге, автомобиль. Пусть он был и с неприкасаемыми красными дипломатическими номерными знаками!

Вел себя так за рулем Иван не потому, что был сильно пьян. Нет! Всю эту дорогу они процеловались.

Виктория не могла вспомнить кто же первый из них потянулся для этого. Ее желание сблизиться с этим человеком было так велико, что она теряла сознание в его объятиях и сама, изо всех своих сил, пыталась раздавить его тело у себя на груди! Их губы слились в долгом, на всю их не короткую дорогу к месту ночлега.

Они еще долго не размыкали губ, оставаясь в автомобиле после остановки. А потом, взявшись за руки, пошли в парк.

Их дыхание было напряжено. Оба внимательно смотрели себе под ноги, хотя на этих дорожках под фонарями было довольно светло. Говорить ничего не хотелось. До тех пор, пока они не дошли в самый отдаленный и темный уголок полудикого, неухоженного парка, к самому обрыву над морем. Где-то совсем рядом с ними находилась наивысшая точка этого волшебного берега.

Они совсем не замечали вечернего тепла и одурманивающего запаха моря, смешанного с ароматом хвои и можжевеловых, разогретых жарким днем, ветвей. Их слуху были недостижимы звуки южной ночи, наполненной треском цикад, шуршанием в близкой траве, наверное, ежей и дальше, за кромкой скалы, еле различимым плеском волн.

Как заколдованные, они стояли, обнимаясь на фоне всходящей в этот поздний час над морем Луны. С каждой минутой ее диск увеличивался в размерах, сила свечения удесят�рялась, и совсем скоро весь мир вокруг них до краев наполнился серебристым свечением. На морской глади уже была не просто дорожка! Все море, от края и до края излучало, казалось исходящий из-под воды, свет! Небо вокруг ночного светила тоже набрало свою самую сильную для этого времени суток освещенность и тоже стало серебристым. Весь воздух в этом месте под космическим сводом стал полупрозрачным и, одновременно, невесомым. Частички света, зависая в нем, делали его осязаемым. Несчитанные звезды, в другую ночь сами по себе, будучи украшением, сейчас только дополняли это общее безумие красоты!

Посеребрённый для них одних мир вокруг замер!

Сколько они так простояли, замороженные видом этого неземного великолепия, было неизвестно никому.

Виктория пришла в себя уже лежа на траве с подстеленным под спину его пиджаком. Выражения его лица под сверкавшим лунным диском над его головой ей было не видно. Она только догадывалась об этом. Его руки стремительно принялись ласкать все ее тело! От этих прикосновений девушка стонала и извивалась, До тех пор, пока, обезумевшая от страсти не продолжила начатое им.

– Я тоже люблю тебя..., – шептали ее губы в ответ на его первое признание. – Я очень, безумно тебя люблю! Хочу тебя и не могу жить без тебя!..

Совсем нескорo они продолжили начатое под небом в гостиничном номере. И все было прекрасно, до того момента, пока они, ослепленные ярким светом, не встретились в ванной комнате.

Они, обнявшись стояли под горячей струей. Вновь целовались. Он нежно мыл одной пеной все ее тело, склоняясь все ниже и ниже к ее ногам...

Иван замер, так и не присев, как этого хотел, до конца на корточки перед Викой. И перестал даже дышать.

– Что, хороший мой? Что ты там увидел? Неужели ты мною еще не налюбовался? – открывая под струей рот и закрыв глаза, догадалась о том, чем именно сейчас занят и как себя ведет ее мужчина.

Не дождавшись ответа, девушка выплюнула воду и посмотрела вниз:

– Правда, я красивая?

– Да..., – пересохшим языком прошептал Иван. – А это что у тебя? – ткнул он указательным пальцем почти в то место, где сходились в единую точку ее ноги.

– Родинка! – смеясь от щекотки, призналась Вика.

– А как звали твою маму? – неожиданно спросил он.

– Мария, – совсем не понимая прозвучавшего вопроса, ответила девушка...

Иван тут же выпрямился. Что-то неразборчиво пробормотал. Его лицо было бледным, а все тело мгновенно утратило свою молодость и на глазах у Виктории стало стариковским. С дряблой кожей и складками. Иван еще в ванне стал намного ниже. Его осанка из горделивой и аристократической стала сутулой и трясущейся.

Она в этот остаток ночи так более ничего от Ивана не услышала. Он просто вышел, не вытираясь на балкон и там совершенно голый просидел в луже воды под босыми ногами до самого рассвета.

Виктория моментально ощутила ту пропасть, которая разверзлась между ними. И понимала то, что ей уже ничем это безумие не изменить. Девушка даже не стала ничего спрашивать и тоже молча пролежала до утра одна в его постели.

Сборы были короткими. Обратившись в ее родной город Иван гнал машину на безумной скорости. Их часто догоняли и останавливали милиционеры, всегда уговаривая водителя успокоиться и поберечь себе и своей пассажирке жизнь...

Она не поехала провожать Ивана в аэропорт. Он ничего ей не говорил, а она только смутно догадывалась о причине такого внезапного конца той их первой и последней волшебной ночи. Она боялась в это верить! И из последних сил отгоняла эту мысль...

Его последними словами были: «Я тебе напишу...». И еще он отдал ей все свои деньги, уезжая к себе домой с одним авиабилетом и паспортом в кармане.

Иван действительно написал Виктории. Но только уже в своем завещании...

Из слов полученного из рук служащих Хорватского посольства документа, девушка поняла, что ее любимого Иво и ее отца уже больше нет в живых. Ивана или Иво, как называла его ее мать, кремировали и похоронили в Загребе спустя девятнадцать дней после его отъезда.

Согласно воле Иво, все его имущество переходило в собственность его дочери – Виктории Владимировны Чипилиной. Включая и дом на одном из островов в Адриатическом море. Еще в длинном списке унаследованного имущества был огромный счет в банке, фирма, другие дома и квартиры, яхта и корабль, несколько автомобилей. Одним словом, Виктория неожиданно стала богатой. Что ее ничуть не радовало. В первые недели она даже очень хотела наложить на себя руки, выпрыгнув из окна квартиры! Но все же ее разум взял верх.

Без труда, оформив визу, Виктория вскоре приехала на свою вторую родину. Из слов встречавшего ее в аэропорту человека – заместителя по бизнесу ее отца, ей стало известно, что Иван по приезду из Украины сильно заболел. Его здоровье подорвали два подряд инфаркта. Третий оборвал его жизнь. Что он вспоминал все время ее и молил у Бога за что-то прощения...

Викторию окружили вниманием и заботой. Она погрузилась в комфорт и роскошь. Ее папа был действительно богатым! Об этом свидетельствовало количество работавших на него людей, список движимого и недвижимого имущества, цифры в банковском счете.

Девушка не захотела в первый день своего приезда отвечать на все вопросы адвокатов отца о том, «что она будет со всем этим предпринимать». Бросив всех их, назойливых, она одна поехала на кладбище.

Без особых усилий, несмотря на то, что она не знала точного расположения могилы близкого ей человека, она отыскала нужное место.

Небольшой черный памятник. С выгравированным лицом ее отца. Это была мастерски выполненная художниками-граверами работа. Глаза Иво на камне светились как живые...

И с одним только словом пониже: «Извини меня!».

Только в этом месте, у надгробия родного для себя человека Вика, наконец, поняла простую истину.

Их встреча была, по-видимому, срежессированна и спланирована всеми вместе взятыми ранее происшедшим событиями, всей их жизнью. Не случиться этого просто не могло! Так было предначертано для них свыше. Они шли к этому дню. Изо всех сил и совершенно не догадываясь о скором своем свидании. Чтобы встретиться и, наконец, разобраться во всем.

Раз и навсегда.

Чтобы жизнь продолжить сразу им обоим или одному достойнейшему.

И обратиться навсегда лишнему в этой суете...

В первый день своего приезда, совпавшее с ее двадцати пятилетием, она успела отдать первое свое, на правах хозяйки, распоряжение, вызвавшее недоумение у теперь уже ее подчиненных.

Виктория распорядилась немедленно, с изменениями во всех необходимых документах, переименовать имение на острове Арес в «Серебряное прощение».

Преыдущее название этого райского уголка было «Просто Мария».

Еще она успела оформить необходимую визу для въезда в эту страну.

Пока на один год.

По ее мнению, этого ей должно было хватить...

## Глава X

Тищенко не сильно давил на педаль газа. И совсем не обращал внимание на происходящее за окнами управляемого им автомобиля. Пустынная дорога позволяла ему это делать. Он, скорее, вел автомобиль, автоматически, полностью поглощенный своими мыслями.

Теперь, когда проблема возникшая по вине Ямкина немного утратила свою остроту, ему было бы можно задуматься и над продолжением своей карьеры. Именно «немного». Тот солдатик не двузначно рассказал, что прежде, чем отнести записку по адресу, ее очень долго и внимательно изучал офицер. И еще он куда-то с ней выбегал из «автозака» на улице.

В том месте, где указал рядовой было только одно «заведение» – пункт ксерокопирования! Отгоняя все тревожные мысли, Борис вместе с тем прекрасно понимал, что его борьба за выживание на этом отрезке еще далеко не окончена. Где-то гуляет второй экземпляр расклада его художеств с недвижимостью, начертанный рукой нотариуса! И для заинтересованных в его крахе лиц не играло большого внимания то, что это была всего-навсего копия...

И сейчас он может раздумывать о своей дальнейшей карьере. Чего, уж, там скрывать, у него появились наметки!? Рисковать и идти ва-банк не хотелось. Но и упускать такой шанс тоже было непростительно!

Что там ему пообещал судья? Должность в Генпрокуратуре? А почему бы и нет! Ведь он знал наверняка, что у этого, попавшего в его сети, человека есть близкий родственник на самом верху в его ведомстве. В кадрах. По крайней мере, одно другому не помеха. Если второму экземпляру Ямкинского послания каким-то образом дадут ход, его появление в Генеральной прокуратуре может дать шанс выжить в своей властной структуре. И неплохой...

Все началось с того самого квартирного дебошира, который помог ему поставить в стойло нотариуса.

Безработный, но еще не пенсионер по фамилии Королев, был очень напуган Бориными словами о том, что «его обязательно посадят». И поэтому сразу согласился сотрудничать с Тищенко.

Уголовное дело в отношении Королева, конечно, закрыли. На судебном процессе по делу Ямкина Королев проходил обыкновенным свидетелем. Но оставалось еще дело об административном правонарушении. За мелкое хулиганство. Это уже не интересовало Бориса и он поэтому был очень удивлен, когда Сергей Михайлович через месяц после ареста Ямкина появился в его кабинете:

– Здравствуйте! Это я, Королев! Неужели не узнали? Значит, богатым буду!

Борис вначале хотел просто выгнать этот отработанный материал, но в это утро ему было откровенно скучно:

– Заходи, заходи, Королев! Что у тебя, милый мой, случилось?

Гость долго теребил свою кепку, прежде чем рассказал, что с ним стряслось:

– Когда меня привели в райсуд, по тому... тому-самому делу, вот. Судья прочитал внимательно протокол. Позадавал вопросы. Спросил, хочу ли я в тюрьму. Я, конечно, сказал, что нежелательно это, вот... Тогда он определил мне наказание в виде штрафа и еще сказал, что можно заплатить, прямо там, в кабинете...

– Что, так и сказал? – уже заинтересованно стал уточнять Борис.

– Да, я же и говорю! А Танька моя уже к утру одумалась и прибежала, сначала в милицию, потом в суд за мной. Стоит, значит, за дверями и ждет... Я, конечно, обрадовался такому делу! Штраф-то небольшой, всего пятьдесят одна гривня... У Таньки моей были деньги. Я спросил у судьи, можно, я деньги у жены возьму. Он, конечно, бери... Я отдал их, а он приказал конвою отпустить меня... От Таньки я, конечно, дома еще получил...

– И это – все? – разочаровано спросил Тищенко.

– Нет! Я же в тот день прогулял на работе...

– Стоп, Королев! Ты же говорил, что нигде не работаешь!

– Да, говорил... А, что тут такого? По документам я, действительно не работаю. Кто же хочет налоги лишние платить? Ни я, ни мой, так сказать, работодатель. А на самом деле я сторожую в школе... Точнее, в здании школы одни какую-то контору открыли, помещение там, значит, арендуют. Вот, я его и охраняю...

– А, что, много платят?

– Не так, что б и много, но Танька довольна...

– Ладно, с этим! – приказал Тищенко. – А, что дальше случилось?

– Я, значит, на работу сразу побежал, сказал, чтобы простили... А начальник мой говорит, что если не принесу оправдательный документ, значит, распрощаюсь со своей работой. Еще и Танька моя начала меня ругать, мол, в доме жрать нечего, а она за меня столько денег отдала. Ей эти деньги, вроде, в счет выплаты долга отдавать надо было. Она кричит, матерится, говорит, что я людям скажу, куда деньги дела. А мне так нельзя! Я же почти месяц отработал! Да и ей, выходит, точно такая же бумажка нужна... Вот, значит, пошел я в суд за справкой о том, что целый день просидел, сначала в мусарне... извиняюсь, в милиции, а потом в суде и что штраф с меня взяли... Послали меня в канцелярию ихнюю, а там заставили самому постановление переписывать. Только там ни о каких деньгах не говорилось... Из того постановления выходит, что я просто одни сутки административного ареста отсидел, вот...

Борис уже невнимательно дослушивал слова посетителя. Он почти сразу понял о чем именно ведет речь старик... Это было, чертовски интересным! Этот отрезок деятельности своего районного суда он никогда еще не отработывал. А там, выходит, вот чем занимаются!

– ...Может, мне написать чего? – спрашивал Королев.

– Да... Можно и написать... Вот, тебе лист и ручка. Пиши, я продиктую!..

Когда Королев ушел, Борис еще раз внимательно перечитал заявление. Выходило, что если факт передачи денег в кабинете судьи подтвердят конвойные милиционеры, а в материалах об административном правонарушении, действительно будет отсутствовать санкция в виде штрафа, значит...

Борис прошибла даже испарина! Такая удача редко приходила, вот так, с самого утра и без никаких усилий! Значит, тот судья у него в руках! Потому, что он, всего за несколько часов может собрать в отношении него материалы, по которым он не только слетит с работы, но и, наверняка, сядет!

Сообщить об этом прокурору района? Нет, и еще раз нет! Тот сразу перетрет с председателем суда, с которым давно кентуется, и сразу все пойдет по известному сценарию, вроде ничего и не было такого... По этой же причине нечего соваться и к председателю суда напрямую... Надо только двигать к судье Тараторкину! Да, точно! Может, что и выгорит...

Договорившись о встрече по телефону, Тищенко долго размышлял о каждом своем слове этому человеку. Судья Тараторкин был в своем районе известным человеком. Чем может прославиться судья? Конечно, своими делами. Гражданскими и уголовными...

Игорь Владимирович именно тем и славился. Что ни дело у него, то и скандал! Об этом судачили все районные правоохранительные структуры. То матом кого-нибудь пошлет, то крылатую фразу, типа «каждый бедный должен сидеть в тюрьме!» скажет, то не те документы выдаст...

Эта информация так, была сейчас, просто к слову. Главным знанием на эту тему было то, что этот человек очень любил выпить! И на этом можно было сыграть наверняка.

Внутреннее убранство районного суда навевало такую же тоску, как внешний вид и всех прочих государственных учреждений. За исключением немногих, налоговой администрации, например...

Судья его ждал и даже привстал со своего кресла навстречу:

– Здравствуйте! Присаживайтесь! С чем пожаловали?

– Понимаете, Игорь Владимирович, мы, сколько работаем рядом, а никогда близко не пересекались! Вы очень много дел рассматривали...

– Помню, помню, нормально сделанные были дела! Особенно, если я не ошибаюсь, по убийству сторожа садоводческого товарищества. Лихо тогда вы убийцу раскрыли на следствии! Он до самого конца, помнится, отпирался! Я еле-еле на приговор вышел... Это же вы расследовали?

Борис никогда не вел то дело, о котором упомянул судья, но не подал этому вида:

– Да... тяжело было доказать вину... У меня, Игорь Владимирович, на эти выходные юбилей намечается. Вот, я и решил расширить круг знакомства! Как вы на это смотрите? – улыбался он судье, быстро сменив тему разговора.

– А что вы праздновать собираетесь?

– День рождения! – без тени сомнения врал Борис. – Дата, правда, не круглая, но все же...

– А где? В каком ресторане?

– Нет, я хочу на природе! С костром, знаете, с шашлычком! Люди будут только свои, можно будет и поговорить, – Борис многозначительно обвел стены кабинета своим не двужачным для судьи взглядом.

Хозяин кабинета его прекрасно понял, но продолжал настаивать:

– Но, все же, о чем?

Тищенко выдержал многозначительную паузу, означавшую для его очередной жертвы, которая пока сама шла в западню, его глубокие размышления в том, говорить все начистоту или нет.

– Да, Игорь Владимирович, документик у меня один интересный в руки попал.

Хочу его вам дать почитать и кое о чем спросить. Если ваш ответ меня устроит, возможно, эту бумагу и сожжем в нашем костерке...

– А вы не боитесь..., – начал было озвучивать стандартную для таких случаев словесную заготовку судья.

– Нет! Не бо-юсь! – глядя прямо в глаза судье, ответил по слогам Борис. – И вы прекрасно понимаете почему. Это пока пусть будет только наше с вами дело! – Борис многозначительно приложил указательный палец к своим губам и еще раз обвел взглядом стены. – Ровно в двенадцать, в воскресенье. Где вас встретить?

Слова Тищенко ввели судью Тараторкина в глубокое замешательство. Он сразу на месте, в присутствии этого шантажиста начал перебирать в памяти свои допущенные в работе ошибки...

– Ну, так как? – настаивал Борис.

– Я подумаю... И вам сегодня перезвоню, – тоже посмотрел в глаза гостю судья.

– Тогда, до встречи!

Их рукопожатие было сдержанным и холодным.

Тищенко не долго пришлось ждать звонка интересного ему человека. Звонок судьи раздался именно тогда, когда Борю проинформировали из отдела кадров районной прокуратуры о том, что судья Тараторкин справлялся о дате его рождения. Конечно, эта памятная дата у Тищенко отмечалась в другой день, даже, другого месяца. Об этом стало известно судье, но

он, все-таки, перезвонил и договорился о месте встречи! Выходило, что Борис все рассчитал правильно...

Стояла прекрасная погода. Чтобы совместить приятное с полезным, Тищенко потратился и купил хорошее мясо, много овощей и водки. Сам заехал за Тараторкиным к его дому, но ни о чем пока не говорил с ним. Игорь Владимирович тоже выжидал.

Мясо было биточное и, поэтому каждый его плоский кусок запекали одновременно на двух шампурах. Пока готовилось мясо, присутствующие пили и легко закусывали, соблюдая всем известный принцип: «поздно выпитая вторая – зря выпитая первая».

Все сидели на лежачих бревнах вокруг огромного дубового пня. Наиболее уважаемым гостям на торжестве подливал собственноручно Борис. Первому всегда Игорю Владимировичу. Который сидел рядом с «именинником».

Как это было не странным, все поздравляли зачинщика лесной сходки с днем рождения! И даже свою здравицу произнес Тараторкин, предложив присутствующим выпить за здоровье и профессиональные успехи Бориса. Недосказанность сквозила в каждом слове, присутствующих за этим столом. Да, и компания собралась, как на подбор: несколько милиционеров, помощников прокурора, инспекторов из районной администрации. Все друг друга знали если и не лично, то по телефонным разговорам, связанным с их работой, наверняка. С каждой новой выпитой рюмкой, разговор становился громче и конкретнее. Почти все за импровизированным столом начали ругать свое начальство и рассказывать о своих личных заслугах перед всей страной, не то, что перед одним районом...

Приглашение «пройтись и прогуляться» поступило Тараторкину от Тищенко неожиданно. Тот просто тронул судью за локоть и прошептал на ухо одно слово: «пошли».

Когда заросли скрыли их от посторонних глаз, Борис достал из бокового кармана заявление Королева, и молча передал его в руки судье. Читал Игорь Владимирович документ очень быстро и, закончив с этим делом, с ухмылкой на устах, демонстративно изорвал лист бумаги на мелкие части, выброшенные тут же, прямо себе под ноги:

– Вот, и все! – вызывающе сказал Тараторкин. – Или у вас есть еще что-то?

– Да есть. И зря вы себя так ведете! Это же лишь всего цветная ксерокопия!

Вот, пожалуйста, прочтите еще одну! Можете и эту порвать, у меня еще остается на сегодня одна копия. Оригинал, как вы сами понимаете, я сюда не брал...

Только сейчас судья вышел из себя. Он сделал несколько нервных движений, которые могли продемонстрировать, что он намеревается покинуть это место. Затем его волнение улеглось, и еще через минуту он спросил:

– Вы это знаете один?

– Стал бы я организовывать эту массовку! Конечно! Неужели это вам не было понятно с самого начала?

– Ничего я не знал...

– Знали! Иначе бы не пришли сюда! Вы же интересовались и вам сообщили, что мой день рождения будет только в следующем году. Тем не менее, вы согласились на встречу...

– Хватит! Что вы хотите?

– Вы хотели спросить не «что», а «сколько», я не ошибаюсь?

– Ах, ты!..

– Бросьте, Игорь Владимирович! Лучше о себе подумайте!

– Хорошо... Сколько?

– Пятьдесят.

– У меня нет столько денег!

– Тогда часть можно заменить услугой. Я слышал, у вас родственник в Генеральной работает...

– Что вы еще придумали!?

– Ничего страшного, не переживайте! Я был бы очень рад изменить место службы, причем минуя городской уровень.

– А не много ли вы хотите?

– Нет! Это в самый раз! И, тем более, я не тороплю вас с ответом. Одной недели, я надеюсь, вам хватит?

– Да...

– Вот и здорово! Я буду ждать вашего звонка!

– А с документом...

– Не волнуйтесь, Игорь Владимирович. Заявление находится в надежном месте и будет вам возвращено сразу же!

– Это когда?

– С моей новой должностью и десятью тысячами. Все очень просто!

Со стороны могло показаться, что эти два человека, мирно беседующие под сенью величественного дуба, если и не родственники, то в самом меньшем случае, большие друзья. Они во время разговора обнимались, хлопали друг дружку по разным частям тела, нежно шептали какие-то слова на самое ушко и так далее. Никто бы, будь он сем пядей во лбу в области разведки или психологии человеческих отношений, ни за что бы не догадался об истинном содержании того разговора.

В этот вечер Игорь Владимирович попал домой в состоянии жуткого опьянения, с помощью двух выстоявших товарищей по застолью. За картиной его выгрузки и препровождении домой из окна своего автомобиля с улыбкой наблюдал почти трезвый Борис...

Обозначенная в их разговоре неделя давно прошла. Несколько раз Тараторкин лично встречался с Тищенко и умолял его отдать документ до того момента, пока им будут соблюдены все условия их договоренности. Деньги он, конечно, отдал сразу. Но заминка вышла с продвижением наверх. Игорь Владимирович клятвенно заверял, что все обязательно устроится. Но гарантий не давал. Это обстоятельство пока и было причиной их частых в последнее время встреч и бесед на одну и ту же тему.

Ждать становилось тяжело и невыносимо. Время останавливалось и не желало двигать стрелками часов. По этой же причине на работе дела шли из рук вон плохо. Участились вызовы на ковер к прокурору. Там, в кабинете наверху, стоя на красной ковровой дорожке перед своим начальником, Борис презрительно улыбался на очередные подстегивания, зримо представляя, как изменится выражение лица у этого человека, когда станет известно о его переводе в Генеральную.

Но не все дела шли так уж плохо. Особое рвение Борис проявлял в своем личном, посвященном Сергиенко.

По номерам американского автомобиля на кладбище он легко, всего одним запросом, узнал имя и адрес владельца. Это был некто Сергей Сергеевич Колиушко. Еще через пару недель он уже знал почти все о «Якоре надежды» и о его сотрудниках. Делал он это под прикрытием своего одного, официально зарегистрированного на его имя в канцелярии прокуратуры, дельца-глухаря по факту выявленных проверкой разбазаривания денежных средств в одном из филиалов крупного банка, расположенного на территории его района. Кстати, докладывать по которому он был готов, хоть сейчас, не дожидаясь отпущенных законом двух месяцев, но, решив использовать его как прикрытия для своего личного расследования. И его бы никогда никто не упрекнул в том, что он так тщательно отработывал не самую перспективную версию.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.